

**БЕЛКООПСОЮЗ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ»**

А. Г. ЗЛОТНИКОВ

МИГРАЦИОНИСТИКА БЕЛАРУСИ

В двух частях

Часть 1

ТЕОРИЯ МИГРАЦИИ И ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОЙ МИГРАЦИОНИСТИКИ

Монография

Гомель 2025

УДК 314.15
ББК 60.73
3-68

Рецензенты: А. Н. Данилов, чл.-кор. НАН Беларуси, д-р социол. наук, профессор Белорусского государственного университета;
В. В. Кириенко, д-р социол. наук, профессор
Гомельского государственного технического
университета имени П. О. Сухого

Рекомендована к изданию научно-методическим советом учреждения образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации». Протокол № 4 от 11 февраля 2025 г.

Злотников, А. Г.

3-68 Миграционистика Беларуси : монография : в 2 частях. Ч. 1 : Теория миграции и история белорусской миграционистики / А. Г. Злотников. – Гомель : Бел. торгово-экон. ун-т потреб. кооп., 2025. – 272 с.
ISBN 978-985-540-680-9

Первая часть монографии посвящена теоретическим аспектам миграции и белорусской миграционной науки. Дана характеристика методологии исследования белорусской миграционистики. Рассматриваются исторические аспекты, связанные с заселением предков белорусов территории современной Беларуси. Раскрыта роль миграции в социально-политической истории и демографических процессах Беларуси. Излагается история современной белорусской миграционистики.

Адресована ученым, преподавателям социально-гуманитарных наук, специалистам органов государственного управления, студентам и всем, кто интересуется проблемами демографии.

Монография выполнена по Государственной программе научных исследований (ГПНИ) Республики Беларусь 2021–2025 гг.

**УДК 314.15
ББК 60.73**

**ISBN 978-985-540-680-9 (ч. 1)
ISBN 978-985-540-679-3**

© Злотников А. Г., 2025
© УО «Белорусский торгово-
экономический университет
потребительской кооперации», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Глава I. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИОНИСТИКИ.....	13
1.1. Методологические аспекты миграционной истории Беларуси.....	13
1.2. Сущность и виды миграции.....	29
1.3. Методология Big Data в системности миграционистики.....	40
1.4. Краткие выводы.....	54
Глава II. МИГРАЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ.....	56
2.1. К проблеме заселения территории Беларуси.....	56
2.2. Этнические проблемы славянской истории.....	64
2.3. Миграция славянских племен на территории Беларуси.....	71
2.4. Миграция и формирование белорусского этноса.....	82
2.5. Миграция на белорусских землях в составе Российской империи....	93
2.6. Краткие выводы.....	109
Глава III. МИГРАЦИЯ В ОТРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ БЕЛАРУСИ.....	112
3.1. Миграция на Беларуси в военных лихолетьях XX в.	112
3.2. Помнит поименно Беларусь.....	130
3.3. «Ах, война, что ж ты сделала, подлая...».....	155
3.4. О миграционном сальдо Беларуси.....	173
3.5. Миграция и лингвистические процессы в Беларуси.....	185
3.6. Краткие выводы.....	196
Глава IV. МИГРАЦИОНИСТИКА БЕЛАРУСИ В ЛИЦАХ.....	198
4.1. О миграции в Беларуси: от колонизации до индустриализации.....	198
4.2. Выходец из белорусской земли – лауреат Нобелевской премии по экономике 1971 г. о демографических процессах.....	205
4.3. Институционализация демографии в Беларуси.....	217
4.4. Истоки институционализации социологии демографии в Беларуси.....	230
4.5. Исследования миграционистики в современной белорусской науке.....	236
4.6. Краткие выводы.....	254
Заключение.....	257
Список литературы.....	264

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из главных демографических процессов, таких как рождаемость, смертность и миграция, последняя является самым распространенным и самым сложным для анализа явлением. Так, если в 2019 г. в Республике Беларусь родилось 87 608 младенцев, а ушло из жизни 120 470 граждан страны, то миграционными процессами населения было охвачено в десятки раз больше. Так, только по неполным материалам текущего учета, которые предоставили в статистические органы паспортные службы внутренних дел, более 536,6 тыс. человек были включены в миграционные процессы. Самую значительную часть из них (около 90%) составляют внутренние мигранты. Это те, кто поменял место жительства внутри страны – областная миграция, межрайонная миграция и урбанистическая миграция (из сельской местности в городскую или из городской – в сельскую местность). Также есть и внешняя миграция: население, покинувшее пределы Беларуси, и население, прибывшее в страну на постоянное место жительства.

Кроме того, не полностью учитываемая белорусской статистикой во внешнем миграционном обороте, существует и международная трудовая миграция. Только на российском рынке труда в 2019 г. величина зарегистрированных белорусских трудовых мигрантов по данным российских миграционных служб составила 538 204 человека. Отметим и обратное миграционное движение – снятие с миграционного учета в России 425 670 белорусских трудовых мигрантов. Добавим 137,7 тыс. белорусских граждан, по данным Евростата зарегистрированных резидентами в 2018 г. в странах Евросоюза. Но больше всего внимание политиков и значительной части большинства белорусских демографов обращено на внешний миграционный оборот, который по данным белорусской статистики в 2019 г. составил 55 822 человека, в том числе по прибытию 34 846 человек и выбытию 20 976 человек. При этом, однако, существуют значительные разночтения в отношении масштабов внешнего миграционного оборота Беларуси международной и национальной миграционной статистики.

Выше был упомянут термин «по неполным данным» – неполным потому, что в отличие от медицинского и юридического факта фиксации рождений и смертей в миграционные подсчеты попадают не все перемены места жительства. Так, в 2019 г. по данным миграционных служб Беларуси 8 035 граждан Беларуси сменили гражданство,

переехав в страны вне СНГ. А по данным Евростата только в страны Евросоюза (а это меньше, чем в страны «вне СНГ») в 2019 г. выехало более 80 тыс. граждан Беларуси. По данным национальной миграционной статистики Беларусь приняла 12 313 человек из стран вне СНГ, из которых более трети (4 669 человек) – кредитные мигранты из Китая.

Добавим разночтения и миграционного белорусско-российского обмена, дающего львиную долю белорусской миграции в масштабах СНГ. По данным белорусских миграционных служб в 2019 г. в Российскую Федерацию выбыло на постоянное место жительства 8 148 граждан Республики Беларусь. Число прибывших на постоянное место жительства в Беларусь из Российской Федерации оценено в 10 440 человек, т. е., судя по данным национальной статистики, Беларусь в обмене населением с Россией имеет положительное сальдо миграции. Миграционные службы России дают совсем иную картину масштабов белорусско-российской миграции – они считают свое положительное сальдо миграции. По материалам Росстата, основанным на данных российских миграционных служб, численность граждан, которые переехали на постоянное место жительства в Россию из Беларуси, оказалась более чем в 2,26 раза больше – 18 428 человек, чем по белорусским данным.

В 1994–1996 гг. национальной статистикой считалось, что население Беларуси на начало 1994 г. составило 10 367,3 тыс. человек. В 1997 г. был произведен перерасчет, и до переписи 1999 г. считалось, что наивысшая численность населения Республики Беларусь на начало 1994 г. составила 10 319,4 тыс. человек. После переписи 1999 г. была осуществлена новая корректировка численности населения межпереписного периода 1989–1999 гг. Ею была определена ныне считающаяся наивысшей в послевоенной истории численность населения Беларуси – на начало того же 1994 г. – 10 243,5 тыс. человек. Разница между первоначально озвученной в 1994 г. и ныне признанной наивысшей численностью населения Республики Беларусь на начало 1994 г. составила 123,8 тыс. человек. Но при этом корректировка показателей естественного движения не менялась. А это значит, что разница связана с миграционным сальдо, которое характеризуется отрицательными показателями. Но национальная миграционная статистика не обращает на это внимание. Какие цифры белорусского миграционного оборота были зафиксированы в 1994 г., такие же показатели остались фигурировать и во всех последующих данных Белстата о размерах миграции в Беларуси за этот же год – без учета величины этой корректировки в 123,8 тыс. человек.

Приводя такие разночтения, мы не вправе обвинять ни белорусские, ни российские миграционные службы. Как не вправе абсолютизировать чьи-то другие данные. Если в учете внутриреспубликанской миграции фиксация факта перемены места жительства жестко балансируется, то в учете внешней миграции существуют многие проблемы, вызывающие определенные нестыковки. И если такое наблюдается в нашем текущем и обозримом настоящем, то тем более в отношении достоверных цифровых данных исторического прошлого, понятно, еще больше проблем и нестыковок. Но с социологических подходов важны не столько цифровые показатели, сколько наличие этих процессов и, главное, тенденций. И иногда цифровые расхождения, противоречия дают больше представлений о сущности протекающих процессов.

Скажем, если гражданин прибыл из Гомеля в Минск, то этот факт фиксируется дважды: в одном городе (области) он подсчитывается в качестве ушедшего, а в другом – в качестве прибывшего, т. е. данные о внутренней миграции балансируются. Во внешней миграции, к примеру Гомель – Москва, белорусскими миграционными службами он однозначно фиксируется как выбывший, но прибыл ли он в Москву – это белорусской миграционной службы не касается. Его прибытие туда может растянуться на несколько лет. А может, он прибыл на постоянное место жительства в другой населенный пункт России или так никуда и никогда официально не прибыл, или отбыл в другую страну. Вспомним эмиграцию евреев советских времен. В СССР их выезд фиксировался как выезд в Израиль, а в Вене многие из них меняли маршрут на США, Канаду, Германию, Финляндию или другие страны. Но для страны, из которой они уезжали, тенденция не менялась.

Также и данные белорусских миграционных служб не дают нам представление о масштабах трудовой миграции. Эти данные, да и то частично, можно узнать только по данным других стран. Поэтому, говоря о масштабах миграции в Беларуси, нужно привлекать и информацию других стран. Так, по данным российских миграционных служб более полумиллиона белорусских граждан (но мы предполагаем, что и эти данные – также неполны) в 2019 г. получили разрешение на временное жительство в различных регионах Российской Федерации, т. е. как трудовые мигранты. Таким образом, масштабы белорусской миграции составили миллионную величину, а это численность всего городского населения Гомельской области – не только Гомеля, Мозыря, Речицы, Светлогорска, Жлобина, Калинковичей, Рогачева, Добруша, но и других городских поселений области. Или это превы-

шает численность родившихся в Беларуси за последние 10 лет. И это выдвигает проблему миграции на первый план в социальной и демографической политике Беларуси.

Для автора, а возможно и для большинства читателей, эта проблема и личная. Предки автора по отцовской и материнской линии – мигранты. Прапрадед отца и его трое сыновей после отмены крепостного права – а они были крепостными крестьянами в Рогачевском уезде Могилевской губернии – перебрались под Гомель (в деревни Лещинец, Новики и Титенки), который в 1860-х гг. стал развиваться как крупнейший железнодорожный узел. И все они связали свою трудовую деятельность с железнодорожной отраслью экономики, которая на рубеже XIX–XX вв. была сферой, определяющей тогда научно-технический прогресс. И не одна тысяча таких же мигрантов поселилась в Гомеле, а также под Гомелем – в залинейном районе, в послевоенное время включенных в городскую черту. Благодаря развитию транспортной системы как основной градообразующей базы Гомеля, притягивающий мигрантов, город, бывший ранее только уездным городом в Могилевской губернии, по численности населения значительно превысил центр губернии, став в настоящее время по величине населения вторым городом в Беларуси, «опередив» свой бывший губернский центр. Это стало результатом разнообразных миграционных процессов.

И мать – мигрантка. Она 15-летней девушкой из деревни Андреевка Городнянского района Черниговской области Украины, входящей в этническую территорию Беларуси, во второй половине 1930-х гг. в поисках работы перебралась в Гомель. Ее старшие братья, одни по собственному желанию, другие принудительно, тоже стали мигрантами, повторив судьбу славянского населения прошедших исторических эпох. Один из них перебрался в сельский населенный пункт Старая Игрень под Днепропетровском, ныне вошедший в черту этого города. Двое других стали мигрантами, получив 15-летние сроки по 58-й статье: один выслан на Север России, другой – в Казахстан. Еще один брат матери стал кочевым мигрантом, похожим на одного из «героев» «Операции Ы». Вспомните: «Внедряйте культурку! Вешайте картины на сухую штукатурку... Налетай, торопись! Покупай живопись!» Нарботав льготную пенсию железнодорожника, он кочевал, переезжая с одного места на другое в масштабах (бывшего древнего великорусского) пространства европейской части Советского Союза, и внедрял «культурку» – продавал картины-коврики. Самый младший брат матери в годы Великой Отечественной войны был угнан в германское рабство, откуда не вернулся.

Да и жизнь автора постоянно была связана с мигрантами и миграцией. Так, окружение в детские и школьные годы – это мигрантская среда. Это заливной район, в начале 1950-х гг. вошедший в городскую черту, в который переселились предки по отцовской линии. Да и сегодня названия многих гомельских улиц – свидетельство их миграционного происхождения: восемь Иногородних улиц, три улицы Линейные. Еще раньше, когда в конце 1920-х гг. в районе бывших деревень Новиковская Роща и Титенки стал возводиться индустриальный гигант первой пятилетки – завод «Гомсельмаш», появились улицы с названием Сельмашевские – их тогда было шесть, не говоря о различных «сельмашевских» переулках. Наряду с небольшим количеством частных домов здесь были возведены бараки общежитского типа, давшие пристанище этим мигрантам.

Столкнулся автор и с репатриантами или реэмигрантами. В школе учились те, кто родился в городе Кургане, куда с началом Великой Отечественной войны были эвакуированы завод «Гомсельмаш» и кадровые рабочие. Многие мои одноклассники родились там, на Урале, и вернулись вместе с родителями в Гомель.

Работая после окончания средней школы на заводе «Гомсельмаш», автор столкнулся с маятниковой миграцией. Многие сельмашевцы, как и рабочие других предприятий Гомеля, ежедневно ездили на работу пригородными поездами. Одно из этих направлений – Щорс – Городня – Гомель, по которому ездили работать в Гомель с ближайших украинских территорий. Направление Новозыбков – Злынка – Гомель обеспечивало трудовыми ресурсами Гомель из ближайших сел и городов России. Эти направления входят в этнические границы Беларуси. Другие направления: Речица – Гомель, Жлобин – Буда-Кошелево – Гомель и Тереховка – Гомель – это железнодорожные белорусские направления гомельских маятниковых трудовых (или фронтьерских) мигрантов. А еще масса пригородных автобусных веток... В те периоды, когда автор трудился фрезеровщиком на заводе «Гомсельмаш» (1962–1963 и 1966–1967), на работу и учебу в Гомель приезжало около 12 тыс. человек. К 1981 г. число таких «маятниковых мигрантов», т. е. приезжавших на работу в Гомель, выросло до 20 тыс. человек.

В этой атмосфере и сформировался у меня научный интерес к текучести кадров, которую известная ученый, социолог академик Т. И. Заславская относила к одному из видов миграции. Кстати, ныне в теории миграции появился термин «релопакт» (от англ. *relopaction*), которым называется человек, поменявший место жительства или работу. В Гомеле в отдельные периоды «маятниковые мигранты» со-

ставляли до 10% трудовых ресурсов, восполняя потребности экстенсивно развивающейся экономики страны. Потом, как правило, большинство из этих «маятниковых мигрантов» становились постоянными жителями города, получив квартиру или построив в нем дом. Одновременно наблюдался и другой вид маятниковой миграции. Примерно около 2 тыс. гомельчан-горожан ездили на работу в пригородные села или другие города (Речицу, Добруш, Жлобин, Буда-Кошелево, Ветку).

Еще с несколькими разновидностями миграции пришлось мне столкнуться. Это сначала служба в Вооруженных силах СССР – в Германии в составе Группы советских войск Германии. Отмечу, что этому виду миграции в научной литературе незаслуженно уделяется ничтожно мало внимания. И даже его не замечают, а отсюда в аналитических материалах, на наш взгляд, делаются неверные выводы. Так, один из маститых гомельских ученых физиков, в последние годы активно занимавшийся проблемами миграции, на основе материалов переписей населения сделал вывод, что молодому (18–22 года) мужскому населению была характерна низкая миграционная подвижность по сравнению с женщинами данных возрастных групп. Неверные – потому, что материалы советских переписей населения солдат и матросов после уточнений и пересчетов фиксировали не по месту прохождения их службы, а по месту призыва, будто они никуда не уезжали. Получается, что они, покинув родные места и защищая рубежи Родины, оставались в материалах переписей населения числиться по месту этого призыва. Не проходит в материалах паспортных столов информация и такого вида принудительной миграции, как отбывание сроков тюремного заключения и поселений.

Как служба в армии и ее окончание сказываются на других видах миграции? Этот аспект будет нами проанализирован в других разделах книги. Только отметим кратко, что часто некоторые влюбляются, женятся и остаются в местах службы или привозят супругу на свою родину. К примеру, уроженец Свердловска (ныне Екатеринбурга) Владимир Мулявин (получивший образование в Украине) после службы в армии на территории Белорусской ССР остался жить и творить в Беларуси. И это миграция. Отдельно в этом ряду стоит послевоенная жизнь. Воинские части возвращались на Родину, но не по месту призыва, а в военные городки. Особенно много их было на территории Беларуси. И многие здесь находили вторую половину. И многие русские, украинцы находили в Беларуси спутниц жизни. Таковы мой тесть родом из Суражского района Брянской области, региона, входящего в этнические границы Беларуси, и его друг украи-

нец, женившиеся в Вилейке на родных сестрах и оставшиеся там жить и трудиться.

Следующий вид моей миграции связан с получением высшего образования. Поступив учиться в Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина, мне пришлось столкнуться с учебной миграцией. Не один миллион получивших высшее, средне-специальное или профессионально-техническое образование был с нею связан. А потом новый виток миграции – переезд по распределению. В советское время распределение выпускников было всесоюзным.

Так, один из моих университетских наставников Михаил Иванович Иосько, автор книги о выдающемся белорусском деятеле и ученом, одновременно и мигранте Николае Константиновиче Судзиловском, оставившем свой след в истории многих балканских стран, а также на Гавайях, в Китае и Японии (его книга «Доктор Руссель» даже переиздана в Японии), родом из Зельвы Гродненской области по распределению был направлен в Самарканд, где работал главным редактором «Самаркандской правды». По его совету я заинтересовался выдающимся белорусским (не только белорусским, но и украинским, и российским, и даже азербайджанским) деятелем и мигрантом – уроженцем Речицкого уезда Митрофаном Викторовичем Довнар-Запольским, чей бюст установлен в городе Речице. Исследование о нем вошло в коллективную работу нашей студенческой группы, отмеченную наградой на республиканском смотре-конкурсе студенческих научных работ 1969 г. Отмечу, что один из моих однокурсников позже издал о нем книгу «Бацька беларускай гісторыяграфіі».

Вернемся к распределениям выпускников. В Гомеле в 1979 г. на базе кооперативного техникума был открыт Гомельский кооперативный институт (ГКИ) Центросоюза. Значительную часть его профессорско-преподавательского и руководящего состава составили мигранты – из России, Украины и Казахстана. Вуз стал готовить кадры кооператоров для одной восьмой части Советского Союза – Белорусской ССР, ряда (приграничных с Беларусью) областей нынешних Центрального и Северо-Западного федеральных округов России, а также Калининградской области, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР и северных (Черниговской и Житомирской) областей Украины. Но во времена Ю. В. Андропова значительная часть работников торговли и системы потребительской кооперации Ставропольского и Краснодарского краев была арестована и получила тюремные сроки. И на освободившиеся вакантные в торговле места в 1983–1984 гг. в эти края был направлен почти весь состав выпускников ГКИ, а это 95% женщин, тот репродуктивный демографический потенциал, ко-

торый пополнил Российскую Федерацию, а не регионы, для которых их готовили. Спустя 20 лет на конференции в Армавире, городе, являющемся побратимом города Гомеля, я познакомился с заслуженным строителем, почетным гражданином Армавира, который женился на одной из тех выпускниц.

Интересную историю мне рассказала одна жительница города Вилейки, окончившая Брестский инженерно-строительный институт. На ее потоке были однокурсники по фамилии Борисов, Брагин, Браслав, Могилев, Пружан и она – с девичьей фамилией Вилейка. Их всех распределили, как читатели могли догадаться, по адресам их фамилий.

На обложке одной из своих предыдущих монографий «Демографические идеи и концепции» помещен ряд рисунков, один из которых отражает роль и место миграции в демографических процессах. На нем вокруг группы девочек, внизу, стоит надпись «рождаемость» как источник демографического развития. По бокам, как колонны, надписи «брачность» и «продолжительность жизни». А вверху перевернута надпись «миграция». Перевернута она в том плане, что миграция переворачивает жизнь людей, как говорят, с ног на голову. На обычном уровне миграционные процессы и проблемы можно охарактеризовать сравнением, что один переезд равен двум пожарам.

Такие сложные и неоднозначные проблемы, связанные с миграцией, рассматриваются миграционистикой. Миграционистика представляет собой комплексное направление в гуманитарных науках, системно исследующее многообразие социальных проблем миграционных процессов. А эти процессы и проблемы протекают прежде всего в социально-бытовой сфере, находя свое отражение в поле зрения не только демографической и статистической наук, но и исторической, географической, политологической, юридической, социологической, экономической, философской, филологической, культурологической наук. В монографии сделана попытка рассмотреть отдельные аспекты достижений национальной миграционистики, связанные с большинством вышеперечисленных направлений в белорусской гуманитарной науке.

В авангарде рассмотрения миграционных аспектов Беларуси начала столетия и социалистического переустройства шла белорусская литература. Достаточно упомянуть «Новую зямлю» и «Дрыгву» Я. Коласа, «Над ракой Арэсай» Я. Купалы, «Лявоніху на арбіце» А. Макаенка, «Атланты і карыятады» И. Шамякина. Они наряду с русской литературой в лице А. Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву»), Н. Гоголя («Мертвые души»), А. Некрасова («Кому

на Руси жить хорошо»), А. Твардовского («Страна Муравия»), В. Шукшина (рассказы, к примеру «Пост скриптум») отражали с различных позиций и миграционные аспекты.

В современной мировой литературе примером обращения к социальным проблемам миграции могут служить произведения танзанийца Абдулразака Гурны. Он в 2021 г. был номинирован на Нобелевскую премию по литературе – с формулировкой за «бескомпромиссное и сострадательное исследование последствий колониализма и судьбы беженца в пропасти между культурами и континентами», т. е. за освещение социокультурных аспектов миграции.

Глава I. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИОНИСТИКИ

1.1. Методологические аспекты миграционной истории Беларуси

В предисловии отмечено существование проблем и нестыковок в отношении полной и достоверной информации о современных миграционных процессах. Совершая экскурс в историческое прошлое, обнаруживается, что чем дальше это историческое далекое время отстоит от наших дней, тем больше вопросов возникает и к нашей истории, и к миграции в Беларуси. И не потому, что мы «бязродзічы» (люди, родства не помнящие), а потому, что эти вопросы и проблемы существуют у каждого народа. Но у одних сохранилось больше письменных документальных источников, у других – меньше. Об одних народах писали больше, о других – меньше. Больше документальных сведений о тех народах, которые были в центре конфликтных исторических событий. Наибольшие такие события древности на европейском пространстве протекали в эпицентре средиземноморья, где и разворачивались в различных формах бурные миграционные процессы. Про нас также писали, но не о самых древних корнях.

Что поделаешь, что мало писали про нас в древности? Даже и сегодня многие в мире не знают о существовании Беларуси. Так, одна бразильская пара в прошлом десятилетии решила объехать мир. Они несколько лет переезжали из одной страны в другую и о Беларуси даже не знали. И только находясь в Польше, мигранты-путешественники узнали об этом и решили заехать в Беларусь.

Не знают о нас? Но от этого мы не страдаем комплексом неполноценности. Это они от своего незнания должны страдать комплексом неполноценности. Не знают? Что ж, для многих «интеллектуалов» это характерно, о чем свидетельствует история «защиты» от российских хакеров, сфальсифицировавших результаты выборов государства Лимпопо¹.

¹ Российские хакеры, известные в сетях как Вован и Лексус, проинтервьюировали одну американскую конгрессвумен, которую до глубины души возмутили события в Лимпопо, где пророссийский кандидат Айболит одержал победу на президентских выборах над демократом Бармалеем. Она пообещала, что Вашингтон сделает официальное заявление по поводу российской агрессии в этой стране. Аналогичное «знание» в отношении государственной принадлежности Воронежской и Ростовской областей продемонстрировала и министр иностранных дел Великобритании, позже в течение нескольких месяцев занимавшая пост премьер-министра этой страны.

Но, в отличие от автора одной книги из серии «Неизвестная история», утверждающего, что «не повезло литвинам-белорусам с географией» [1], считаю – нам повезло. Не будем пока касаться истинности термина «литвинам-белорусам», об этом речь будет отдельно. Но считаю, что нам в историческом плане очень повезло. Особенно нам повезло в этническом, а значит, и миграционном плане: колонизация (а через нее прошел весь цивилизованный и нецивилизованный мир) наших земель и ассимиляция наших далеких предков началась значительно позже, чем у этих «цивилизованных» народов. Это дало возможность В. М. Игнатовскому констатировать, что белорус – «представитель самого чистого этнографического типа восточно-славянского русского племени» [2]. Не будем утверждать о том, насколько и в какой пропорции белорусы более чисты этнографически, но сам факт более поздней колонизации просторов Беларуси и ассимиляции здесь – налицо.

Хотя в отношении утверждения В. М. Игнатовского об этнической «чистоте» есть серьезные вопросы. Яркие примеры этнической генной чистоты и негативных последствий такой «чистоты» дает увядание и генные потомственные болезни семей двух императорских дворов – австрийского и российского. Именно над такой чистотой «древа» древних родов издевался автор одной пьесы, по мотивам которой создана знаменитая оперетта «Сильва». Но в этом утверждении одного из авторитетов белорусской исторической науки речь идет о белорусах как представителей «этнографического типа восточно-славянского русского племени». И это главное. И это для нас очень важно, ибо В. М. Игнатовский этим подчеркивает, что мы, белорусы, во-первых, представители славянского народа, во-вторых, представители его восточной части и, в-третьих, представители русского племени. А последнее обстоятельство некоторые зацикленные историки пытаются отрицать.

В белорусской исторической науке существует ряд концепций в отношении формирования белорусского этноса. Не будем заниматься спорами о том, какая из них отражает истину. Каждая из них имеет определенную толику истины. Но, будь это балтская, польская, великорусская, кривичская, тутэйшая или иные концепции, в основе каждой из них в процессе формирования белорусского этноса лежит миграционный компонент. Великое ли это переселение народов или колонизация, или ассимиляция, и шли ли эти процессы с запада на восток или с востока на запад, или с севера на юг, или с юга на север, но в любом случае заселение территории нынешней Беларуси связано с перемещением народов – миграционными процессами.

И этот миграционный компонент не отрицает ни один из приверженцев перечисленных концепций. Это общемировая тенденция: в истории большинства государств формирование титульного этноса, «коренного» населения также связано с миграцией. И это реальный исторический факт.

Но при этом с социологических позиций возникает серьезная проблема, кого считать коренным населением? Какое поколение из ныне живущих является коренным населением? Как отмечал «зубр» советской и российской миграционистики Л. Л. Рыбаковский, «поскольку одновременно живет три, редко четыре поколения, то для решения этой задачи достаточно выделить из них первое и второе, тогда остаток составит третье и в редких случаях четвертое поколения» [3, с. 173]. Но есть и другие обстоятельства, от которых мы прежде всего должны и можем отталкиваться – это реальные факты связи современности и прошлого. Научным является такой социологический подход, при котором учитывается современная реальность, но при этом не игнорируется и историческое прошлое. О важности социологического подхода исследования истории отмечал В. О. Ключевский: «целый ряд соображений побуждает историка при изучении местной истории быть по преимуществу социологом» [4, с. 37]. Причем социологический подход в региональной истории должен быть преобладающим. Его суть состоит в исследовании своеобразного сочетания многообразных и изменчивых условий и особенностей местного, т. е. регионального, исторического пути развития.

Социологический подход требует опираться на это историческое прошлое и осмысливать исторически пройденный путь. «Родильный дом» – это наша первая Родина. Так, по факту рождения на территории нынешней Беларуси Адам Мицкевич записывается в белорусы, хотя во всем мире признано, что он – величайший поэт польской нации. Что ж, в мире это не единичный случай: в свое время семь греческих городов спорили за право считаться родиной Гомера. Язык – своеобразная наша вторая Родина. У того же Мицкевича действие его классического «Пана Тадеуша», написанного на белорусском языке (но латинским шрифтом), разворачивается в белорусской социальной среде. Или деревня Достоево современного Ивановского района Брестской области, что в самом сердце белорусского Полесья, является родиной Ртищевых – предков классика русской литературы Ф. Достоевского, живших здесь в течение двух столетий, вплоть до XVII в. И выдающегося нашего «песняра» Мулявина, что отмечено в предисловии, и мы и во всем мире отождествляют с Беларусью – он белорусский песняр, хотя родом он из России и по национальности –

русский, а образование получил в Украине. Таковы интересные аспекты нашего и первого и второго «родильного дома».

В отношении первого нашего «родильного дома» – это территория современной Беларуси. Она характеризуется следующими географическими координатами: на севере – возле деревни Прошки Верхне-Двинского района Витебской области (56°10' N; 28°07' E); на юге – на выходе Днепра за пределы Беларуси возле отселенной после катастрофы на Чернобыльской АЭС деревни Верхние Жары Брагинского района Гомельской области (51°16' N; 30°35' E); на западе – у реки Западный Буг возле деревни Крынки Каменецкого района Брестской области (52°17' N; 23°11' E), а также на востоке – у деревни Липовка Хотимского района Могилевской области (53°24' N; 32°47' E). Географический центр Беларуси находится в Пуховичском районе Минской области – возле деревень Антоново и Бор Новоселковского сельсовета (53°32' N; 28°03' E). Этнические границы белорусов по данным этнографов и географов проходят по линии Брест – Белосток – Сувалки – Вильнюс – Даугавпилс – Опочка – Верхние Луки – Ржев – Брянск – Трубчевск – Городня – Овруч – Брест [5].

Этнические границы белорусов в отличие от государственных границ Республики Беларусь пересекаются с этническими границами русского, украинского, польского, литовского и латышского населения. В результате вдоль наших государственных границ имеется полоса одновременно этнических белорусов и этнических русских, этнических белорусов и этнических украинцев, этнических белорусов и этнических поляков, этнических белорусов и этнических литовцев, этнических белорусов и этнических латышей, проживавших и проживающих совместно. Эта полоса представляет совместные этнические границы Беларуси, России, Польши, Литвы и Латвии, являющиеся результатом миграционных процессов как в прошлом, так и в настоящем. И государственные границы Беларуси, России, Польши, Литвы, Латвии проходят внутри этих этнических границ. Хотя в историческом прошлом границы предков белорусского этноса считались севернее.

В статье М. Богдановича «Белорусы» (1915) отмечается, что «границы белорусского народа сравнительно довольно отчетливы. Он сплошной массой заселяет всю Могилевскую губернию, всю Минскую, за исключением Мозырского уезда, Витебскую, кроме ее северо-западного угла, Виленскую, кроме ее западной части, и, наконец, северную половину Гродненской губ. Помимо этого, белорусы составляют большинство в смежных уездах Смоленской губ., северной части Черниговской губ., Августовском уезде Сувальской губ.,

Новоалександровском уезде Ковенской губ. и проч. ...Ясно обозначившей самостоятельно народностью белорусы являются уже в XII и XIII столетии, т. е. в непосредственной преддверии возникновения двух наиболее крупных и своеобразных русских государственных величин: Великого княжества Московского и Великого княжества Литовского. Государственная граница при этом совпадала с племенной. Великорусские земли сгруппировались вокруг Москвы, белорусские отошли к Литве» [6, с. 340]. Отметим при этом, что классик (кстати, и сам ставший мигрантом) белорусской литературы жителей Великого княжества Литовского относит «к своеобразной русской государственной величине».

Недаром в конце 1918 г. в Смоленске было провозглашено создание Белорусской Советской Республики. В 1919 г. часть территорий тогдашних Витебской и Могилевской губерний (последняя в то время включала и нынешнюю Гомельскую область) входили в состав Советской России. И до середины 1920-х гг. многие нынешние территории этих областей Беларуси входили в состав Смоленской и Брянской губерний Российской Федерации. В 1924–1926 гг. Белорусской ССР в ходе территориального уточнения было возвращено 17 этнически белорусских уездов Витебской, Могилевской и Смоленской губерний, а также созданной Гомельской области. Показателен и тот (мало известный большинству, кроме географов) факт, что на территории Беларуси в Добрушском районе Гомельской области России принадлежит не связанный с ее основной территорией (ныне опустевший) анклав Медвежье-Саньково (площадью 4,5 км²; в 1,4 км от российской границы), административно подчиненный Злынковскому району Брянской области. Все это свидетельствует о значительном переплетении в истории приграничных регионов демографических судеб и процессов.

Напомню историю определения границы между Беларусью и Украиной после присоединения к ним западных белорусских и украинских земель. «Руководивший в то время Украиной Н. С. Хрущев ходатайствовал об установлении границ воссоединенных западных территорий между Беларусью и Украиной по реке Припять. Доказательства белорусского руководителя П. К. Пономаренко, опиравшегося на дореволюционные научные исследования о распространении белорусского языка и этноса, показали И. В. Сталину более убедительными. Как говорит молва (эту версию автор слышал в 1975 г. от Александра Александровича Чижова, заслуженного экономиста Белорусской ССР, проработавшего 34 года в должности заместителя, первого заместителя председателя Госплана БССР), Сталин сказал:

«Слушай, Никита, а ведь доводы Пантелеймона крепче твоих». И, выдержав паузу, спросил: «Скажи, Никита, наверное, тебе лес нужен?» И получив у замямлившего Хрущева утвердительный ответ, добавил: «Дадим тебе немного белорусского леса» и провел на карте красным карандашом кривую линию, установив современную границу между западными белорусскими и украинскими землями» [7, с. 193–194].

Современный наш «родильный дом» – нынешнее территориально-административное устройство Беларуси включает шесть областей: Брестскую, Витебскую, Гомельскую, Гродненскую, Минскую со столицей и Могилевскую. И если делать акцент в деле формирования белорусского этноса на какие-то отдельные регионы, как это делают отдельные историки и политологи, абсолютизируя историю одной части страны и распространяя потом выводы на всю территорию нынешней Беларуси, то тем самым, желая или не желая этого, ими сеется сепаратизм. Но не будем, как это делает автор работы «Мифы о Беларуси», требовать заниматься такими выводами политическим силовым структурам. Так этот автор, сначала справедливо утверждая о конфессиональном составе белорусского этноса, что «все вместе они являют собой единую белорусскую нацию. Зачем кто-то пытается на пустом месте расчленить политическую нацию Беларуси?» (не будем обращать внимания на термин «политической» нации), затем призывает обратить внимание на это силовым структурам: «Это вопрос к службам национальной безопасности государства» [1]. Этого по отношению к тем, кто, по сути дела, сеет сепаратизм, мы делать не будем, – научные проблемы, особенно исторические, не должны решаться силовыми или чиновничьими структурами.

Есть и важные факты исторического прошлого – это данные археологии. Археологические раскопки подтверждают, что на территории современной Беларуси люди проживали издавна. Историки считают, что они появились 7–5 тыс. лет до н. э. [8, с. 20] – еще до дреговичей, кривичей, радимичей, т. е. до славян. Причем есть археологические данные, что на юго-востоке Гомельской области обнаружены стоянки первобытных людей, возраст которых составляет около 27–25 тыс. лет [9, с. 20]. И здесь хочется обратить внимание на этом важнейшем и интереснейшем факте, который в своих рассуждениях о Прародине наших предков игнорирует большинство интерпретаторов, борцов против мифов о Беларуси и создающих новые мифы о ней.

Дело в том, что основная часть из полутысячи поселений в древне- и среднекаменную эпоху (мезолит), а также в эпоху неолита, обнару-

женных археологами на территории современной Беларуси, находятся на ее юго-востоке. Это территории нынешней Гомельской области, части Могилевской, а также на юге (в средней ее части) Брестской области. В Припятском Полесье обнаружено более 150 стоянок древних людей, в районах Сожа – свыше 100, в Понеманском крае – свыше 100, в вернем устье Днепра – около 50 и 16 стоянок выявлено в районе Двины [8, с. 20]. Самые древние поселения на территории Беларуси сосредоточены в Посожье – у деревень Бердыж (Чечерский район), Светиловичи (Ветковский район), Обидовичи и Клеевичи.

Это заставляет поглубже исследовать проблему: откуда пошла земля белорусская. Одновременно это ставит вопросы по отношению справедливости утверждения о балтском, якобы единственном, субстрате формирования белорусского этноса. Как далека – несколько сот километров (а это значительное расстояние для тех времен) – Балтика от регионов Беларуси, где были самые древние поселения! Но даже если признать справедливым утверждение о роли балтского субстрата, то и оно является свидетельством того, что в основе исторически длительного пути формирования белорусского этноса и белорусского государства лежат миграционные процессы. И начинался этот путь не с северо-западных, а с юго-восточных земель, где выявлены стоянки возрастом около трех десятков тысяч лет. Именно этот ареал, который после окончания последнего ледникового периода 27–25 тыс. лет тому назад стали до славян заселять древнейшие наши предки, – Прародина белорусов.

В отношении проблем истории государственности на нынешнем белорусском пространстве есть две крайности. Одна крайность состоит в рассмотрении Киевской Руси как первом государственном объединении на этой территории. Вторая крайность состоит в превознесении в качестве основы нашей государственности белорусского этноса Полоцкого княжества и ВКЛ. Обеими этими крайностями игнорируется то обстоятельство, что на территории нынешней Беларуси в историческом прошлом были и другие государственные объединения. В этой второй крайности для не сведущих скрыта тенденция отрицания исторических общих древнерусских корней белорусов. Так, современные критики первой крайности, когда говорят о Полоцком периоде государственности, свое нежелание употреблять Русь в отношении Полоцкого государства маскируют это нежелание термином Полоцкое княжество. Это отличает их от позиции В. М. Игнатовского, считавшего Полоцкое государство Полоцкой Русью.

Это же характерно и для аббревиатуры ВКЛ, когда из названия «Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных»

убирается его **русская** составляющая. Для простоты и краткости жителей собирательного Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных называли литвинами. Отсюда возникает другая проблема. Во-первых, для историков Литвы это благодатная среда предъявлять свои претензии на всю историю Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных. И ряд белорусских историков, делая акцент на термине литвины, преследуют определенную цель – отрицание **русскости** белорусского этноса. Но значит ли это, что все литвины были предками современных белорусов? Скажем, в период господства Римской империи всех – и жителей и воинов (среди которых было много наемников, в том числе и варваров, к которым относились и славяне) называли римлянами по названию государства. Но значит ли это, что их история – только история итальянцев? Значит ли это, что история древних персов является историей только иранцев? Это – истории народов, прежде живших на этих территориях, позже ставшие основой современных наций.

Исторический подход состоит также и в учете конкретно-исторических условий возникновения тех или иных концепций. Романтизация или идеализация нашего прошлого – результат новых исторических условий на резких поворотах эпох. Особенно негативное влияние на освещение исторического прошлого нашего народа оказали две методологические установки – это варяго-норманская и религиозная интерпретации. Норманнская концепция представляла, что государственность для древних русско-славянских (российского, украинского и белорусского) народов привнесена извне.

Также негативное влияние на понимание истории Беларуси оказало религиозное истолкование, превозносившее роль христианства в жизни наших предков. Из взглядов церкви вытекало, что до христианства на территории древнерусских земель, в том числе и Беларуси, проживали дикие нравами и невежественные в культурном отношении народы, и что только благодаря христианству мы приобщились к мировой культуре. К Беларуси такое адекватное толкование относится прежде всего, так как христианизация населения, проживавшего во втором тысячелетии на этой территории, затянулась на несколько столетий и продолжалась вплоть до XIII–XIV вв.

Социологический подход позволяет считать, что языческие представления нашего народа отражали органическое единство людей и природы, природы, которая была важнейшим фактором и условием нашего исторического прошлого. И сегодня религиозные верования белорусов на бытовом уровне органически связаны с сохраняющимися языческими традициями, обрядами. Большинство православных

христианских праздников пронизано природой или язычеством. Это отражено даже на государственном уровне – языческий обряд Радуніцы, встречи старого Нового года в современной Беларуси признаны как государственные праздники.

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи отразилось на романтизации полоцкого периода белорусской истории, как золотого века в истории Беларуси. Эта романтизация нашего прошлого проявилась и в послереволюционный период, когда основы государственности Беларуси, как в «Асновах дзяржаўнасці Беларусі» М. В. Довнар-Запольского, связывались со временем Полоцкого княжества и Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных. Причем повторим, что о последних его составляющих (Русского, Жемойтского и иных) не упоминалось, оставляя только ВКЛ, т. е. Литовское, которое наши «свядомые» отождествляют с Беларусью, по сути дела, противопоставляя или отбрасывая русскую составляющую. После развала Советского Союза националистически настроенные историки и политики эту связь государственности Беларуси опять связывают с далеким прошлым, открыто проповедуя отсутствие связи у белорусов со славянскими и русскими корнями далеких предков.

Также важен и другой методологический подход, реальный факт более близкого нам исторического прошлого – это то, где в истории Беларуси находился центр формирования белорусского этноса. Не будем говорить о роли центров в истории формирования этносов в государствах Западной Европе, остановимся на постсоветских славянских просторах. Киев и в древности, как мать городов русских, являлся (правда, с переменным успехом – на некоторое историческое время эту свою роль он утрачивал; скажем, в XVII в., по сравнению с белорусским Мстиславом с более 30-тысячным населением, Киев был большой деревней) и ныне является центром формирования одной из ветвей славянорусского этноса – украинского этноса. Москва после Киева являлась и ныне является центром другой ветви великорусского славянского этноса – русских. Хотя и ей пришлось в течение нескольких столетий вести борьбу с другими городами, претендовавшими на объединение русских земель.

В социологическом плане в конфликтах XIV–XVIII вв. между Литовским княжеством, с одной стороны, и Московским государством, с другой, в итоге видится борьба за русскость: русскость в тогдашнем понимании – борьба за объединение земель с тогдашним этнически близким – русским населением. Еще раз повторим, что недаром в названии средневекового государства, куда входили земли нынешней

Беларуси, – это государство и Русское, что позже (для краткости наименования) стало игнорироваться. И официальный язык в этом государстве в тот период был «руський», на котором, как это отмечал Ф. Скорина, были изданы его книги. В 2018 г. филологическая Беларусь отмечала четырехсотый юбилей издания в июле 1618 г. первого средневекового в русской истории русского букваря.

Не будем вдаваться в филологические тонкости «руського» языка в Московском государстве и княжестве Литовском, главное, что он использовался населением в обоих государственных объединениях. Причем различие между ними было менее существенными, чем различия языков итальянских королевств того периода или чем различия диалектов немецких княжеств, да и современной Германии и Австрии. И значительная часть понятий, которые в средневековую эпоху были и в русском и белорусском языках, ныне остались только в белорусском языке, а в русском считаются устаревшими.

Уже в сокращенном названии этого средневекового государства прослеживается нежелание видеть, что оно и русское. В. М. Игнатовский его даже именовал Литовско-белорусским государством. Это он обосновывает тем, что термин «руський» в средневековую эпоху использовался для характеристики западной части восточно-славянского русского племени, т. е. нынешнего белорусского, а восточные русские называли себя москвичами (московитами). Исходя из этого и княжество Литовское, основная территория которого приходилась на нынешние белорусские земли, В. М. Игнатовским именуется Литовско-белорусским государством, а тогдашних русских в этом государстве он называет белорусами. Пыталась прервать эту белорусскую русскость на территории наших предков Люблинская уния 1569 г. В результате этой унии произошло и временное отвержение кириллицы, до того времени употреблявшейся в официальных документах Литовского княжества.

На территории современной Беларуси в различные исторические эпохи по концепциям белорусских историков (независимо от их идеологических установок) в роли центра «белорусскости» провозглашались и Полоцк, и Новогрудок, и Вильня (в польских источниках – Вильно). И только в XX в. им стал Минск, т. е. в отличие от большинства других современных государств длительное время единого центра, вокруг которого происходило исторически длительное формирование, и который притягивал к себе население, в Беларуси не было. Причем если Полоцк, Новогрудок и Вильня были длительное время и центрами тогдашних государств на земле Беларуси, то в XIX в. единого административного центра на белорусских землях не существова-

ло, как не было его и ранее в XVIII в., во времена Речи Посполитой (не будем же считать Варшаву белорусским городом), в которую было включено большинство нынешних белорусских территорий.

Хотя, если исходить только от употребления термина «белорусский», то корни современного (подчеркиваем – современного) ареала титульной нации, современных национальных корней Беларуси следует видеть в нынешних Витебской, Гомельской и Могилевской областях, а в дореволюционном периоде – сначала в Витебской и Могилевской губерниях. Дело в том, что после первого раздела Речи Посполитой на территориях, вошедших в состав Российской империи, были образованы Могилевская (1772) и Полоцкая (1776) губернии. Позже они были выделены в **Белорусскую** губернию (1778), но без официального центра. Некоторое время спустя, после третьего раздела Речи Посполитой появился и официальный центр – Витебск. Белорусская губерния с центром в Витебске официально просуществовала всего лишь пять лет (декабрь 1796 г. – февраль 1802 г.), после чего была разделена на Витебскую и Могилевскую губернии.

По утверждению топонимистов, термин «Белая Русь» впервые в отношении Беларуси был употреблен в XIV в. одним из канцлеров Польши Яном Чериковским¹, а закрепился он в первой половине XVII в. не ко всем, а к отдельным территориям современной Беларуси – большей части Витебской, всей территории Могилевской и Гомельской областей, а также части юго-востока Минской области. В отношении территорий Гродненской и северо-западной части Минской области тогда, отличающихся от территорий Белой Руси по вероисповедованию, правовому положению, языку и др., использовался термин «Черная Русь» [10, с. 23]. Отметим, что несмотря на несомненные социальные различия социально-экономического и социально-политического характера и Белая и Черная – исторически это Русь.

Причем, в конце XIX в. по переписи 1897 г. белорусы в Могилевской губернии (нынешняя Гомельская и Могилевская области) в ее этнической структуре составляли 82,4%. Белорусов в этническом составе населения других губерний было меньше – соответственно: в Минской губернии – 76,1%, Витебской – 52,5 и Гродненской –

¹ Интересно, что фамилия Чериковский, вероятно, каким-то образом связана с городом Чериков, что на Могилевщине. Это распространенная мировая практика известных личностей позже кроме имени упоминать и местность, какую они представляли: Эразм Роттердамский, Рафаэль Санти, Анастасия Полоцкая, Кирилл Туровский, Семион Полоцкий.

44,0%. Значителен и более высокий, чем в Витебской и Гродненской губерниях, удельный вес этнических белорусов был в составе населения Виленской губернии – 56,1%. Этот фактор о доминировании этнических белорусов в составе белорусских губерний конца XIX в. – свидетельство о преобладающей численности исторического ареала белорусского этноса на территории нынешней Беларуси в 25-летний период конца XVIII – начала XIX в. в лице Белорусской губернии.

Позже Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская и Могилевская губернии считались в Российской империи чем-то целостным с названием Северо-Западный край. Иногда эти шесть губерний именовались губерниями Белорусского генерал-губернаторства и Литовского генерал-губернаторства (а иногда и короче – Белоруссия и Литва). Но в своей совокупности целостную административную единицу они не представляли. И по инерции значительная часть белорусских историков в период существования Речи Посполитой и в период Российской империи в культурологическом плане таким центром наделяли Вильню. И действительно, Вильня обладала некоторым статусом управленческого, общественно-правового и социально-культурного характера, в котором доминирующим был белорусский «дух», особенно в лице представителей его интеллектуальной части. Недаром удельный вес этнических белорусов в составе населения Виленской губернии составлял более половины – 56,1%. И больше, чем в Витебской области, откуда большинство историков берут начало белорусской государственности в лице Полоцкого княжества. И значительно больше, чем в Гродненской области, откуда также ведется след в обосновании позиции формирования белорусской государственности в лице Новогрудского княжества.

Но с социологических подходов считать основой белорусской государственности Полоцкое или Литовское княжество (Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных) идет скорее во вред – ведет к сепаратизму, чем на пользу белорусскости, формирования белорусского этноса. Если считать Полоцк, Новогрудок и Вильню основой белорусскости, белорусского этноса, то получается, что население других тогдашних территорий нынешней Беларуси не имеет отношения к формированию белорусского этноса и белорусской нации. И тогда это уже не единая белорусская нация.

Даже не вся территория, а значит, и население нынешних Витебской Гродненской и Минской областей, в XI–XIII вв. входили в состав Полоцкого княжества. Не говоря про нынешние территории Брестской, Гомельской и Могилевской областей. Значительная часть нынешней территории Беларуси периода Полоцкого княжества входила

в состав Туровского, а позже Пинского княжества (некоторые его именуют, как Туровско-Пинское княжество). Ряд земель нынешних Витебской и Могилевской областей входили в состав Смоленского княжества. Многие земли нынешней Гомельской области, помимо того что они в древний период белорусской истории входили в состав Туровского княжества, были частями Киевского княжества и Черниговской земли. Как результат, первая Всероссийская перепись населения (1897) даже в губерниях, которые не вошли в XX в. в состав Беларуси, в соответствии с социологическим принципом этнической самоидентификации зафиксировала значительный удельный вес тех, кто являлись этническими белорусами. И это отражено этнической границей Беларуси.

Это означает, что в разные исторические периоды в качестве временных центров выступали различные государственно-административные территориальные общности, что является важнейшей особенностью становления белорусской государственности и белорусского этноса. И Брестская область с ее древнерусскими княжествами – Туровским, а позже и Пинским (или Туровско-Пинским) княжеством; и Гродненская область с Новогрудским княжеством; и Витебская область с княжеством Полоцкой Руси, а затем и Великим княжеством Литовским, и Могилевская и Гомельская области как самые крупнейшие территории Белорусской губернии конца XVIII – начала XIX вв., а также с еще более ранним Мстиславским княжеством – все являются крупными колосками одного золотого снопа белорусской государственности и белорусского этноса.

Есть еще заслуживающий внимания интересный момент древнейшей белорусской истории. Самыми известными древними мигрантами, поселившимися на территориях нынешней Беларуси, были славянские племена дреговичей, кривичей и радимичей. Название «дреговичи» связано с древним (русским, белорусским) термином «дрыгва» (трясина), имеющим, вероятно, и балтский корень – «дрегува» (болото). Название кривичей объясняют три версии: от имени одного из прародителей славян – Крива, приведшего их с земель северной Польши; от имени первосвященника балтов – Криве-Кривейте; и от слова «кровные» (близкие по крови). И название «радимичи» имеет несколько объяснений: одно из которых летописное – по имени вождя Радима; балтское происхождение (*radivas* – нахождение, *radimviete* – местонахождение), т. е. местные (или «тутэйшыя»).

Обратим внимание на «братский» аспект, лежащий в основе формирования зачатков государственности ряда стран. Так, если исходить из летописной версии, то у Радима (вождя радимичей) был и

брат Вятко – вождь другого славянского племени – вятичей. Интересно, что у нас, как и у римлян, как и у киевлян, по историческим версиям также были вожди-братья. У римлян – братья-близнецы Ромул и Рем; у киевлян – Кий с младшими братьями Щеком и Хоривом и сестрой Лыбедью, – основатели соответственно Рима и Киева. Отсюда заслуживает внимания общности, во-первых, римского, киевского и белорусско-российского подходов – близнецы Ромул и Рем, князь Кий с братьями и вожди славянских племен, одни из основателей будущих белорусских и русских государственных объединений – братья Радим и Вятко. Наличие основателей у этих славянских племен вождей, вероятно, можно социологически трактовать как наличие (или зарождение) древних элементов (пред)государственности, что, к сожалению, упускается из вида историков и тем самым обедняет теорию истории Беларуси.

Все эти рассуждения касались первой нашей Родины – нашего «родильного дома» – территории современной Беларуси. Теперь несколько мыслей о второй нашей Родине – языке.

Историческая и филологическая науки, независимо от того, где была Прародина человечества, исходят из того, что в каждом языке чувствуется дыхание Праязыка, имеющего общий лексический базис. Лингвисты русский, белорусский и украинский языки относят к большой группе индоевропейских языков. Начавшийся в стародавнюю эпоху процесс колонизации Планеты в виде миграции способствовал не только расхождению народов, но и дальнейшему развитию языка в направлении их «отпочкования», или дифференциации, и дальнейшей самодетерминированности, т. е. этот процесс в отношении языка наполнился полилингвистическим содержанием.

Государственный белорусский язык – это язык населения Слуцкого уезда Минской губернии и ряда некоторых граничащих с этой территорией районов. Но в южных районах Брестской и Гомельской областей Беларуси, которые граничат с Украиной, местный белорусский язык отличается от шаблонного государственного языка, включая и смесь украинского языка. В западных приграничных с Польшей районах Брестской и Гродненской областей в местном белорусском языке много заимствований из польского языка. Аналогично, в северных районах Гродненской области, как и в отдельных районах Витебской области, граничащих с Литвой, в местном белорусском языке встречается заимствование из литовского языка. Население отдельных, граничащих с Латвией, районах Витебщины в местном белорусском языке использует и заимствования из латышского языка. И в граничащих с Россией многих регионах восточных (Витебской, Могилев-

ской и Гомельской) областей местный белорусский язык полон русизмов. Те, кто ратует за «чистоту» белорусского языка – его литературную форму, или за язык Минской области, такие особенности перечисленных приграничных регионов белорусского языка называют унижительно – «трясянкой». Также и современные политики Украины такое преобладание русского в украинском языке называют «суржи́ком».

Важным свидетельством направления славянской миграции является формант в названии населенных пунктов. Независимо от того, что берется за основу их происхождения, общим их объединяющим является наличие в языке славянского суффикса «ичи», что в топологии определяется термином «формант». Этот славянский суффикс «ичи» имеет распространение в названии многих населенных пунктах Беларуси, Украины и России.

Так, в Беларуси из почти 15 тыс. населенных пунктов названия 1 370, или 9,15%, оканчиваются суффиксом «ичи». Среди них не только преимущественно сельские поселения или поселки городского типа, но и районные центры всех областей Беларуси. Это: Барановичи, Бельнич, Бешенковичи, Ганцевичи, Житковичи, Ивацевичи, Калинковичи, Климовичи, Кореличи, Костюковичи, Ляховичи, Микашевичи, Осиповичи, Пуховичи, Радошковичи и Смолевичи.

В Брестской области из ее 1 945 населенных пунктов 312 (а это самый высокий показатель среди белорусских, украинских и российских областей – 16,04%) оканчиваются суффиксом «ичи»¹. В Гродненской области из 2 190 населенных пунктов 290 (это второй показатель среди соответственно белорусских, украинских и российских областей – 13,24%) оканчиваются суффиксом «ичи». Третий показатель таких населенных пунктов – у Минской области (10,19%): 339 поселений из 3 327 оканчиваются суффиксом «ичи». Далее соответственно по убыванию идут Могилевская область – 8,40% (в 174 из 2 072 поселений), Гомельская – 7,95% (в 97 из 1 220). И, наконец, – самый низкий показатель – в Витебской области (3,91%), где 158 из 4 044 поселений оканчиваются формантом «ичи».

При этом отметим, что с 1918 по 1973 г. среди 450 переименованных населенных пунктов в Беларуси, имевших в названии неблагозвучную родословную (в общем, как у Некрасова – и «Неурожайка то ж»),

¹ Это также является свидетельством направления миграции славян по территории белорусских земель. При этом видно несколько потоков миграции славянских племен – от Карпат до Балтийского моря под началом будущего князя Кия, братьев Разима и Вятко, Крива и других вождей многочисленных славянских племен, чьи имена, к сожалению, не дошли до нас. Или автор об этом не осведомлен.

оказалось и почти четыре десятка населенных пунктов, оканчивающихся на суффикс «ичи». Это: Баламутовичи, Безделичи, Бесхлебичи, Гавеновичи, Гавиновичи, Гибайловичи, Голодничи, Гурновичи, Дуричи, Дурневичи, Дурынич, Жеребиловичи, Живоглодовичи, Какучевичи, Клопытичи, Кобылич (два таких), Колбасичи, Корниловичи, Коростичи, Лихиничи, Малафеевичи, Мордичи, Мутьковичи, Мышковичи, Паршевичи, Плятеничи, Пузовичи (два таких), Пупеличи, Рыловичи, Скорбичи, Скуловичи, Старцевичи, Терпиловичи, Трухановичи, Холопеничи, Холопковичи, Цицковичи, Юденичи. Если осуществить пересчет населенных пунктов с формантом «ичи», включая и переименованные, то он бы составил 9,42%.

В границах с Беларусью украинских областях названия населенных пунктов с формантом «ичи» – имеют 397 поселений, или 4,71%. Наивысший показатель (8,43%) – в несколько удаленной (не имеющей общей границы с белорусскими областями) во Львовской области, где 163 населенных пункта из 1 933 в окончании их названий имеют суффикс «ичи». Второй показатель (7,53%) среди украинских областей – в Волинской области, где из 1 075 населенных пунктов 81 имеют формант «ичи». Далее по убыванию процентных показателей: Ковельская область (4,06%) – 41 из 1 011, Киевская (3,02%) – 37 из 1 227, Житомирская (2,65%) – 44 из 1 663 и Черниговская (2,04%) – 31 из 1 522 населенных пунктов имеют формант «ичи». Этот ранжир областей по степени убывания с запада на восток количества населенных пунктов с формантом «ичи» свидетельствует и о направлении миграции славянских племен – с запада в северо-восточном направлении.

В российских западных областях этот уровень по сравнению с белорусскими и украинскими областями существенно ниже – 2,14%. В московском направлении он характеризуется следующими показателями. На Брянщине 118 населенных пунктов из 2 902, что составляет 4,07%, оканчиваются формантом «ичи». В Смоленской области этот суффикс характерен для 68 из 4 438 поселений, что составляет 1,53%. И в Калужской области – 44 из 3 430 поселений, что составляет 1,28%. В границах на севере с белорусскими областями эти показатели соответственно в Новгородской области – 23 из 3 318 поселений, что составляет 0,70%, и в Псковской области – 38 из 6 038 поселений, что является самым низким показателем – 0,63%. Всего по этим двум российским областям показатель населенных пунктов с формантом «ичи» – 0,65%.

Есть в российских регионах населенные пункты, оканчивающиеся суффиксом «ичи», в Ленинградской и Московской областях и даже

в Карелии. Но для граничащих с Беларусью российскими областями вообще характерны форманты «ово», «ево» и «ино».

Этот анализ топологической характеристики отражает направления движения (миграции) славянских этносов – с запада в северо-восточном направлении. Именно в западных (Брестской – 16,04% и Гродненской – 13,24%) областях Беларуси отмечена большая часть населенных пунктов со славянским формантом «ичи». Далее по убыванию идут Минская – 10,19%, Могилевская – 8,40, а затем Гомельская область – 7,95%. Наименьший показатель у северной Витебской области – 3,91%, что свидетельствует о направлении миграции славянского народа – с запада на восток Беларуси. В более поздние исторические времена на белорусских землях поселились и представители других этносов, что также закреплялось в топонимике ряда населенных пунктов Беларуси.

1.2. Сущность и виды миграции

Миграция населения как зафиксированное в пространстве и времени перемещение людей – исторически древний процесс, сопутствующий истории существования и развития как *homo sapiens*, так и человеческого общества в целом. Этимологически термин «миграция» (от лат. *migratio*) означает перемещение, переселение. При этом следует учесть, что перемещение и переселение – не синонимы, но тесно связаны. Одним из этих терминов (перемещение) миграция рассматривается в широком, а другим (переселение) – в узком смысле слова. До появления современного человека территориально перемещались его человекообразные предшественники. Отличия этого вида пространственного перемещения от понимаемого современной наукой миграционного движения связано с поиском существующих в окружающей природе источников потребления, а не условий жизнедеятельности. Это существенно отличает миграцию популяций животного мира от миграции населения. В результате миграция населения представляет сложный социальный процесс со своей природой, формами проявления и его последствиями, часто связанный с изменением социального статуса мигрирующего населения.

В узком смысле миграция представляет собой законченный вид территориального перемещения людей. Переселение или безвозвратный вид миграции одновременно отвечает двум условиям: во-первых, население перемещается из одних населенных пунктов в другие; во-вторых, перемещения сопровождаются сменой постоянного места

жительства. Оба этих условия исключают из миграции, во-первых, все возможные перемещения людей, совершаемые внутри населенных пунктов, а также, во-вторых, такие перемещения в другие населенные пункты, которые совершаются не совсем, скажем, перемещения (поездки) на дачу. Термин «переселение», широко используемый в XIX в., отражает суть такого явления, как безвозвратная миграция.

Миграция наряду с естественным и социальным движением является одним из видов движения населения. Для анализа естественного движения населения характерны одноразовые явления (рождаемость, смертность), в то время как в миграциях отдельные явления (к примеру, эмиграции и иммиграции), с одной стороны, могут повторяться, а с другой – мигрант выступает одновременно и эмигрантом и иммигрантом. Их различие проявляется и в том плане, что естественное и социальное движение детерминировано этими естественными или социальными потребностями, в то время как территориальное перемещение обуславливается не потребностями в миграции, а необходимостью в изменении социально-экономических условий жизни и деятельности людей. В случае с естественным и социальным движением населения это является целью демографического поведения; в случае с миграционным движением населения оно выступает как средство иных многочисленных и разнообразных потребностей.

Иногда для характеристики миграционного движения применяется термин «механическое движение». Но по объему термин «механическое движение» является более широким понятием, включающим в себя и термин «миграция населения». Разницу отражает прирост численности населения за счет административных территориальных преобразований – преобразований населенных пунктов: городских – в сельские, сельских – в городские, а также включение в состав городов пригородных территорий. В литературе XIX в. широко использовался термин «переселение», суть которого отражала безвозвратная миграция, тогда как термин «миграция» отражает более разнообразные территориальные перемещения людей.

Миграционные процессы охватывают различные социальные слои населения, что связано с социальной, отраслевой и профессиональной мобильностью населения и отражается на семейном составе и половозрастной структуре территорий-доноров и территорий-реципиентов. Они оказывают существенное влияние на изменение демографической структуры, на этнические процессы, воспроизводство населения, социальное движение и другие разнообразные стороны жизнедеятельности населения стран-доноров и стран-реципиентов. Миграция взаимодействует с различными социальными процессами, в результа-

те чего часть мигрирующего населения меняет не только место жительства, но и сферу приложения труда, профессию... Миграция связана с большой зависимостью со многими как объективными, так и субъективными факторами. Она «жестко» связана с различными параметрами социально-экономического развития – развитием и размещением производительных сил, степенью урбанизации, перспективами развития территориальных образований, этническими отношениями, законодательскими процессами, демографической динамикой и ожиданиями людей.

Вместе с тем природа и сущность, интенсивность и направленность миграционных потоков, их социальное, политическое, экономическое и демографическое содержание и их последствия существенно различаются в разные периоды исторического развития. Это связано с различием уровня социально-экономического развития эпох, изменением природно-географических условий, конфликтами между народами по поводу условий и средств существования.

Среди демографических проблем миграционные процессы являются наиболее сложными, разнообразными, многочисленными и крупнейшими социально-значимыми явлениями в демографическом развитии Республики Беларусь, охватывая и проникая во все сферы социально-экономического развития страны. В Республике Беларусь они, с одной стороны, представляют угрозу демографическому развитию, а с другой – выступают и резервом его оздоровления. Взаимодействие мобильности и стабильности сказывается на демографических процессах. Стабильность способствует демографическому развитию, высокая миграционная мобильность, часто связанная с нарастающими проблемами социального характера, является одним из факторов депопуляционных процессов.

Миграция как особый демографический процесс характеризуется следующими чертами:

- среди всех социально-экономических и социально-политических явлений миграция в значительной степени определяется гораздо большей зависимостью и связью с множеством объективных и субъективных факторов, что определяет их сложный характер;

- миграция связана с обеспечением национальной безопасности и выдвигает ее в центр демографической политики страны, что требует системного подхода к ее последствиям;

- миграционные процессы могут быть важнейшими компонентами как стабилизации, так и дестабилизации социально-политического, социально-экономического и демографического развития как стран-доноров, так и стран-реципиентов;

– миграционные процессы связаны с неоднозначными – двойственными последствиями: иммигранты стремятся в наиболее развитые регионы, и, как следствие этой тенденции, Беларусь для них не является привлекательной в миграционном плане страной, что показало состояние белорусской транзитной миграции в 2021 г.;

– расширение масштабов миграции, в основе которых лежат политические факторы, может обострять для стран-реципиентов разнообразные политические проблемы, что демонстрируют современные социальные процессы в странах Евросоюза; также существенны политические проблемы Беларуси в отношениях с сопредельными государствами Евросоюза; это отражает ситуация как с временными мигрантами в Беларуси с Украины, так и с транзитными мигрантами на белорусско-польском, белорусско-литовском и белорусско-латвийском пограничье;

– миграция отражает не только текущее состояние социальных процессов, но и в связи с их историческим прошлым;

– определяющими факторами постсоветской миграции выступают экономические факторы, вызванные существенным снижением экономического потенциала ряда новых независимых государств;

– среди экономических факторов миграционных процессов преобладает временная трудовая миграция, которая, во-первых, превышает безвозвратную миграцию как стран-доноров, так и стран-реципиентов, и, во-вторых, является важнейшим источником формирования и роста масштабов эмиграции.

Миграция является объектом внимания большого ряда субъектов управления, что отражает многогранную сущность и разнообразный подход в деле выработки концептуальных и конкретных положений миграционной политики. Прежде всего реализация концептуальных и конкретных положений миграционной политики в Республике Беларусь связана с особенностями различных категорий мигрантов. Это закреплено в их правовом статусе, отраженном в отечественном законодательстве.

Проблемы миграции относятся не только к важнейшим демографическим угрозам, но и важнейшим резервам оздоровления демографических процессов. Только отношение внешнего и внутреннего миграционного движения населения и естественного движения населения страны за 2015–2019 гг. составляет 2,31:1. А внутриреспубликанское (межобластное) движение населения, почти в 12 раз превышает масштабы внешней (межгосударственной) миграции, как эмиграции, так и иммиграции Республики Беларусь.

Причем в приграничных с Россией областях Республики Беларусь наблюдается и рост отрицательного сальдо внутриреспубликанской миграции населения. Суммарно миграционные потери трех Витебской, Гомельской и Могилевской областей за 2017–2019 гг., формирующие отрицательное сальдо миграции, составили 54,82%, в том числе: Витебской – 58,99%, Гомельской – 54,47 и Могилевской – 50,69%. Для западных (Брестской и Гродненской) областей характерна тенденция уменьшения величины отрицательного сальдо внутриреспубликанской миграции населения. Суммарно демографические потери западных областей во внутриреспубликанской миграции были меньшими – 36,86%, в том числе: Брестской области – 45,3, Гродненской области – 25,72%.

В этом случае конкретными задачами белорусской миграционной политики, исходя из отрицательного миграционного сальдо Беларуси, должно быть сокращение оттока населения из страны или стимулирование притока мигрантов на постоянное место жительства. В последней могут быть те или иные приоритеты, в частности, в России – это привлечение соотечественников. Беларусь, подобно России, не может в миграционной сфере ставить стратегические цели вернуть соотечественников или привлечь русскоязычное население, что Россия делает с успехом, в том числе и за счет Беларуси. Тем более, что с 1990-х гг. среди реэмигрантов этнических белорусов преобладало пожилое население, а это не способствует положительным процессам Беларуси в репродуктивной сфере.

В плане политики занятости миграционная политика прежде всего связана с трудовой миграцией – либо их привлечением в экономику, либо сдерживанием. Но ни того, ни другого в белорусских демографических программах не имеется. А, наоборот, трудовая эмиграция в Беларуси растет, о чем свидетельствуют данные миграционных служб России. А в статистике МВД Беларуси они не отражаются, ибо в данные о трудовой миграции правоохранительных органов Республики Беларусь попадают только те мигранты, которые ими регистрируются.

Величина миграционного прироста отражается в общем приросте населения, определяемого разностью между численностью населения определенной территории (государства, региона, населенного пункта) на начало и конец соответствующего временного интервала. Общий прирост населения зависит от сочетания параметров рождаемости, смертности и миграции, точнее числа родившихся, умерших, прибывших и выбывших, может быть положительным, нулевым или отрицательным. Общий прирост населения представляет собой сумму

естественного прироста населения и миграционного прироста населения. В случае изменения административных (в том числе и государственных) границ территории общий прирост корректируется на величину прироста (сокращения) численности населения в результате пересмотра их границ. В этом случае результат территориальных административных преобразований описывается показателем механического движения населения.

Миграционные процессы среди демографических явлений наиболее многочисленные и разнообразные. В современной демографической науке в отношении миграционных процессов насчитывается более полусотни их видов, что проявляется в многообразии понятий, их отражающих. Это: постоянная (или безвозвратная) миграция, временная (или возвратная) миграция, внешняя и внутренняя миграция, межобластная, внутриобластная и внутрирайонная миграция, международная миграция, эмиграция, иммиграция, страны-доноры и страны-реципиенты, организованная и неорганизованная миграция, индивидуальная и коллективная миграция, вынужденная и заместительная миграция, контрактная (на основе заключенных договоров) миграция, регулируемая и нерегулируемая миграция, беженство, насильственная миграция, депортация, этническая миграция, переселение народов, фронтьерская миграция, репатриация, реиммиграция, обратная миграция, незаконная миграция, «кредитная» и «жидкая» миграция, трудовая и образовательная миграция, каникулярная миграция, интеллектуальная миграция, «утечка мозгов», распределение по окончании учебных заведений, организованный набор, сезонная миграция, управляемая миграция, маятниковая миграция, отходничество и «шабашничество», «вахтовики», эпизодическая миграция, «челночная» миграция, туристическая миграция, спортивная миграция, экологическая миграция, переселение, выселение, выбытие и прибытие населения, первичная и вторичная миграция, микромиграция, протестная миграция, «беглые», «лишенцы», транзитная миграция, мобильная миграция, приживаемость мигрантов и их адаптация, а также и многие другие виды (экспаты, оптанты и релоканты), этими понятиями отражаемые.

Но существует парадоксальная ситуация: несмотря на обилие миграционных понятий, в российском и белорусском законодательствах понятие «мигрант» отсутствует.

Классификация видов миграции осуществляется по разным основаниям, т. е. качественным признакам [11]. Основным критерием этого разно- и многообразия является продолжительность пребывания людей в местах их вселения. Классификации могут иметь несколько

уровней. Так, в зависимости от характера территориальных перемещений они бывают добровольными, вынужденными и принудительными, что важно при анализе не только современных миграционных процессов, но и понимания роли миграции в историческом прошлом Беларуси. В миграционной истории Беларуси все эти виды миграции имели место. Важным аспектом исследования миграционных проблем являются глобальные факторы миграционных процессов – что заставляет людей переселяться. Это экологические, политические, экономические условия жизнедеятельности людей: экологические катастрофы, военные конфликты, политические или конфессиональные притеснения, голод и др. В международном аспекте выделяют такие категории мигрантов, как: беженцы; ищущие убежища; получившие временное убежище; вынужденные переселенцы и внутри перемещенные лица.

В этом плане прежде всего важными являются следующие разновидности миграции: безвозвратная, временная, маятниковая и эпизодическая миграция. Безвозвратная миграция характеризуется, во-первых, переменной постоянного места жительства и, во-вторых, перемещением людей из одних населенных пунктов в другие. И этот вид в строгом его понимании чаще всего считается полноценной миграцией, т. е. совершающейся насовсем. Временная миграция характеризуется временной сменой места жительства с последующим возвратом на прежнее место жительства и включает такие их виды, как маятниковая, туристическая, учебная, приграничная и мобильная миграция. Конечно, и безвозвратная миграция не означает, что перемена постоянного места жительства произошла окончательно, но главное, что ее отличает от временной, – это смена основного, постоянного места жительства на другое место проживания.

Безвозвратная миграция также разнообразная и связана с пространственным перемещением людей, что позволяет выделить ее два основных вида – внутреннюю и внешнюю миграцию. Первый вид миграции – это пространственные перемещения, связанные с изменением административных границ места жительства внутри своего государства: района, города, области. Перемена постоянного места жительства внутри области – это межрайонная миграция, причем для района она является внешней миграцией, а для области – внутренней миграцией. Перемена постоянного места жительства между областями – это межобластная миграция, но для области она внешняя миграция, а для страны в целом – внутренняя. Важнейшей качественной характеристикой внутренней миграции является то, что она не затрагивает изменения в численности населения региона или страны в целом.

Внутренняя, как и внешняя миграция бывает добровольной, вынужденной и принудительной. Еще одним критерием характеристики миграционных процессов является степень их организации – совершаются ли они людьми самостоятельно или в результате действий государственных или других органов. Для Беларуси с 1986 г. такой формой организованного переселения, как и вынужденной и принудительной, было переселение населения из регионов, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС. При этом, конечно, было и неорганизованное – самостоятельное переселение.

В этой связи среди мигрантов имеются категории перемещенных лиц, которые в результате политических, социальных и экологических причин вынуждены переезжать на другую территорию внутри своей страны, не имея возможности и не желая ее покинуть. Именно к такой категории в соответствии с критериями МОМ и УКВД и должны были относиться переселенцы в связи аварией на ЧАЭС. Но правовой основы ни в БССР, ни в СССР считать их таковыми в 1986–1988 гг. не существовало. И только с 1989 г. они получили такое право.

И внешняя и внутренняя миграция включает перемещения между городскими поселениями, между сельскими, а также между теми и другими (между городом и селом или между селом и городом). Внешняя миграция делится на эмиграцию и иммиграцию, а последняя по способу въезда в страну на легальную и нелегальную, по характеру пребывания – на законную и незаконную. Так, к законной относятся мигранты, прибывшие легально (по разрешению) и нелегально, но позже получившие разрешение на пребывание в стране. К незаконным мигрантам относятся и те, кто прибыл нелегально, и те, кто въехал в страну легально (по туристической путевке), но не выехал обратно, а перешел на нелегальное положение.

Перемещение людей из одной страны в другую (и для страны, откуда население перемещается, и для страны, куда оно перемещается) представляет собой внешнюю миграцию или межгосударственную. Обычно внешняя миграция сопровождается и сменой гражданства. Внешняя миграция в итоге представляет оценку уровня экономического и социального развития страны, которую мигрант покидает, т. е. она связана с перемещением из стран менее экономически развитых в страны с более высоким уровнем жизни и развития экономики.

Масштабы, интенсивность и другие характеристики миграционного движения населения характеризуются при помощи системы показателей, отражающих миграционную активность населения в терри-

ториальном и общегосударственном масштабах. Они могут быть абсолютными, относительными и структурными. Абсолютные показатели позволяют сопоставлять масштабы и результаты миграции населения, а также интенсивность миграции разных территорий, как межгосударственных, так межрегиональных и внутрирегиональных, как в определенный промежуток времени, так и в динамике – в разные периоды времени. Объемы (масштабы) миграции характеризуются численностью прибывшего или выбывшего населения. Сумму прибывшего и выбывшего населения называют миграционным оборотом или брутто-миграцией. Результативность миграции выражается термином «миграционный прирост», исчисляемая разностью между численностью прибывшего и выбывшего населения. Этот прирост называется сальдо миграции или нетто-миграцией. К относительным показателям относится результативность миграции населения, которую представляет соотношение между количеством прибывших и выбывших. Этот результат (коэффициент результативности миграционного движения – КРМД) чаще выражается численностью выбывших или прибывших в расчете на 1000 человек населения, измеряемого показателем промилле (‰). Этот относительный показатель позволяет сопоставить результативность миграционных процессов различных стран, различных территорий с различной численностью населения.

Структурные показатели, в свою очередь, бывают абсолютными и относительными. Они исчисляются для разных социальных общностей миграционного потока, отдельно: для мужчин и женщин, для лиц различного возраста, образования, национальности, социального статуса и т. д. Так, исследования миграционной интенсивности выявляют, что она выше: у молодежи, чем у детей и пожилых людей; у мужчин, чем у женщин; у населения приграничных регионов, чем у населения регионов с высоким уровнем социально-экономического развития, которые выступают реципиентами; у лиц с меньшим стажем проживания в данной местности; у населения необжитых регионов или с обостренной экологической обстановкой и этноконфессиональными конфликтами.

Внешняя миграция делится на эмиграцию и иммиграцию. Эмиграция (от лат. *emigre*) представляет процесс выбытия населения из одной страны в другую страну. Лиц, покидающих свою страну, называют эмигрантами, а в тех странах, куда они вселяются в расчете на постоянное жительство, их именуют иммигрантами (от лат. *immigrans* – вселяющийся). Эмиграция для страны представляет

убыль численности населения, в то время как иммиграция – прирост населения.

Результат этого двустороннего процесса отражает понятие «миграционное сальдо». Оно для одной стороны может быть положительным миграционным сальдо, заключающимся в миграционном приросте. Для другой стороны результат миграционного обмена представляется отрицательным сальдо, ибо характеризуется убылью населения, т. е. миграционное сальдо характеризует результат системных изменений этого двустороннего процесса.

К сожалению, текущая национальная статистическая информация о результативности миграционного сальдо не всегда отражает ее итоги. Так, по результатам текущего статистического учета Республика Беларусь характеризуется стабильным показателем положительного миграционного сальдо. Переписи населения выявляют, что за межпереписной период сальдо миграции Беларуси является отрицательным. Аналогично в истории развития демографии в Беларуси, когда среди статистических демографических показателей сведения о численности прибывшего и выбывшего населения в территориальном разрезе (областей, городов и районов) отсутствовали, использовался показатель миграционного сальдо как результат расчетов разницы между общей численностью населения на начало (или конец) анализируемых годов и размерами естественного движения населения.

Наряду с понятием «миграционное сальдо» для характеристики масштабов миграционного движения населения используются понятия «миграционный оборот» или его синоним – «брутто-миграция». Если миграционное сальдо характеризует разницу (положительную или отрицательную) между прибытием и выбытием (иммиграцией и эмиграцией) населения, то миграционный оборот – сумму двух ее потоков: прибытий и выбытий населения. Сумма численности прибывшего и выбывшего населения, т. е. внутреннего миграционного оборота вдвое больше числа мигрантов, участвующих в миграционном движении. Величина внешнего миграционного оборота определяется суммированием показателей иммиграции и эмиграции. По данным национальной статистики внутренний миграционный оборот Республики Беларусь в прошедшем десятилетии почти в 10 раз превысил внешний миграционный оборот.

Страны, из которых мигрирует население (эмигранты), представляют государства-доноры. Страны, в которые мигрирует население (иммигранты), выступают государствами-реципиентами. Иммиграция по способу въезда в страну делится на легальную и нелегальную, а по характеру пребывания ее рассматривают как законную или незакон-

ную. Так, к законной (легальной) миграции относятся мигранты, прибывшие в страну на основании приглашения или разрешения. Незаконной миграцией считается пребывание в стране, не оформленное юридически. Силовые структуры в лице органов внутренних дел, а также внутреннее миграционное законодательство и соответствующая им политика обращают внимание прежде всего на нелегальную миграцию, формы которой также разнообразны: нелегальный въезд, отсутствие легального права пребывания (отсутствие регистрации), нарушение цели и времени пребывания и др.

Возвратная миграция – возвращение эмигрантов и их потомков на историческую родину. Для этого вида миграции существуют и другие понятия: репатриация, реэмиграция, возвращение, возвратная миграция. В международном миграционном движении населения чаще используется термин репатриация – право возврата беженца или военнопленного в страну, гражданином которой он является. Л. Л. Рыбаковский считает, что для характеристики современной миграции постсоветского пространства для возвратного перемещения русскоговорящего (белорусско-язычного и украинско-язычного) населения термин репатриация не применим. Это связано с тем, что, во-первых, они были гражданами одной страны и, во-вторых, многие из них в советский период переехали в союзные республики по другим причинам: «это скорее, вызванная политическими причинами запоздалая обратная миграция, хотя формально для государств нового зарубежья это теперь эмигранты или реиммигранты» [11, с. 251], а для нас – реэмигранты и иммигранты.

В современную эпоху распространенными стали эпизодические (деловые, рекреационные, туристические, «челночные» и иные поездки, имеющие не постоянные маршруты и не носящие систематического характера), маятниковые (перемещения, регулярно соединяющие места жительства и занятости) и временные (обычно связанные с сезонной занятостью) миграции населения. Состав таких мигрантов разнообразен. По своим масштабам этот вид миграции превосходит все остальные виды, хотя изучен он мало. При этом наибольшим вниманием пользуются туристические поездки в другие страны, статистическая информация о численности туристических мигрантов налажена в большей степени, чем об эпизодической и других видах миграции.

Для характеристики роли миграции в историческом прошлом и современных процессах Беларуси большое значение играют ее такие виды: в прошлом – колонизация, великое переселение народов, эвакуация, отселение, насильственная и этническая миграция; в совре-

менной истории – возвратная миграция, трудовая миграция, экологическая миграция, «беглые», кредитная миграция, транзитная миграция, фронтьерская миграция, некоторые из них характерны только для Беларуси и им посвящены отдельные разделы монографии. Это: кредитная миграция – особый вид трудовой контрактной миграции в использовании труда работников только той страны, которая предоставляет кредиты, что обусловлено договорными условиями предоставления кредита. В частности такой вид характерен для китайской миграции. Злободневной является транзитная миграция – особый вид международной нелегальной и временной миграции, состоящий в перемещении (массовом движении) населения отдельных этнических групп из одних стран через другие промежуточные страны (в частности, через Беларусь), чтобы осесть в третьих странах с более высоким уровнем жизни с иными конфессиональными и этническими ценностями и социальным укладом жизни. Мало исследуемым видом миграции в Беларуси является проблема «беглых»...

1.3. Методология Big Data в системности миграционистике

Выбор методических информационных приемов сказывается на содержании анализа социально-экономических процессов и научных выводов. Об этой их инструментальной значимости свидетельствуют идеи нобелевских лауреатов по экономике. В частности, одна из них это идея о выборе показателей измерения результатов экономической деятельности у В. В. Леонтьева. «Одна из опасностей, которая подстерегает в этом деле, – считал он, – это отождествление суммы повторного счета» [12, с. 15].

В новом тысячелетии как практическая реализация этих методологических установок прошлого столетия стала развиваться методология больших данных (Big Data), которая в современной научной жизни является одним из перспективных направлений. Аналитическая роль методологии Big Data означает отражение роста и многообразия информации, позволяющей на основе роста количественной информации дать качественное объяснение изучаемых процессов и явлений – качество в количестве. В ее содержание положено несколько, по крайней мере, семь V. Вначале это был набор трех признаков VVV: **volume** (масса, величина, объем), **velocity** (скорость), **variety** (многообразие, разнообразие, многосторонность). Затем содержание ее признаков было расширено другими V: **veracity** (достоверность, точность, правдивость), **viability** (жизнеспособность),

value (ценность) и **variability** (переменчивость, изменчивость, непостоянство).

Среди всех демографических явлений сущность методологии Big Data позволяет более адекватно отразить территориальные перемещения людей – миграционные процессы. В предыдущей главе было перечислено это многообразие (*variety*) понятий. Методология Big Data дает возможность наиболее адекватно и системно отразить не только все это их многообразие, но и установить более точно (*veracity*) и масштабы (*volume*) миграции. В демографических процессах наиболее проблемной (не только в содержательном плане) является методология статистического анализа миграционных процессов. Традиционно при определении миграционного сальдо в расчет положены преимущественно данные текущей национальной статистики. Но так как в международных миграционных процессах задействованы мигранты нескольких стран, то данных только одной стороны – малых данных – явно недостаточно. До проведения очередной переписи имеются данные об одной величине численности населения. Но после проведения переписей эти данные о величине численности населения в межпереписные годы постоянно корректируются, и эта корректировка прежде всего связана с величиной миграционного сальдо. О более адекватной, реальной величине динамики миграционного сальдо в Беларуси дают представления материалы переписей населения 1989, 1999, 2009 и 2019 гг.

Сущность методологии Big Data отражает структурно-логическую системность и взаимосвязь социальных процессов, свидетельствуя о многоплановости и системности анализа миграционных процессов. Все говорят о системности, но часто эта системность выдается за аксиому, не требующую доказательств. Системность, сложность и многогранность взаимосвязей миграционных процессов схематически характеризуют структурно-логические связи социальных объектов (рисунк 1). Она представляет, во-первых, видимые грани, позволяющие обнаружить и видимые взаимосвязи: а) социальных сфер, б) социальных институтов, в) социальных общностей, г) личности, д) общества и е) их взаимодействие. Эта системность, как свидетельствует схема, предполагает наличие и невидимых граней (обратной стороны) тех же социальных сфер, социальных институтов, социальных общностей, личности и общества. И, наконец, эта системность проявляется в том, что миграционные процессы являются объектом исследования не только демографии, но и ряда других наук – истории, экономических дисциплин, менеджмента, социологии.

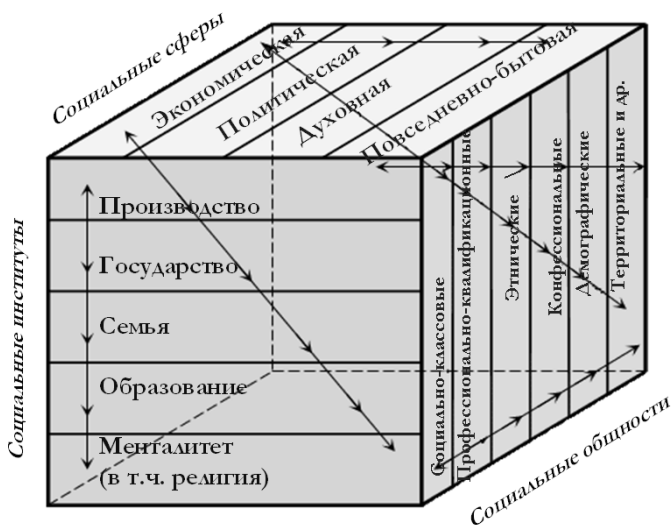

Рисунок 1 – Схема, характеризующая структурно-логическую системность и взаимосвязь социальных объектов

При этом, по утверждению лауреата Нобелевской премии по экономике 1974 г. Г. Мюрдаля, неоспоримо, что отдельные общественные науки оказывают друг другу содействие в исследованиях. Но только «одна наука – социология, – по мнению шведского экономиста, – концентрирует все внимание на совокупности общественных отношений и берет на себя особую ответственность за изучение тех сторон социальной действительности, которые менее тщательно исследуются другими дисциплинами». И «признавая, что даже экономические решения люди принимают под влиянием общего склада их мышления и в особенности той среды, в которой они живут, что ими управляют самые разнообразные мотивы, как и всеми людьми в их поступках, мы больше и больше, – указывал Г. Мюрдаль, – концентрируем внимание на взаимодействии этих сил» [13, с. 80–81]. И миграционные процессы как раз и относятся к ним.

Отсюда вытекает, что социальные процессы, включая и миграционные, разворачиваются на большом ряде уровней – в более упрощенном варианте: на микроуровне, мезоуровне и макроуровне. Это значит, что миграционные процессы, функционирование которых, на первый взгляд, связаны с индивидуальным поведением, протекают во взаимосвязи и взаимодействии совокупности социальных сфер – эко-

номических, политических, духовных и повседневно-бытовых. Особенно ярко это проявляется во взаимодействии миграционных процессов с экономической сферой, в частности, на масштабах и направлениях безвозвратной, челночной, интеллектуальной, вахтовой, трудовой и иных видов миграции. Влияние политической сферы на миграционные процессы проявляется в отношении многих их видов: нелегальной, регулируемой, контрактной, транзитной, фронтьерской, экологической, насильственной, эмиграционной, этнической и другой миграции. Аналогично и взаимодействие миграционных процессов с духовной и повседневно-бытовой сферами, к примеру, в отношении к мигрантам, исповедующим разные духовные и конфессиональные ценности, что проявилось в исходе русскоязычного населения из среднеазиатских, закавказских и прибалтийских республик.

Взаимосвязь этих социальных сфер и характер протекания миграционных процессов и соответственное обратное их взаимодействие отражается на деятельности – функционировании и развитии социальных институтов. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. исход (миграция) славянского населения из многих регионов бывшего Советского Союза привел к напряжению на национальных рынках труда. В частности, в среднеазиатских республиках исход славянского населения привел к проблемам обеспечения трудовым потенциалом предприятий легкой промышленности. Женские трудовые ресурсы титульной нации не изъявляли большого желания работать в цехах на предприятиях по переработке хлопка, и эти предприятия стали испытывать недостаток не только высококвалифицированных кадров, а вообще – рабочей силы.

Эта же система взаимодействия характерна и в отношении демографических процессов и явлений с деятельностью социальных общностей. Здесь их отношения представляют также взаимодействие. Протекающие демографические процессы влияют на деятельность многообразных социальных общностей, функционирование которых, в свою очередь, сказывается на процессах, относящихся к демографии. Так, уменьшение во многих странах рождаемости среди титульного этноса ведет к изменению их этнического и конфессионального состава. Ярким примером является современная этнодемографическая ситуация во многих странах Европы, в которых существенна озабоченность ростом этнической миграции и изменением этнической структуры. К последствиям такой изменившейся демографической ситуации ярким примером прежде всего является Косово. Эту ситуацию в ментальных различиях даже одного этноса отражают и современные социально-политические процессы в Украине.

В Беларуси в связи с малым удельным весом неславянских этносов большой озабоченности нет. Но в качестве политической этнической особенности демографической ситуации служит ситуация на Гродненщине, где существенно высок (21,5%) удельный вес в населении коренных для области этнических поляков. Так, в Вороновском районе удельный вес поляков в этнической структуре составляет 80,8%, Щучинском – 46,4, Лидском – 35,3, Гродненском – 33,6 и г. Гродно – 19,7%. Хотя это наше коренное население, но тем не менее проблемы в политических отношениях – налицо. Речь идет о деятельности союза поляков в Беларуси и отношении некоторых политических кругов Польши к изменениям в составе руководства белорусского союза поляков. И эта ситуация политическими кругами Польши используется для обострения отношений между странами и как предлог для роста миграции.

Использование методологии Big Data в свете ее системности позволяет выявить многогранность проявления взаимодействия демографических процессов, самыми сложными из которых являются миграционные процессы как на социальном, так и на личностном уровнях: их взаимодействии с разнообразными социальными сферами, социальными институтами и социальными общностями. Она позволяет выявить в этом взаимодействии влияние демографических процессов как на общество, личность, социальные сферы, социальные институты и социальные общности, так и влияние общества, личности, социальных сфер, социальных институтов и социальных общностей на демографическое развитие. Она также выявляет их как явные (видимые), так и в значительной части не осознаваемые, не совсем четко видимые в первом приближении эти взаимосвязи, но которые в конечном итоге играют не менее важную роль в функционировании демографических процессов.

Эта же система взаимодействия характерна и в отношении демографических процессов и явлений с деятельностью социальных общностей. Здесь их отношения представляют также взаимодействие. Протекающие демографические процессы влияют на деятельность многообразных социальных общностей, функционирование которых, в свою очередь, сказывается на процессах, относящихся к демографии.

При этом следует отметить, что в ряде случаев эти их взаимоотношения очевидны, но большинство взаимодействий не всегда очевидно. И системность методологии Big Data отражает это. Видимые грани и характеризуют их видимые отношения, причины, следствия и т. д. Но ведь, что вытекает из схемы, есть и невидимые грани (своеобразная обратная сторона луны), потому и последствия этих их взаи-

модействий не сразу обнаруживаются, о чем, напомним, в свое время констатировал А. Маршалл, «которые трудно проследить и невозможно предсказать» [14, с. 296]. Но невидимые, это не значит, что не важные. В концепции Мертона о явных и латентных функциях, латентные функции – более значимые для деятельности социальных институтов [15]. И потому перед наукой стоит задача выявить эти взаимосвязи демографических процессов с социальными сферами, социальными институтами и социальными общностями. Эта огромнейшая по своей трудоемкости и аналитическим возможностям, но прогрессивная по своему эпистемологическому потенциалу задача.

Таким образом, миграционный, как и в целом демографический, фактор присутствует в каждой из социальных сфер – экономической, политической, духовной и повседневно-бытовой сферах. Это взаимодействие осуществляется через деятельность многообразных социальных институтов – производственных, государственных, брака и семьи, образования, менталитета. Демографические процессы отражают и проявляются в разнообразных социальных общностях – классовых, стратификационных, профессионально-квалификационных, этнических, конфессиональных, территориальных и отраслевых общностях. Их итог и их начало находятся во многообразии видов деятельности – социальной, экологической, индустриальной, аграрной, научной.

На общеметодологическом уровне демографической науки выясняются общие тенденции и закономерности демографических процессов, взаимосвязь демографического развития с социальными сферами, социальными институтами, социальными общностями, особенности видов демографических процессов на различных исторических этапах, процессы воспроизводства. Миграционные процессы описываются и анализируются и отдельными направлениями демографической науки – демографической статистикой, исторической демографией, экономической демографией, этнической демографией, социологической демографией, а также демографической социологией – социологией миграции, демографической экономикой – миграцией экономики, географической демографией – региональной миграцией, палеодемографией и другими, что составляют уровень специальных теорий миграционистики. Прикладной уровень миграционистики представляет постоянно развивающуюся и обогащающуюся эмпирическую основу миграционного анализа. Это: переписи населения, методы сбора миграционной информации, характеристики миграционного движения населения, интенсивности и коэффициентов миграции, место миграции в моделях демографических прогнозов и т. д.

Методология Big Data отражает множественность научных подходов исследования миграционных процессов, обобщенных В. А. Ионцевым [16; 17]. Это: экономический, демографический, сугубо миграционный, социологический, философский, географический, исторический, этнографический, экологический, генетический, психологический, системный, типологический и методологический подходы. Наиболее распространенные в исследованиях миграционных процессов экономические подходы меркантилизма, мальтузианства, марксизма, классической и неоклассической теории, кейнсианства, «обратной связи», «человеческого капитала», мирового рынка труда и мирового хозяйства (или мировой системы). Среди демографических подходов наиболее распространенными являются общая теория народонаселения, концепция демографического перехода и концепция нулевого сальдо миграции. Среди сугубо миграционных подходов ведущей являются концепция трехстадийности миграционного процесса, а также совокупности миграционных перемещений концепции миграциологии, концепции мобильного перехода и ее разновидности миграционного перехода.

Социологические подходы включают концепцию «притяжения-выталкивания (pull/push)», миграционную систему связей (сетей), культурологического направления, ассимиляционную теорию и этносоциологию. Интересны и другие подходы, в частности – исторический аспект миграционной проблемы как «переселения народов», касающегося «великого переселения» эпохи первого тысячелетия современной эпохи, связанной и с колонизацией славянскими предками территории современной Беларуси. Да и современные миграционные процессы в Западной Европе можно охарактеризовать новым великим переселением народов.

В задачи этой главы не входит анализ сущности и особенностей тех или иных подходов. Но главное, что они вписываются в систему методологии Big Data, отражая ее сущность и ее особенность.

Систему методологии Big Data отражают «законы или правила миграции», которые выявил английский дипломат Эрнст Георг Равенштейн, характеризующие систему притягивающих и отталкивающих социальных и экономических факторов в демографических процессах. Ему приписывается 11 законов [18; 19]. Исследованиями последних лет выявлено, что лично Э. Равенштейном сформулированы следующие законы:

- большая часть мигрантов перемещается на короткие расстояния;
- жители, окружающие быстро растущий город, стекаются в него, уменьшая плотность ближайшего сельского населения;

- мигрирующие на большие расстояния направляются в основном в крупные торговые или промышленные центры;
- процесс рассеивания жителей маленьких поселений обратно пропорционален процессу поглощения их большим городом, которые имеют свои особенности;
- каждый миграционный поток создает компенсирующий контр-поток;
- горожане реже мигрируют по сравнению с населением сельских районов;
- во внутренней миграции более активны женщины, в международной – мужчины.

К законам, представленным самим Равенштейном, исследователи добавляют еще другие, вытекающие из его рассуждений. Это:

- большинство мигрантов представляет взрослое население, семьи редко мигрируют за пределы своей страны;
- рост крупных городов в большей степени обусловлен миграцией населения, нежели естественным приростом;
- масштабы миграции возрастают с развитием промышленности и торговли и особенно с развитием транспорта;
- большинство мигрантов из сельской местности направляются в крупные промышленные и торговые центры;
- экономические причины миграции являются определяющими [20, с. 16–26].

Не все эти законы или правила, сформулированные более 150 лет назад на основе закона спроса и предложения, приложимы к современным реалиям, тем более, что и его современники восприняли их неоднозначно. А тем более, что в современных условиях возрастает роль миграционных процессов в зависимости от информационных технологий.

Однако Э. Равенштейном поставлены вопросы, которые актуальны и сегодня. Это: воздействие миграции на жизнь и местного населения; влияние качественных характеристик мигрантов на их положение (политическое, социальное, экономическое и др.), а также и коренного, или местного, населения и, следовательно, на их адаптацию и ассимиляцию; демографические последствия миграционных процессов регионов исхода мигрантов и регионов прибытия. Этот набор проблем свидетельствует о многомерности миграционных процессов.

Анализ методологии Big Data требует отразить, во-первых, сущность происходящих демографических перемен, во-вторых, реакцию и процесс осознания тенденций и демографических изменений в общественном сознании. Прошлое, современное и будущее представ-

ляют неразрывную и единую цепь демографического развития и его научного отражения. Это требует решения ряда теоретических и методологических задач демографической и социологической наук. В теоретическом плане – это обоснование концептуальных основ анализа демографического развития и демографической политики, механизма влияния демографической сферы на социально-экономическое развитие и обратного влияния социально-экономического развития, социальной политики на демографические процессы. В методологическом плане это изложение важнейших принципов и методологических подходов анализа закономерностей функционирования демографических процессов, оценки их изменений в осуществлении ситуационного анализа современных демографических процессов. Это также требует обоснования необходимости в деле осуществления соответствующей демографической политики разработки такого социально-управленческого механизма, который будет опираться не только на демографические идеи, но и на недемографические теории – концепцию многообразия современности.

Перепись населения Беларуси 1999 г. зафиксировала численность населения страны в 10 045,2 тыс. человек, что на 106,6 тыс. человек меньше по сравнению с переписью 1989 г. Показатель естественной убыли населения за период между переписями 1989–1999 гг. составил 81,3 тыс. человек (при 1 162,8 тыс. родившихся и 1 244,1 тыс. умерших за этот период). Данные о численности родившихся и умерших (а следовательно, и данные о сальдо естественного движения населения) за межпереписные годы не подлежат изменениям – это медицинский и юридический факт. Остальная убыль населения Республики Беларусь приходится на миграцию, т. е. миграционное сальдо дает отрицательную величину в 25,3 тыс. человек, что опровергает доминировавший в течение межпереписного периода 1989–1998 гг. на основе текущего миграционного учета вывод, что Беларусь имеет положительное сальдо миграции, т. е. в расчет общей величины миграции в соответствии с методологией Big Data наряду с итогами переписи населения берутся и показатели естественного движения населения.

Аналогичная ситуация характерна и для демографических процессов в межпереписные 1999–2009 гг. Так, миграционный прирост по данным паспортных служб органов внутренних дел, отражающий текущий учет миграционного движения Республики Беларусь за период между переписями населения 1999 и 2009 гг., оценивался как положительное сальдо – в 54,5 тыс. человек. Национальная перепись населения Беларуси зафиксировала на 14 октября 2009 г. численность на-

селения Республики Беларусь в 9 503,8 тыс. человек, соответственно на начало 2009 г. – в 9 513,6 тыс. человек, что на 531,6 тыс. меньше, чем по переписи 1999 г. В этой меньшей численности 434,6 тыс. человек составляет отрицательное сальдо между рождаемостью и смертностью. Перерасчет динамики движения населения на основе материалов переписи 2009 г. за этот межпереписной период на основе вышеуказанного методологического подхода выявляет отрицательное миграционное сальдо в 97,0 тыс. человек.

До проведения переписи 2019 г. по данным текущего миграционного учета МВД считалось (и ныне считается), что в Беларуси миграционное сальдо имеет положительную величину – наивысшая величина которой в текущем десятилетии составляла 18 494 человека в 2015 г., а наименьшая – 3 874 человека в 2018 г. Однако анализ представленных данных последней переписи населения Республики Беларусь выявляет, что за три квартала 2019 г. миграционное сальдо дает отрицательный показатель. За этот период численность населения страны уменьшилась на 61,8 тыс. человек. В этом уменьшении доля естественного движения населения составила 24,8 тыс. человек (разница на начало критического момента переписи при 65,8 тыс. родившихся и 90,6 тыс. умерших за январь–сентябрь 2019 г.), а доля миграционных потерь – 37,0 тыс. человек. И последняя перепись населения, как и две предыдущие, вместо миграционного прироста выявляет миграционную убыль населения страны. В структуре сокращения численности населения переписного года соотношение между отрицательным сальдо естественного движения населения и отрицательным сальдо миграции характеризуется как 40,1 к 59,9%. Это больше, чем их соотношение за период между переписями 1989 и 1999 гг., которое составляло 76,3 и 23,7%, а за 1999–2008 гг. – 58,1 и 41,9%.

В середине ноября 2016 г. в Минске проходила организованная Центром социальной демографии Института социально-политических исследований РАН совместно с Фондом ООН в области народонаселения (UNFPA) в Республике Беларусь крупнейшая международная демографическая конференция «Миграция и демографическое развитие Республики Беларусь и сопредельных стран», в которой приняли представители 12 государств. И когда выступали представители США, Бразилии, ЮАР, Португалии, Финляндии, Венгрии, описывая кризисную ситуацию в западно-европейских странах, то среди белорусских слушателей (а среди них была значительная часть студентов, выпускников Академии управления при Президенте Республики Беларусь и Белгосуниверситета) приходилось из уст молодежи слышать комментарии, что «может, и хорошо, что в Беларуси не такой высо-

кий уровень жизни, как в Европе: к нам беженцы не рвутся». И не создают проблем, как в Западной Европе и как это было с транзитными мигрантами в 2021 г.

Многообразие видов миграции порождает сложные последствия для демографических перспектив страны. Постоянный рост доли миграции в депрессивных демографических процессах (с 23,7% в 1999 г., 41,9% в 2009 г. и 59,9% в 2019 г.) сопровождается растущими масштабами трудовой белорусской миграции. Так, по данным миграционных служб Российской Федерации официально в качестве резидентов на рынке труда России в 2018 г. зарегистрировано 452 064 граждан Беларуси. Причем наблюдается постоянный их рост: в 2016 г. – на 38,3 тыс. человек, в 2017 г. – на 48,6 тыс. человек и в 2018 г. – еще на 57,6 тыс. человек. В странах Евросоюза за 2015–2018 гг. в качестве резидентов было зарегистрировано белорусских граждан более 350 тыс. человек, в том числе: в 2015 г. – 80,0 тыс. человек, в 2016 г. – 82,2, в 2017 г. – 51,9 и в 2018 г. – 137,7 тыс. человек. К сожалению, статистические данные за последующие годы отсутствуют.

Это представляет вызов демографической и гуманитарной безопасности Беларуси, ибо в составе белорусских трудовых мигрантов преобладает наиболее активное трудоспособное и репродуктивное население. Именно с трудовой миграцией активной репродуктивной части белорусского населения в последние годы (2016–2019) после 15-летнего периода оздоровления ситуации в репродуктивной сфере в Республике Беларусь связан в стране и новый виток депопуляции. Так, после наивысшего за прошедший период XXI в. уровня рождаемости в 2015 г., когда в стране родилось 119 028 младенцев, началось снижение рождаемости. В 2016 г. уже родилось 117 779 детей. Далее экспонента рождаемости характеризуется резким ее снижением: 2017 г. – 102 558, 2018 г. – 94 042 и 2019 г. – 87 608 младенцев.

Из-за отсутствия статистических данных Белстата автор осуществил расчет численности родившихся за 2020–2023 гг. Основой расчета стала имеющаяся частичная статистическая информация с использованием метода передвижки возрастов и экстраполяции показателей удельных весов возрастной группы 0–4 года в структуре населения.

Исходными данными расчета являются, во-первых, публикуемая на сайте Белстата информация о численности населения на начало года. Во-вторых, использованы публикуемые сведения органов статистики о распределении численности населения по пятилетним возрастным когортам. В-третьих, использован метод экстраполяции в демографических тенденциях прошлого периода о соотношении доли

рождаемости в пятилетней возрастной группе населения 0–4 года. На их основе даже в условиях ограниченности демографической информации, экстраполируя эти тенденции на 2020–2023 гг., можно с некоторой статистической погрешностью определить величину рождаемости за эти годы.

При уменьшении численности населения в возрасте 0–4 года на начало 2019 г. – 557 148 человек, 2020 г. – 520 478, 2021 г. – 482 898, 2022 г. – 444 851 и 2023 г. – 416 021 человек [21, с. 46], естественно, происходит и снижение числа родившихся в возрастной структуре 0–4 года. Расчетная рождаемость в пределах статистической погрешности составила в 2020 г. – 83 077 человек, 2021 г. – 77 079, 2022 г. – 71 006 и 2023 г. – 66 404 человек [22, с. 167–182].

Особенностью трудовой миграции в западном направлении является преобладание в ней молодых женщин. А в восточном (российском) направлении в белорусской трудовой миграции наблюдается преобладание мужской рабочей силы. Так, по данным единовременного миграционного учета Российской Федерации (на 7 июня 2015 г.) из 553 583 граждан Республики Беларусь, находившимися в тот момент на территории Российской Федерации, 57,8% – это мужчины. В этой связи новой демографической проблемой страны, порожденной миграцией, стало обострение гендерной диспропорции: после 60-летнего периода роста удельного веса мужского населения в гендерной структуре Беларуси и постепенного сглаживания гендерной диспропорции процент мужчин резко сократился. Так, если по данным переписи 1999 г. соотношение мужского и женского населения страны составляло 47,0 и 53,0%, то перепись 2019 г. свидетельствует об обострении гендерного соотношения, составившего соответственно 46,2 и 53,8%. Для сравнения: гендерное соотношение в Беларуси после Великой Отечественной войны, в горниле которой гибли в основном мужчины, по итогам переписи 1959 г. составило 44,5 к 55,5%. Наибольшая гендерная диспропорция приходится на город Минск, где соотношение мужского и женского населения по переписи 2019 г. составляет 45,7 и 54,3%, а также и на Витебскую область, где их соотношение составляет соответственно 45,9 и 54,1%. И где коэффициент рождаемости – наименьший в стране: при среднем показателе по Беларуси за 2019 г. – 9,3‰, в Минске он составил 7,9, а по Витебской области – 8,3‰. Выделим в этом плане столицу Республики Беларусь, в которой удельный вес женского репродуктивного потенциала почти в 1,5 раза превышает среднереспубликанский показатель.

Таким образом, растет значимость миграционных процессов в демопопуляционных процессах Республики Беларусь. Нынешнюю «ми-

грационную практику» (если ее так можно назвать), отданную на откуп правоохранительным органам, трудно назвать позитивной, соответствующую интересам демографической безопасности страны, ибо она характеризуется, во-первых, постоянным сокращением численности населения страны, во-вторых, ростом миграционного оттока наиболее активного репродуктивного потенциала и, в-третьих, увеличением масштабов трудовой и образовательной миграции, в итоге формирующей эмиграцию. А это противоположно тем целям, которые определены стратегическим документом в демографической сфере – Законом Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь». Необходимость сокращения масштабов миграционной убыли населения страны требует, во-первых, повышения значимости национальных демографических программ и, во-вторых, разработки национальной миграционной политики. А это можно осуществить, зная реальные тенденции в миграционных процессах, роль которых в сокращении численности населения Беларуси становится более значимой. Но, к сожалению, национальная статистика в последние годы перестала публиковать информацию.

В демографическом плане сегодняшняя ситуация с белорусскими трудовыми мигрантами в геополитическом плане вызывает большую озабоченность. Она стала полем сражения за демографический потенциал. Россия в связи с демографической депопуляцией взяла курс на привлечение в страну этнически близкого к русскому этносу населения. И белорусы для России являются наиболее приемлемым миграционным материалом. Из Беларуси выезжают более квалифицированные кадры, чем в нее въезжают, т. е. в борьбе на рынке труда за квалифицированный трудовой и активный репродуктивный потенциал Беларусь проигрывает. Уезжают в основном молодые, работоспособные и перспективные в репродуктивном плане люди. Прежде всего – это высококвалифицированные кадры, которые ищут работу, соответствующую их уровню знаний и социальных притязаний.

Здесь национальные демографические интересы Беларуси и национальные интересы России не совпадают. В современном глобализированном мире очень многое, если не все, взаимосвязано. Особенно эта взаимосвязь и зависимость касается соседствующих государств. А для Беларуси это важно в отношении тех проблем, которые являются первостепенными для России, прежде всего в области демографии. Ибо то, что происходит в России, отражается и на процессах, протекающих в Беларуси. Именно эта взаимосвязь отражена в декабрьском (2012) Послании Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. Характерно, что демо-

графический аспект был главным в этом Послании В. Путина, заявившего недвусмысленно: «Ужесточается конкуренция за ресурсы. Причем, хочу... подчеркнуть: не только за металлы, нефть и газ, а прежде всего за человеческие ресурсы, за интеллект». Мы подчеркнем: во-первых, за человеческие ресурсы, во-вторых, за интеллект и только потом – за металлы, нефть и газ.

Этим Россия «предоставляет» Беларуси возможность снизить остроту с занятостью, обеспечить самый низкий уровень безработицы на просторах бывшего СССР. Трудовая миграция обеспечивает приток иностранной валюты в Беларусь. Одновременно белорусские трудовые мигранты удовлетворяют потребность российского рынка труда. В России белорусские трудовые мигранты не являются в классическом виде трудовыми мигрантами, как мигранты из других стран бывшего СССР. Белорусы в России являются экспатами – теми, кто живет за пределами Беларуси, не меняя гражданство: пока они там лучше и больше зарабатывают. Тем более, что по менталитету, социокультурным ценностям эти белорусы существенно не отличаются от русских. Многие из них имеют два паспорта – гражданина Беларуси и гражданина России, что сказывается негативно на демографических процессах Беларуси. Это ставит перед Беларусью заботу сохранения своего демографического потенциала первостепенной. Ибо, как показывает исторический опыт многих стран и Беларуси начала XX в. в том числе, примерно 60% трудовых мигрантов (а это наиболее активная категория и в репродуктивном плане) в итоге обживаются в принимающей стране. И, как свидетельствуют материалы последней переписи населения России, проживающий в ней немногим более чем 200-тысячный белорусский этнос показал самый низкий удельный вес, считающий родным белорусский язык – 21,7%.

Таким образом, в соответствии с диалектической характеристикой Ф. Энгельса социальных процессов, отражающих их системность, «имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие». И миграция является таким глобальным историческим процессом и событием.

1.4. Краткие выводы

Миграционистика представляет комплексное направление социально-гуманитарной науки, системно исследующее многообразие социальных проблем миграционных процессов. Эти процессы и проблемы белорусской миграции находят свое отражение в национальной исторической, географической, политологической, юридической, философской, социологической, экономической, статистической, демографической, филологической, культурологической науках. В этой связи национальная миграционистика представляет не только характеристику самих миграционных процессов, но и, с одной стороны, характеристику исследований ученых и специалистов в областях большинства вышеперечисленных направлений в белорусской гуманитарной науке, так и, с другой стороны, анализ их вклада в разработку управленческого механизма регулирования и воздействия на них.

Миграционные процессы среди демографических явлений – наиболее многочисленные и разнообразные. В современной демографической науке в отношении миграционных процессов насчитывается более полусотни видов, что проявляется в многообразии понятий, их отражающих. Среди них важным итогом миграционного процесса является понятие «миграционное сальдо». Оно может быть положительным, заключающимся в миграционном приросте населения, или отрицательным, что характеризует убыль населения, т. е. миграционное сальдо характеризует результат системных изменений этого двустороннего процесса.

Миграция как особый демографический процесс среди всех социально-экономических и социально-политических явлений определяется большой зависимостью и связью с множеством объективных и субъективных факторов, что определяет ее сложный характер. Миграционные процессы связаны с неоднозначными – двойственными последствиями: мигранты стремятся в наиболее развитые регионы, и, как следствие этой тенденции, Беларусь для них является малопривлекательной в миграционном плане страной. В последние годы важным аспектом международной миграции стали политические факторы. Они существенно значимы в отношениях Беларуси с сопредельными государствами. Это находит отражение, с одной стороны, в положении временных мигрантов в Беларуси с Украины, и транзитных мигрантов на белорусско-польском, белорусско-литовском и белорусско-латвийском пограничье. С другой стороны, иная ситуация характерна для белорусских трудовых мигрантов в Российской Федерации.

Исследования миграционного движения населения отражает не только текущее состояние социальных процессов, но и связь с их историческим прошлым. Это значит, что понимание сущности миграционного движения населения лежит в системности миграционистики, понимании того, что социальные процессы, включая и миграционные, развертываются на большом ряде уровней. На основе «законов или правил миграции» Э. Равенштейна сформулировано положение, что миграционные процессы, функционирование которых связаны с индивидуальным поведением, протекают во взаимосвязи и взаимодействии совокупности социальных сфер – экономических, политических, духовных и повседневно-бытовых. Особенно ярко это проявляется во взаимодействии миграционных процессов с экономической сферой, в частности – на масштабах и направлениях безвозвратной, челночной, интеллектуальной, вахтовой, трудовой и иных видов миграции. Влияние политической сферы на миграционные процессы проявляется в отношении многих их видов – нелегальной, регулируемой, контрактной, транзитной, фронтьерской, экологической, насильственной, эмиграционной, этнической и других видов миграции. Аналогично влияние и взаимодействие миграционных процессов с духовной и повседневно-бытовой сферами, к примеру адаптации в отношении к мигрантам, исповедующим разные социокультурные и конфессиональные ценности, что ярко проявилось в исходе русскоязычного населения из среднеазиатских, закавказских и прибалтийских республик.

Глава II. МИГРАЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

2.1. К проблеме заселения территории Беларуси

Современникам кажется, что земли Беларуси испокон веков были заселены белорусами. Но белорусы, как и современные русские и украинцы, – народы очень молодые. Белорусам здесь предшествовали другие исторические общности. Как и русские и украинцы, они развились на основе особой этнической общности – древнерусской народности, которая заселила обширную территорию вокруг Днепра, Припяти и Северной Двины и восточнее их. Но и древнерусской народности, сформировавшейся из славянских племен, на этих землях предшествовали другие общности, т. е. и славяне не были единственными и даже исконными обитателями Беларуси. Здесь жили и им предшествовали другие народы, следы которых остались в истории, предоставив поиски их археологам.

Заселение Беларуси, как и других регионов, связано с мировыми трендами и прежде всего с климатическими процессами. Географы считают, что территория нынешней Беларуси за время существования Планеты выдержала не менее пяти ледниковых периодов. В каменном веке человеческая популяция начала расселяться по всему земному шару, причем во время плейстоцена произошло до пяти обледенений, а уровень мирового океана поднялся на сотни метров. При этом перекраивалась и география Земли, соединялись и вновь разъединялись материки и острова, а человек, гонимый изменениями климата, занимал все новые и новые земли.

В период последнего похолодания ледник на территории Беларуси, как считают географы, продвинулся с севера до линии Гродно – Нарочь – Лепель – Орша. На сотни километров на юг от этой линии образовалась предледниковая зона с вечной мерзлотой. После последней (позерской или волдайской) ледниковой эпохи наступило относительное потепление. Но в промежутках между потеплениями наблюдалось чередование похолодания. Наиболее значительное потепление, по мнению географов, произошло 35–25 тыс. лет назад. Согласно археологическим исследованиям, корни появления людей на просторах нынешней Беларуси относятся к последней ледниковой эпохе, закончившейся примерно 12 тыс. лет назад, когда очередное обледенение сменилось относительным потеплением, в котором мы существуем.

В археологической науке имеется несколько точек зрения относительно времени появления на землях Беларуси первых людей после

последней ледниковой эпохи. Эти даты имеют отношение к разным стадиям эпохи палеолита. Одни считают, что это было в позднем палеолите, другие – в среднем, а согласно мнению третьих – на последней стадии раннего палеолита. Так, в разных местах Беларуси (под Быховым на Могилевщине и Светиловичами на Гомельщине) были найдены отдельные изделия из кремня, в частности – скребла. В связи с этим даются разные хронологические рамки начала заселения первобытными людьми ее территории – с интервалом между 35 и даже 100 тыс. лет назад. Но дело не только в различных абсолютных временных величинах. Время в истории – это такое явление, в котором тысяча или несколько тысяч лет туда или сюда – особого значения не имеет. В данном контексте речь идет о другом – о начале освоения и заселения этих территорий современной Беларуси.

По наиболее распространенной версии, появление первых представителей рода людей (неандертальцев) на территории современной Беларуси относится примерно к периоду от 100 до 35 тыс. лет тому назад. Археологами на территории Могилевской и Гомельской областей найдены среднепалеолитические кремневые изделия, предположительно изготовленные неандертальцами. Первые следы бесспорного пребывания человека биологического вида *Homo sapiens* на территории современной Беларуси датированы двумя первобытными позднепалеолитическими стоянками кроманьонцев ориентировочно 27–24-тысячелетней давности в Юровичах и Бердыже, находящихся на территории Гомельской области. Полностью эти земли, считается, были заселены около 10–8 тыс. лет назад.

В еще более отдаленной истории территория Беларуси входила в ту область, где совершался процесс антропогенеза, формирования самого человека. Если же появление здесь человека связано с поздним палеолитом, то это уже время людей современного типа – человека разумного (*Homo sapiens*). Первые следы существования человека как *Homo sapiens* на территории нынешней Беларуси археологическими исследованиями датируются около 2 тыс. лет до н. э. По одной из версий на территорию современной Беларуси в 3-м тыс. до н. э. стали проникать индоевропейцы. А самый древний череп с территории Беларуси, у которого было восстановлено лицо, принадлежал представителю культуры шнуровой керамики мужчине 30–40 лет, жившему в эпоху бронзы во 2 тыс. до н. э. Этот череп был найден в кремнедобывающей шахте в Красносельском поселке Волковысского района Гродненской области. Фрагмент второго черепа, принадлежащего представителю среднеднепровской культуры, был обнаружен на территории Гомельской области – в Ветковском районе.

Археологи считают, что во время мезолита (среднего периода каменного века) – между 9-м и 10-м тыс. до н. э. сюда проникли первые поселенцы. В первую очередь они селились на возвышенных берегах рек и озер, чьи следы обнаружены в бассейнах рек Птичь и Орессы, а также на территории Любанского (Минской области) и Петриковского (Гомельской области) районов. Археологами там обнаружены следы поселений неолитического типа, как его раннего периода – восточно-полесского варианта днепро-донецкой культуры, так и более позднего периода каменного века, который в Восточном Полесье относится к 5–2 тыс. до н. э., времени развития присваивающего хозяйства, охоты, рыболовства и собирательства.

Что касается позднего палеолита, то никаких сомнений в существовании здесь людей нет. В Бердыже (Чечерский район Гомельской области) и в Юровичах, что на Припяти в Калинковичском районе Гомельской области, найдены типичные орудия и остатки фауны этой поры. Позднепалеолитические памятники на территории Беларуси по своему типу имеют очень много общего с палеолитом среднерусской равнины и могут быть отнесены к одному культурному типу. В частности, это более сотни памятников первобытных стоянок, селищ и городищ, курганов и погребений в Посожье. Это значит, что поселенцы занимали значительную часть восточноевропейской равнины. Археологи располагают рядом дат палеолитических памятников Беларуси, подтвержденных методами радиоуглеродного датирования. Материалы из Бердыжа касаются даты около 23 и 15 тыс. лет назад. Вторая дата была получена в лаборатории Оксфорда. Юровичская стоянка датируется 26 тыс. лет назад.

Это подтвержденные самые ранние даты, связанные с появлением человека на территории Беларуси. Они не выходят за рамки позднего палеолита. Более того, они относятся не к началу позднепалеолитической эпохи, а к ее развитой стадии. С этих дат, очевидно, и следует начинать историю заселения Беларуси.

Археологами также обнаружены и следы древних жителей уже более близкой к нам истории заселения Беларуси – бронзового века – от начала второго тысячелетия до VII–VI вв. до н. э., уже использовавших орудия труда (в том числе и сверленные каменные топоры) и украшения из бронзы и меди, что подтверждает наличие их связи с племенами, поселившимися и в других регионах. Содержание этой эпохи отражает те процессы, которые сформировали и специфику трудового поведения проникших позже на эту территорию славянских племен, т. е. мигрантов начала современной эпохи. Эти следы городищ выявлены возле деревень Поречье, Волосовичи, Лясковичи, Моисеевка.

Так, у деревни Лясковичи среди местного населения эти городища известны под названием «окоп» – Большой и Малый Окопы.

Известны также и другие древние поселения на территории нынешней Беларуси, выявленные в других районах Гомельской области. Это стоянка Береговая Слобода в Речицком районе, датированная 6–5-м тыс. до н. э. Древние поселения были и на юге Могилевской и Брестской областей. Это стоянка Буйничи под Могилевом – 8–5-м тыс. до н. э., стоянка Батово в Пинском районе – 4–3-м тыс. до н. э., стоянки и поселения у деревни Остров Пинского района, которые датируются 5–4-м тыс. до н. э. Таковыми являются и стоянки в Светиловичах Ветковского района, Подлужьи Чечерского района, Обидовичах Быховского района. С такой ранней исторической родословной стоянок в северных районах современной Беларуси не выявлено.

Однако к концу 1-го тыс. до н. э. предки славян начали постепенно и активно заселять и север белорусской части Восточно-Европейской (или Русской) равнины. Археологами доказана этническая принадлежность прото- или праславянских (предков славян) племен найденных элементов памятников культуры 700–400-х гг. до н. э. в Березовском районе (д. Горбов река Ясельда), Брестском районе (д. Борисы), Каменецком районе (д. Камень), Гродненском районе (д. Комотово и Ковальцы) [23, с. 97]. Это свидетельствует, во-первых, о направлении миграции с запада на восток и, во-вторых, о расширении миграционных ареалов Беларуси.

Условия для жизни людей той поры были сложными. На севере Беларуси стоял ледник, дыхание которого ощущалось повсюду. Южнее сформировался суровый арктический климат; растительность была также характерной для арктической тундры; население в палеолите было малочисленным. Существует мнение, что приблизительно 16 тыс. лет назад имело место сильное похолодание, и человек надолго покинул земли нынешней Беларуси. И только в финальном палеолите (приблизительно 10 тыс. лет назад) в Беларуси снова появляются поселения людей. Но независимо от того, 100 или 40 тыс. лет тому назад появились первые люди на территории нынешней Беларуси, а позже в результате сильного похолодания они ушли на юга, а потом опять заселились здесь, очевидно, что они, во-первых, появились прежде всего на юге белорусских земель – на территории нынешней Гомельской области, и, во-вторых, что они прибыли с других территорий, т. е. мигрировали.

Наряду с археологическими данными приходится встречаться с мифами и легендами. Наверное, нет таких народов, история которых обходилась без них. Одну из них, рассказывающую о жителях терри-

торий за пределами известной тогда средиземноморской цивилизации приводит «отец истории» Геродот (V в. до н. э.). Побывав в Северном Причерноморье, он на основе рассказов кочевников и аборигенов считал, что находящиеся земли севернее и на северо-востоке от Средиземного моря необитаемы. Он не мог себе представить, что там, где «постоянные снегопады, в том числе и летом, хотя и меньше», можно людям существовать. Поэтому Геродот «населил» эти земли кочевниками-скифами, хотя и предполагал, что к северу и западу от кочующих скифов могут жить оседлые земледельческие племена. Эти кочевники постоянно на них нападали, устраивали грабежи, уводили скот и рабов. Но это касалось территорий, расположенных значительно южнее современной Беларуси.

Что же говорить о более северных территориях, в том числе и современной Беларуси? В исторических работах белорусских исследователей отмечается, что в античных (арабских, греческих и римских) источниках упоминания о народах, проживавших в древности на территории современной Беларуси, относятся уже к новой эре – примерно к III–IV вв., когда сюда стали мигрировать славяне. Это очень важное обстоятельство, важное для понимания особенностей менталитета населения как проживавшего на землях Беларуси, так и переселившегося сюда.

В этом плане прежде всего обратим внимание на такие обстоятельства. Письменные упоминания о древних народах и государствах всегда были связаны с военными конфликтами. И вся история европейской цивилизации – это история военных столкновений за лучшие условия существования. Отсюда вытекает следующее первое обстоятельство. В отношении народов древнейшей Беларуси дославянского заселения это означает, что наши предки, как местное население, так и позже перебравшееся в эти края, прежде всего – мирные люди. Дошедшие до нас факты об отношениях людей прошлого – это факты, связанные с конфликтами. А так как сведений о военных конфликтах на современных белорусских территориях в те доисторические времена до нас не дошли, то и существования здесь людей в те времена почти не было «замечено». Это важнейший вывод, свидетельствующий о миролюбии наших предков, как «коренных», так и сюда переселившихся. Если в древней Европе, в ареале Средиземного моря велась борьба за территории и средства существования, то на просторах, где обитали наши предки, территориальных проблем мало существовало, а прибывшее сюда население не вело борьбу за территории, которых всем хватало.

Отметим, что и ныне по плотности населения среди почти четырех десятков европейских стран Беларусь имеет один из низких показателей. Беларусь, как любят некоторые козырять, «расположенная в (географическом) центре Европы», была и остается одной из самых малонаселенных держав (территорией) западной, южной, центральной и восточной Европы. Меньше жителей, чем в Беларуси, в расчете на один квадратный километр, проживает только в четырех государствах северной Европы: Исландии, расположенной на острове в северной части Атлантического океана, а также в северных скандинавских странах – Норвегии, Финляндии и Швеции. Из новых независимых государств европейского постсоветского пространства ныне только в Латвии и Эстонии плотность населения меньше, чем в Беларуси. Понятно, что на заре новой эры, а тем более в доисторические времена, на землях современной Беларуси населения проживало еще меньше. Отсюда вытекает следующее обстоятельство, связанное с более суровыми климатическими условиями тех времен на наших широтах: малонаселенная территория нынешних белорусских земель давала возможность свободного размещения как тогдашнего коренного, так и пришлого населения.

Это более позднее упоминание о населении доисторических времен на территории Беларуси отражает фактор неблагоприятной природной среды существования наших предков, связанных с ледниковым периодом. Последний ледниковый период охватил всю территорию современной Беларуси и достиг несколько южнее даже вплоть до широты Киева. А потому и в исторические хроники сведения о населении нынешних белорусских территорий попали позже, когда процессы Великого переселения народов на рубеже эпох стороной затронули и земли, где ютились наши древние предки – «тутэйшнее» местное население. Это упоминание прежде всего было связано с постепенным миграционным движением – процессом переселения и расселения славян. А то, что до появления славян люди здесь проживали, свидетельствуют упомянутые археологические раскопки.

Конец четвертого столетия – это начало и Великого переселения народов как результата двух важнейших процессов новой эры: развала великой Римской империи и резких климатических изменений. Римская империя, чье экономическое развитие было основано на эксплуатации рабского труда, в новом тысячелетии лишившаяся этого дармового источника своего развития, вступила в финальную стадию своей истории, означавшую разрушение рабовладельческих отношений. Разваливающаяся империя обратила свой взор на многочисленные племена народов, живших на севере и северо-востоке европей-

ского континента, как на источник эксплуатации рабского труда. Недаром фонетически в западноевропейских языках слова «раб» и «славянин» совпадают: в английском языке это – slave, немецком – sklave, французском – esclave, итальянском – schiavo, португальском – escravo¹.

В раннем средневековье славянские народы нередко становились объектом византийской, германской и арабской работорговли. До того, как славянские племена стали мигрантами в Великом переселении народов, они жили оседло и занимались земледелием. Именно земледельцы становились добычей для тех, кто жил разбоем. При этом славяне представляли самый многочисленный народ Восточной Европы, чем объясняется их значительный процент среди пленников. И чем объясняется их массовый исход из средневропейских земель в восточном направлении славянских племен.

Этот исход лежит в русле Великого переселения народов и в связи с резко ухудшившимися климатическими условиями западноевропейского континента, который оказался в зоне последствий извержения мощнейшего вулкана Иполанга в 536 г. на Южно-Американском континенте. Результатом этого извержения стало резкое похолодание средневропейского континента, где проживали славянские племена, где в течение последующих многих лет даже в летнее время еле проглядывало солнце, где многие территории оказались затопленными, заболоченными. И под влиянием этих климатических процессов славянские племена в поисках лучшей социальной доли массово двинулись на восток, который они еще раньше постепенно осваивали.

Описывая эпоху славянского освоения северной части Русской равнины, авторитетный российский славянист В. В. Седов отмечает причины, по которым славянское население северной части Европы вынуждено было покинуть места прежнего своего проживания. Это ухудшение природных условий: «Первые четыре века нашей эры в Средней Европе были весьма благоприятными в климатическом отношении». Но «в конце IV в. в Европе наступило похолодание. Еще в 366 г. отмечены сильные морозы. Замерз Рейн и лед был настолько толстым, что по нему проходили войска. Необычно суровая зима отмечена и в 370 г. На рубеже IV и V вв. лютые морозы достигли даже Византии.

¹ Истоки такого отождествления лежат в греческом языке: слово σκλάβος ‘раб’ в среднегреческом языке происходит от греческого глагола σκλεῖν, что означает ‘добывать военные трофеи’. А из греческого происходит позднелатинское слово sclavus ‘раб’, которое через средневековую латынь распространяется во многие западноевропейские языки.

Особенно холодным был V в. Письменные источники сохранили информацию о необычно морозных и продолжительных зимах в 441–442 и 442–443 гг. Это был период максимального похолодания не только для первого тысячелетия, самые низкие температуры наблюдались в это время за последние 2000 лет. В V в. резко повышается увлажненность земли, что связано и с низкими температурами, и с увеличением выпадения осадков, и трансгрессией Балтийского моря. Заметно повышается уровень вод в реках и озерах, поднимаются грунтовые воды, разрастаются болота. Поймы многих рек или затапливаются, или покрываются аллювиальными отложениями и, таким образом, исключаются из хозяйственного использования.

Такая климатическая ситуация была характерна и почти для всего следующего столетия. В это время отмечено шесть необычно холодных зим, когда птицы замерзали на лету. Но это неполная информация. Очень часто шли обильные дожди, приводившие к сильнейшим наводнениям. Очень холодным и дождливым во всей Западной Европе был 586 г. Даже в Италии были полностью затоплены поля, население полагало, что наступил новый потоп. Наводнения были продолжительными и длились до 590 г.

Таким образом, период от конца IV до последних десятилетий VI в. в лесной зоне Европы во всех отношениях был неблагоприятным для земледельческого населения. Многие поселения римского времени в результате повышения уровней рек и озер и подъема грунтовых вод оказались затопленными, а значительные участки пашенных угодий стали непригодными для земледелия» [24, с. 340].

Такая же ситуация сложилась и во многих местностях балтийского ареала. В северных районах Германии, как было установлено археологическими изысканиями, уровень рек и озер в этот период повысился настолько, что население вынуждено было покинуть большую часть поселений, функционировавших в римское время. Известно, что необычайно сильные наводнения в Ютландии и смежных районах Северо-Западной Германии заставили тевтонов переселиться на другую территорию.

Середина первого тысячелетия – начало истории заселения предками белорусов территории современной Беларуси в ходе Великого переселения народов. Это переселение является результатом таких процессов этого исторического периода, как развал рабовладельческой Римской империи и климатические катаклизмы. Римская империя, чье могущество было основано на эксплуатации рабского труда, лишилось этого источника своего развития, что ознаменовало крушение рабовладельческих отношений. Разваливающаяся империя обратила

свой взор на многочисленные племена народов, живших на севере и севере-востоке европейского континента, как источник эксплуатации рабского труда. Но одновременно этот распад сопровождался значительным ухудшением природных условий, в течение длительного времени, по свидетельствам, солнце в течение суток показывалось только на четыре часа. Совокупность социального и природно-климатического кризисов привела к Великому переселению народов, в котором предки белорусов нашли новую Родину.

2.2. Этнические проблемы славянской истории

Этнические проблемы – одни из сложнейших в бытии и науке, их объясняющей. Недаром и первая библейская книга называется «Бытие». Народы формируются в течение длительного времени, и жизни не только одного, но и десятков поколений недостаточно, чтобы непосредственно наблюдать процесс рождения нового этноса. По данным современных этногенетических исследований для формирования народа требуется несколько сот (приблизительно полтысячи) лет.

Остановимся на нашем славянском имени. В объяснении причин, как наши предки назывались прежде, или как нас называли, важным является понимание методологии ономастики (от греч. *onomastikos* – относящийся к имени) и прежде всего топонимики, изучающей происхождение, сущность и генезис географических названий. Суть методологического подхода связана не столько с проблемами языкознания, сколько с проблемами социального бытия. Дело в том, что названия тех или иных народов часто привносятся со стороны. Разве коренные жители Америки называли себя индейцами? Этим термином по аналогии с индийцами (индусами) в Индии, куда направлялись корабли Колумба, и думая, что они приплыли в Индию, стали называть местных жителей одним и тем же словом *Indians* – индийцы. Этот топоним прижился в английском языке. В русском же языке, куда он попал уже значительно позже, трансформировался в слово «индеец», когда разница между народами нам стала понятной, т. е. для англичан коренные жители Америки *Indians*, а для русских и белорусов – индейцы.

Или топоним «немцы». Сначала он не имел отношения к жителям нынешней Германии. Название «немец» в русскоязычной терминологии образовано от слова «немой». Так наши предки называли тех людей, которые не могли изъясняться по-русски. И этот термин распространялся на всех иностранцев, не знавших русского языка, который

даже упоминается в «Слове о полку Игореве». Напомним эти строки «Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу»¹.

И наименование «германцы» в обиход было введено не жителями Германии. В Древнем Риме Германией называли страну на севере от империи. И сейчас эта страна носит имя, привнесенное латинянами из вне. Также из вне привнесены названия многих африканских стран, отдельных азиатских и латиноамериканских государств. Примеров тому достаточно. Приведем название латиноамериканского государства – Колумбия, не имеющее никакого отношения к местному населению, жившему там и живущим ныне. Или Голландия, ныне ставшая Нидерландами. Также название народов многих африканских и юго-восточных стран, которые им давали колонизаторы. Позже эти названия, привнесенные со стороны, в этих государствах были заменены.

Вероятно, мигранты-славяне, переселившиеся на берега Припяти, не именовали себя дреговичами или болотными людьми, а поселившиеся в районе Полоцка не называли себя кривичами. Это другие народы их так называли. Не называли себя славянами, наверное, и кривичи, и дреговичи, и северяне, и поляне... Единственная племенная группа, которая была связана с этим названием – это новгородские словене. Из восточнославянских племен это единственное крупное объединение, которое несло в своем названии корень СЛВН. И не надо обижаться на тех, кто считал наших предков источником slaves. У каждого народа имеется свое имя, а от того, как их именуют в других странах, их мало должно волновать.

Правда, такое представление в западноевропейской публицистике конца XVIII и второй половины XIX в. о нас, как о потомках рабов, доминировало. Недаром фашисты считали славян «достойными» рабской участи. Но потомки тех slaves в этом имени нашли свою прелесть и адаптировали его, приняв слово «славяне» (slaves) как свое племенное родовое имя. И связано оно уже с другими понятиями – «слова» и «речи», т. е. люди, говорящие, в отличие от остальных, разумно и понятно. Потомки тех slaves в Великом переселении народов показали, что они не посягают на чужие благоустроенные земли, а осваивают безлюдные, труднопроходимые территории.

И «рабская» основа переселенцев трансформировалась в термин «слава». Недаром и одна из рек, где нашло пристанище одно из пле-

¹ Или «немцы и вены, греки и моравы славу поют Святославу» [25, с. 123] в переложении В. Жуковского, или в переложении Н. Заболоцкого «смеется гость земли немецкой» [25, с. 146].

мен переселенцев slaves, стала именоваться Славутичем. Неизвестно, что здесь в топонимах первично – название территории, происшедшее от имени народа, или название народа, поселившегося на этой территории. Как и отождествление жителей других племен с особенностями мест их поселения (дреговичей, полешуков или древлян). Но сам факт отождествления – налицо.

Важным аспектом нашего славянского имени является то, что это население представляло не отдельное племя, а группу, союз племен, или союз народов. Древяне, поляне, дреговичи, радимичи, вятичи, кривичи, лютичи, поляки, словенцы, словаки, хорваты и многие другие племена и народы носят звание славян. В «Повести временных лет», описывающей «откуда есть пошла Руская земля» и «откуда земля Руская стала есть», сделана и попытка выяснения происхождения славян. Их историю происхождения ее автор связывает с разрушением Вавилонской башни, разделившей людей на «70 и 2 языка». Люди перестали понимать друг друга, и разошлись различные языки (народы) по земле. В числе этих 72 народов летописец называет и «норцев», которые отождествлены со славянами.

Но и древнерусская народность имела свое начало в других этнических структурах. Она тоже явление историческое и ведет свое происхождение от ранних славян (праславян), которые когда-то представляли собой один народ из «70 и 2 языков», не разделенный на различные языки. Это потом наших предков стали именовать русами, позже – литвинами, а ныне – белорусами. Подчеркнем, не мы себя начали так называть, это нас стали так именовать. И мы – потомки древних славян, руссов, литвинов с гордостью считаем себя белорусами, предшественниками которых были славяне, сформировавшие великую древнерусскую народность. В фильме «Белые росы» представлен как миф народный вариант объяснения нашего белорусского имени.

Хотя на многих территориях современной Беларуси люди существовали и до нашей эры, но наибольшие масштабы начала их проникновения датируются IV–V вв. н. э. Их образ жизни здесь был связан с развитием сельского хозяйства и ремесел, что способствовало развитию и расширению между ними обмена и процесса урбанизации. Возникновение и формирование городов являет собой и миграционные процессы. Заселение Беларуси началось с появления стоянок поселенцев, которые образовывались вдоль бассейнов рек. Первые летописные города появились на берегах рек. Да и в последующем образование городов связано с расположением их у рек. Географический рельеф, развитая водная система способствовали переселению

древних белорусских племен, сыграв благоприятную почву для тихой (термин М. В. Довнар-Запольского) колонизации. Естественно, что в малонаселенной местности с труднопроходимыми лесами, болотами, озерами, реками самым удобным путем связи для поселенцев стали реки.

В «Повести временных лет» перечисляются народы, населявшие просторы древнерусского государства, где и существовали наши предки: «Вот только кто по-славянски говорит на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане. А вот другие народы: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, корсь, нарова, ливы – эти говорят на своих языках».

Обратим внимание, что среди славянских, т. е. русскоговорящих народов, перечислены и те, кто составляют исторически белорусский этнос, это прежде всего полочане и дреговичи. И хотя среди них не перечислены кривичи и радимичи, но их славяноговорящий остов не подлежит сомнению. Тем более, что полочане и кривичи – это в принципе одно и то же, хотя такой авторитет, как М. В. Довнар-Запольский, посвятивший ряд исследований кривичам, выделяет две ветви кривичей – полоцких и смоленских, т. е. западных и восточных.

Среди народов, говорящих на других языках, а это балтские народы, входившие в различные исторические эпохи в государственные объединения на белорусских землях, перечислены: чудь (эстонцы), литва (литовцы), а также корсь (или курши) и ливы (латыши).

Это связано с проблемой – кем ранее считались белорусы. В политическом плане белорусы были и литвинами как этнос, входивший в состав ВКЛ, а точнее – в Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское и иных. Но не все литвины были историческими белорусами. Подобно тому, как итальянцы и другие народы в эпоху Римской империи были римлянами, но не все римляне были итальянцами. Преимущественное название наших предков в ВКЛ как литвины – это отзвуки противоборства двух политических сил за центр русского государства: какое из этих государственных объединений должно объединять тех, кто (по «Повести временных лет») «по-славянски говорит на Руси». С одной стороны – говорящие на славянских языках, а с другой стороны – говорящие на своих, т. е. других языках, – это, на наш взгляд, порождает вопросы и проблемы в отношении доминирующей среди некоторой группы историков версии о балтской этнической природе белорусского этноса.

Племенную миграцию отражает название-этноним одной племенной славянской группы – кривичей. В Мядельском районе существует городской поселок Кривичи. Названия поселений с основой Кривичи

встречаются на разных территориях Беларуси, к примеру в Глубокском, Зельвенском, Солигорском и других районах страны. Славянскую родословную белорусов отражают поселения Славенец в Буда Кошелевском районе, Славени – в Шкловском и других районах, Славченята – в Сморгонском районе. Есть и село Славянка в Бельничском районе, до 1964 г. именовавшееся Оглобля. Неизвестно, какая существует связь с другой славянской ветвью – южными славянами, но в Беларуси имеется название-этноним от имени болгарского народа – село Болгары в Пинском районе. В «Повести временных лет» отмечены и бужане – восточно-славянский народ, живший в VI–IX вв. в бассейне Западного Буга, которые в литературе XIX в. стали именоваться полешуками. Отметим, что перечисленные административные районы представляют территории всех современных областей: и Брестской, и Гомельской, и Гродненской, и Минской, и Могилевской.

Связь русского этноса с белорусами отражают патронимические наименования от этнонимов «русский» и «русин». Это: села Русаки в Глубокском и Копыльском районах, Русаковичи – в Пуховичском районе, Русаково – в Слонимском и Узденском районах, Русатин – в Кореличском районе, Русиновичи – в Ляховичском и Минском районах, Русиновцы – в Мостовском районе, Русины – в Барановичском и Поставском районах, Русово (или Русовщина) – в Клецком районе. Также существуют населенные пункты с названиями этнонимического происхождения от основы «росс», той основы, что в словах Россия, Русь. Это река Росица – приток Западной Двины и одноименное село в Верхнедвинском районе. Это и река Россь – приток Немана и городской поселок Россь в Волковыском районе; село Россинели Браславского района, а также город Россоны. Как и в отношении славянских корней-этнонимов, все упомянутые административные районы представляют территории всех современных белорусских регионов. При этом видно, что многие «русские» по названию поселения находятся в районах, не граничащих с Россией – Брестской, Гродненской и Минской областях.

Названия-этнонимы третьего по численности населения в этнической структуре населения Беларуси польского происхождения «ляхи» встречаются по всей Беларуси. Они отражают далекое историческое прошлое Беларуси, территория которой в течение нескольких столетий входила в состав Речи Посполитой. Это множество сел с названием Ляхи – в Минском, Пружанском, Узденском и других западных районах Беларуси; село Ляховцы – в Малоритском районе. Это и город Ляховичи – районный центр Брестской области, а также ряд сел Дзержинского, Ивановского, Житковичского и других районов. При-

существование польского этноса на территории Беларуси отражают и наименования сел Ляховка, Ляхово, Ляховщина и Ляхчицы – в Борисовском, Дубровенском, Кобринском, Любанском, Минском, Поставском, Сенненском, Ушачском и других районах. Наличие польского этноса характеризует и название села Поляки в Миорском районе.

Значительное количество поселений на территории Беларуси с названиями-этнонимами, основанными или заселенными в прошлом литовским этносом. Это: ряд сел с названием Литва во многих (Молодечненском, Слонимском, Столбцовском и других) районах; села Литвинка – в Кобринском и Крупском районах; село Литвица Вороновского района, села Литвяны в Островецком и Узденском районах; село Литовка – в Ляховичском районе; село Литовск – в Дрогичинском, Круглянском и других районах; села Литовщина – в Браславском и Глубокском районах; села Литовцы – в Браславском, Глубокском и Докшицком районах. Есть еще поселения, связанные с названиями-этнонимами исторической области Литвы, что входило в название Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных, это села Жомойдзь Воложинского и Клецкого районов и Жомойдзи – в Лидском районе. В основном они представляют территории современных Гродненской и частично Брестской, Витебской и Минской областей.

Имеется и латышский след в названиях ряда населенных пунктов Беларуси. Это: этнонимы Латыгово – в Бешенковичском, Витебском, Городокском и ряде других районов, Латыголово – также в Городокском районе, Латыголичи – в Чашникском районе, Латыголь – в Вилейском, Глубокском и Сенненском районах. В XVI–XVII вв. Латыголью называли Латгалию (Восточную Латвию, иногда и всю Латвию). Кроме этого существуют и названия-этнонимы латышских в прошлом поселений: сел Латыши Бешенковичского, Глубокского, Миорского и ряде других районов, а также сел Латыщина в некоторых регионах северо-запада Беларуси. Этот латышский след в основном находится в северо-западном регионе страны.

Названия поселений от этнонимов балтов, в частности «прусов», отражено в наименованиях сел Пруски, Прусы, Прусовичи, Прусино, Прусиново, Пруска и Прусовщина – в Жабинском, Каменецком, Копыльском, Костюковичском, Кричевском, Крупском, Логойском, Стародорожском, Толочинском и других районах.

В топонимике Беларуси представлены названия многих десятков народов и племенных групп, подчас довольно далеких от территорий современной Беларуси народностей, к которым относятся «меря», «мордва», «мурома» и др. Это нашло отражение в названии притока

Днепра на севере-востоке Беларуси у границ Смоленской области – Мерея. Несмотря на отдаленное от Беларуси расположение, летописное племя меряне в 907 г. участвовало в походе киевского князя Олега на Константинополь. Это также и народности Поволжья мордва и мурома, что отражают в Петриковском районе названия села Мордвин, а также сел Мурмишки в Браславском районе, Муромщина в Глубокском районе и Муромля в Брагинском районе. Последними этнонимами названы соответственно озеро в Глубокском районе и река – приток Брагинки. Древнебалтийское племя корсь отражено в названии села Корсунь Дрогичинского района. Проникновение на белорусские земли финноязычного населения «чудь» отражает наименования сел Чудин в Ганцевичском районе, Чуденичи Логойского района и Чудяны Чериковского района.

Ряд поселений связаны с проникновением на нынешние белорусские территории печенегов и половцев, заселивших в VIII–XIII вв. территории южно-русских степей. Это половецкий след – село Половки в Ельском районе, село Половковичи в Клецком районе и села Полово в Городокском, Поставском и Шумилинском районах, а также село Полочаны и название железнодорожной станции в Молодечненском районе. Название-этноним печенегов, народа Поднепровья, как их северном форпосте сохранилось в названии села Печенеж, что в Костюковичском районе.

Существуют названия-этнонимы от имени народности цыган, входящих по численности населения в десятку этносов Беларуси: села Цыганы в Городокском и Ляховичском районах, Цыганки – в Сенненском и Шарковщинском районах, а также Цыганка – село Зельвенского района.

Это означает, во-первых, полиэтнический характер формирования белорусского этноса и в древний период его становления и развития. Во-вторых, этот полиэтнический характер связан с миграционными процессами. Начало становления современных наций относится к периоду XVIII–XIX в., эпохе развития буржуазных отношений – времени разрушения экономической, политической, социальной и территориальной замкнутости европейских государств. До этого критериями социальной идентичности были сословные, конфессиональные, лингвистические признаки. Развитие капиталистических отношений на тех территориях, где формировался белорусский этнос, относилось к периоду отмены крепостного права и сопровождалось развитием новых экономических отношений, разрушением экономической замкнутости и основанной на ней социальной замкнутости.

При этом историческое прошлое, полное социальных конфликтов, накладывалось на повседневную жизнь населения нынешних бело-

русских территорий, включенных в разные государственные объединения периода феодальной раздробленности. Одной из основных причин возникновения этнонациональных конфликтов являются взаимные территориальные притязания правящих структур. Они были обусловлены историческим прошлым народов формирующихся этносов. При этом территориальные границы между ними были нечеткими или произвольно определялись либо вообще отсутствовали. Это было характерно для белорусского этноса.

Особенностью историографии белорусского этноса является ее связь с государственными объединениями, в состав которых входили предки современных белорусов. Они поочередно связывались с (а) процессом колонизации славянами нынешних белорусских земель, (б) образованием Киевской Руси, Полоцкого, Туровского (Пинско-Туровского) княжеств, (в) их вхождением в состав государственного объединения – Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных, (г) включением в состав Речи Посполитой, (д) объединением с другой восточной – российской ветвью славян – Российской Империей и, наконец, (е) образованием СССР, в котором завершился процесс институционализации белорусского этноса в составе белорусского государства. Предки современных белорусов и этнически и политически формировали культурный облик государственных объединений, составной частью которых они были. Но при этом были особенности социального характера, связанные с местной элитой, которая приспособилась к политическим реалиям, используя язык общения и конфессиональную принадлежность правящих социальных структур.

2.3. Миграция славянских племен на территории Беларуси

Колонизация территории Беларуси связана с периодом Великого переселения народов 1-го тыс. н. э. О том, как и когда расселились славяне на территории Беларуси, письменных источников почти не сохранилось. Но бесспорно то, что на наши земли пришли наши предки – славяне. А откуда пришли на нынешние белорусские земли славяне – это проблема миграции. И до настоящего времени не стихают научные споры, имеют место различные точки зрения, гипотезы по всем этим вопросам. Основные данные, если не считать кратких сведений о расселении славян в «Повести временных лет», ученые черпают из археологических источников.

В «Истории белорусской государственности» в томе, посвященном становлению белорусской государственности, говорится о пришеств-

вии радимичей «из ляхов» [23, с. 133]. И здесь возникают вопросы. Почему в истории развития Европы до VI–VII вв. о славянах не было слышно? И кто такие славяне? И здесь ответы на эти и другие вопросы, связанные со славянской колонизацией нынешних белорусских, украинских, российских территорий, следует искать в процессах Великого переселения народов начала новой (нашей) эры.

Первое тысячелетие уже новой эры, завершившееся процессом колонизации и ассимиляции основных древнебелорусских (имеется ввиду живших на территории нынешней Беларуси) славянских племен, характеризуется самым масштабным миграционным движением, определившим наш менталитет и наши современные проблемы в отношении с другими народами. На Западе оно носило характер насильственного переселения: западные племена теснили славян на восток, те, в свою очередь, колонизировали как свободные, так и занятые на территории нынешней Беларуси земли. Вероятно, и колонизация новых земель носила насильственный характер, на наш взгляд, только в определенной степени. Признано, это результат великого переселения индоевропейских народов, к языковой группе которых и принадлежит население, точнее – славянские племена, заселившие тогда нынешние белорусские земли и осевшие здесь навека. Исходя из основных понятий миграционистики, итогом стала их адаптация.

В последующих столетиях миграции стали постоянной и неотъемлемой частью белорусской истории. Миграционные потоки вначале шли, главным образом, по направлениям рек, протекающим по территории нынешней Беларуси и по которым позже пролег путь – из варягов в греки или из варягов к арабам (и естественно – обратно): южные племена белорусских земель были втянуты в интенсивную торговлю с северно-черноморскими греками, Византией и Римской империей. Позже территория Беларуси постоянно подвергалась различным видам миграции, в том числе и насильственной: с юга – на север и на северо-запад, с севера – на юг, с востока – на запад, с запада – на восток. Такие направления и будущих военных походов ранней, средневековой, новой, новейшей и современной истории Беларуси.

Рассеянные на таком обширном пространстве славяне разделялись на группы или ветви, которые теперь принято называть племенами. Таких племен летопись насчитывает до тринадцати, а именно: поляне, древляне, дреговичи, полочане, славяне новгородские, кривичи, бужане (волыняне и дулебы), северяне, радимичи, вятичи, улочи, тиверцы и хорваты. Названия славянских племен в большей степени произошло от имен родоначальников колен, каковыми являются кривичи, радимичи, вятичи, дреговичи. Это предположение находит под-

тверждение в известном летописном предании о братьях Радиме и Вятке, родоначальников и вождей племен радимичей и вятичей.

Это явилось основой всего последующего общественного развития славян, зародышем, из которого вышли их княжения и земли, родовой быт, в котором они жили первоначально: «живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеяще кождо родом своим». Отдельные роды под властью родовых старейшин или родоначальников были рассеяны по побережьям рек и проточных озер небольшими поселениями. Очень вероятно, что, живя разрозненно, роды рано увидели необходимость обороны мест проживания (городищ, селищ) против внешних нападений и по возможности укрепляли свои поселения. Так возникли городки на местах, удобных для защиты, обыкновенно на гористых берегах реки или озера. Остатки их сохранились во многих из городищ, которые разбросаны по всему пространству коренных славянских поселений и их древнейших колоний в инородческих землях и о которых между тем за немногими исключениями ничего не сообщают исторические памятники [23, с. 120].

Нет четкого общепризнанного мнения у исследователей и по вопросам формирования племенных союзов, которые составляют основу белорусского, русского и украинского этносов. Одни предполагают, что в результате интенсивного освоения славянами территории Беларуси, где ранее жили балты, в VIII–IX вв. сложились этнически близкие между собой племенные союзы: кривичей, радимичей, дреговичей и частично волянян. На их основе образовался старобелорусский этнос. В его формировании приняли участие ятвяги и некоторые другие балтские племена.

По одной версии предки восточных славян, которые расселились в припятском Полесье, ассимилировали балтские племена. В результате на территории, которую занимали приднепровские балты, возникли восточно-славянские племена: дреговичи, кривичи, радимичи – предки современных белорусов. На территории, где раньше жили иранские племена, расселились поляне, древляне, северяне, воляняне – предки современных украинцев. Ассимиляция финно-угорских племен привела к возникновению новгородских славян, вятичей, частично верхневолжских кривичей – предков современных русских.

Сторонники другой точки зрения представляют себе эту картину несколько иначе. Во-первых, они считают, что сторонники вышеизложенной гипотезы преувеличивают роль балтов в этногенезе белорусов. Другое дело, отмечают они, среднее Понеманье, где балты появились еще в начале 2-го тыс. н. э. В славянизации этих земель значительная роль принадлежит волянянам, дреговичам, в меньшей

степени – древлянам и кривичам. Они признают, что основу старобелорусского этноса составляли кривичи, дреговичи, радимичи, в меньшей степени – воляняне, большинство которых участвовало в этногенезе украинцев. Доказывают, что как часть волянян приняла участие в формировании белорусов, так и часть дреговичей – в этногенезе украинцев. Радимичи в равной степени участвовали в формировании белорусов и одной из групп русского этноса. Кривичи сыграли большую роль не только в формировании белорусов, но и в становлении северо-западной части русского этноса.

«Всемирная история» утверждает, что «история славянских племен в 1 тыс. до н. э. известна очень плохо» [26, с. 260]. Но то, что славянские племена в эпоху Великого переселения народов пришли сюда, и то, что до их прихода здесь жили люди, – это факт. И это, во-первых, отражает дискретный характер, локальное существование в древности на территории нынешней Беларуси генетически различных групп людей. И, во-вторых, это отражает миграционный характер формирования древнего этноса на территории Беларуси, ибо славяне пришли на земли, на которых проживали немногочисленные другие племена. И если последовательно исходить только из исторической старины (даже ранее, чем «времен очаковских и покоренья Крыма»), то начало формирования белорусского этноса, как было показано в предыдущем разделе, следует искать на юго-востоке нынешней Беларуси.

Также «Всемирная история» утверждает, что позже переселившиеся на восток «славянские народности, как и ряд других, сложились из многих древних племен, не всегда родственных по происхождению. Однако ведущую роль до Великого переселения народов в их формировании играли племена – носители славянского языка. Одно из древнейших мест обитания славян – бассейн верхнего и среднего течения Вислы и области к востоку от нее. Именно здесь, где в первые века нашей эры античные писатели помещали венедов, еще в конце 2-го и в 1-м тыс. до н. э. жили земледельческо-скотоводческие племена со своеобразной культурой, которая в археологии известна под названием лужицкой», носителями которой были различные славянские племена» [26, с. 256].

Этот языковой нюанс, связанный с тем, что язык господствующего (или численного, или экономического, или политического) этноса становится и господствующим в социальных отношениях, что встретится нам в характеристике социальных отношений более поздних государственных объединений на землях нынешних территорий Беларуси.

Таким образом, будущий белорусский этнос, впоследствии нация, сложился на основе единой восточно-славянской (древней) русской народности в результате колонизации и ассимиляции дреговичей, юго-западных кривичей (полочан и смоленских кривичей), радимичей, а также отчасти волянян, древлян, северян, литвинов и ятвягов.

Этот важнейший факт эпохи каменного века и начавшейся бронзой эпохи о начале заселения территории Беларуси свидетельствует о более раннем заселении юго-восточных и южных территорий Беларуси. Вторым фактом и отправным пунктом являются сведения, что на этой территории проживали племена дреговичей (юг нынешней Беларуси), кривичей (северо-запад) и радимичей (юго-восток), а также отчасти древлян, северян и волянян, появившиеся здесь в результате первого крупного переселения народов Европы нашей эры. Считается, что некоторую (некоторую, но не решающую) роль в формировании белорусского этноса сыграл и балтский (балтийский) субстрат, племена которых до колонизации этой территории славянами также появились здесь – это литвины и ятвяги. И повторим, это отражает дискретный характер, локальное существование в древности на территории нынешней Беларуси генетически различных групп людей. Это отражает и миграционный характер формирования белорусского этноса.

Вся история человечества и Беларуси в том числе – это история миграции, постоянного движения населения. В истории человечества было несколько крупных миграционных волн, которые охватили и территорию нынешней Беларуси. Неизвестно точно – когда и в какую из волн великих переселений народов и колонизаций появились на территории Беларуси первые люди, но то, что они появились, свидетельствует о связи развития Беларуси с миграцией. Наши предки (дреговичи, кривичи, радимичи), от которых пляшет история заселения Беларуси, вели оседлый однотипный образ жизни: поселения строились на берегах озер и рек, чтобы выгодно использовать естественные условия защиты. Они занимались земледелием, разводили домашних животных – крупный и мелкий рогатый скот и свиней. Занимались также рыболовством и охотой, но считается, что последние занятия играли второстепенную роль. Связано ли это с охотой и расширением территорий для охоты, скотоводством и расширением территории скотоводства или не связано, но освоение новых территорий, прибытие сюда людей – это миграционный процесс.

Самой значимой миграционной волной, оказавшей существенное влияние и на современное развитие Беларуси, было Великое переселение народов начала новой эры – прежде всего III–VII вв., вызванное крушением древнейшей европейской империи – Римской империи,

а также климатическими катаклизмами. Одни европейские народы стремились расширить свое жизненное пространство за счет других народов, изгоняли их или ассимилировали. Эти другие народы вынуждены были уходить и, в свою очередь, изгонять, или теснить своих соседей и (или) также их ассимилировали. И миграционная история Беларуси – это история великого переселения германских, славянских, сарматских и других народов и племен. Все нюансы и особенности этих переселений, связанные с историей Беларуси, сегодня в количественных показателях трудно документально охватить. Но, тем не менее, очевидно, что заселение Беларуси связано с миграционными процессами.

Но и до Великого переселения народов, еще в I-м тыс. до н. э. на земли нынешней Беларуси начали проникать племена дреговичей, кривичей, радимичей, а также отчасти древлян, северян, волынян, литвинов и ятвягов. В силу большого наличия свободных территорий и водных ресурсов тогда на территории нынешней Беларуси значимых конфликтов с местным населением у дреговичей, кривичей и радимичей должно было быть меньше, чем в других местах центральной европейской части. Это первое крупное миграционное движение населения на территории Беларуси.

От современников наших предков из древних государств и историков того времени не так много дошло письменных источников о наших предках. Племена, жившие на территории нынешней Беларуси, по меркам тех исторических времен находились в менее благоприятных природных условиях, нежели народы средиземноморья и причерноморья. «История родной земли, которая тысячи лет назад встретила наших древних предков суровым климатом», – отмечал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, выступая на форуме патриотических сил, посвященном празднованию Дня народного единства (2023), и констатировал, что «мы самая миролюбивая нация на земле» [27].

Именно поэтому наш народ не посягает на чужие благоустроенные земли, а осваивает свои, обживает пустынные, несмотря на то, что они были дикими и труднопроходимыми. В зоне же средиземноморья и причерноморья, где природно-географические условия считались более благоприятными, совершались и не один раз переселения народов. Но переселения в средиземноморье и причерноморье носили насильственный характер.

Суровый климат, дремучие леса, труднопроходимые болота сильно осложняли жизнь наших предков. И это влияло на их генотип – они развивались рослыми, сильными, смелыми, волевыми и бескомпромиссными людьми. И, с другой стороны, эти менее благоприят-

ные условия их жизни служили естественным препятствием от вторжения других племен. Считается, что к началу 1 тыс. до н. э. эти додоговичские, докривичские и дорадимичские племена жили в условиях первобытнообщинного строя, состоящих из патриархальных родов. Судя по данным археологических раскопок, эти роды были многочисленными. И в каждом из этих племен людей было достаточно много.

Рядом с этими первобытными племенами на землях от бассейна Одера и Вислы до Днепра селились древнеславянские племена – предки современных славянских народов. В районе севернее Немана жили балтские племена, далее на востоке – древнейшее финно-угорское население, которые позже под влиянием славянского субстрата также ассимилировались.

Первое тысячелетие уже новой эры, завершившееся процессом колонизации и ассимиляции основных древнебелорусских (имеется ввиду живших на территории нынешней Беларуси) славянских племен, характеризуется самым масштабным миграционным движением, определившим наш менталитет и наши современные проблемы в отношении с другими народами. На Западе оно носило характер насильственного переселения: западные племена теснили славян на восток, те, в свою очередь, колонизировали как свободные, так и занятые на территории нынешней Беларуси земли. Вероятно, и колонизация новых земель в определенной степени носила насильственный характер, на наш взгляд, только в определенной степени. Признано, это результат великого переселения индоевропейских народов, к языковой группе которых и принадлежит население, точнее, славянские племена, заселившие тогда нынешние белорусские земли и осевшие здесь навека. Исходя из основных понятий миграционистики, итогом стала их адаптация.

«Всемирная история» утверждает, что позже переселившиеся на восток славянские народности, как и ряд других, сложились из многих древних племен, не всегда родственных по происхождению. Однако ведущую роль в их формировании играли собственно славянские племена – носители славянского языка. Одно из древнейших мест обитания славян – бассейн верхнего и среднего течения Вислы и области к востоку от нее. Именно здесь, где в первые века нашей эры античные писатели помещали венедов, еще в конце 2-го и в 1-м тыс. до н. э. жили земледельческо-скотоводческие племена со своеобразной культурой, которая в археологии известна под названием лужицкой, носителями которой были различные славянские племена.

К середине 1-го тыс. до нашей эры основная масса древнеславянских племен в результате конфликтов нового витка переселения народов, охватившего не только зоны средиземноморья и причерноморья, но и севернее, т. е. Центральную Европу, двинулись на восток – в бассейн Припяти и до Днепра, т. е. и на территорию нынешней Беларуси. Другие группы славянских племен двинулись с берегов Балтики в бассейн среднего течения Вислы. В древности Балтийское море называлось и Скифским морем и Сарматским. Вероятно, это название оно получило от того, что на востоке древние славяне были непосредственно связаны с северочерноморскими скифами. Но древние славяне и скифы представляли совершенно разные этнические массивы.

Во «Всемирной истории», отражающей римский период, констатируется, что более полную и подробную историю славянских племен I–IV вв. н. э. составить невозможно. Античный мир знал о славянах мало, потому что эти племена с римской империей непосредственно не соприкасались. Всех, кто жил за германскими отдаленными и потому неизвестными землями по античной традиции, называли скифами, сами же германские племена – варварами. Плиний старший считал таким славянским племенем – венедов (а также вентов, виндов), живших в предгорьях Венедских (Карпатских) гор. И это название сохранилось за западными славянами [28, с. 304].

В начале новой эры войны в Римской империи, а также последующий ее развал породили переселенческие процессы в Западной и Центральной Европе, что вызвало колонизацию славянскими племенами тогдашних земель нынешней Беларуси. Предполагается, что в I–IV вв. н. э. славянские племена заняли обширную восточную территорию – от берегов Балтийского (Скифского, Сарматского) моря до северных склонов Карпатских (Венедских) гор. На западе они граничили с германцами и кельтами, на юге и юго-востоке – с сарматами. Считается, что восточная граница колонизации славянскими племенами до этого времени не может быть определена [28, с. 306], хотя некоторые группы славян в первые века нашей эры продвинулись от Среднего Поднепровья к Северному Донцу и верховьям реки Сейма [28, с. 310]. Возможно, это было началом расселения славянских племен на восток, которое проходило и в последующие столетия. Колонизация славянскими племенами белорусской части Восточно-европейской равнины охватила несколько (III–X) столетий. Но то, что касается территории нынешней Беларуси, то в этом сомнений нет, ибо через нее проходило и дальнейшее продвижение славян на восток.

Вероятно, эта колонизация не была такой жестокой, как в Западной Европе. Это подтверждается и тем, что в середине тысячелетия нашей эры, хотя у славян и имелись элементы рабства, но оно было мало распространено и носило патриархальный характер. Обычное право славян запрещало порабощение соплеменников [28, с. 311–312]. Но если элементы рабства существовали, а порабощение соплеменников не допускалось, то можно предположить, что рабами становились пленники. А откуда можно было заполучить пленников? Это результаты набегов, стычек между племенами. Но так как существовали элементы рабства, оно не было распространенным явлением, то можно предположить и то, что процесс колонизации славянами территории современной Беларуси не был таким кровавым, как это происходило на Западе. Хотя там, где новые переселенцы угрожали безопасной жизнедеятельности аборигенов, вооруженных столкновений избежать не удавалось.

Существенной особенностью социальных отношений периода колонизации нынешних земель Беларуси, тогдашних земель дреговичей, кривичей, радимичей, восточными славянами являлось наличие значительно больших ареалов пустующих территорий. Дело в том, что свободных территорий в землях, куда переселились славяне, было значительно больше, чем в Центральной и Западной Европе. Впрочем, это характерно и для нынешних времен. По сравнению со всеми своими западными соседями, не только с которым граничит современная Беларусь, но и с западными соседями наших соседей, Беларусь имеет самую меньшую плотность населения. Это важнейший отличительный фактор двух первых крупных колонизаций территории Беларуси. Но так как история нынешних земель Беларуси является историей существования славянских племен, то можно предположить, что численность ранее живших здесь племен дреговичей, кривичей и радимичей была значительно меньшей, чем новых колонистов. Это подтверждает и господство славянского языка на этих территориях. Этот языковой аспект также свидетельствует, во-первых, о близости, родственности древнеславянского языка и языков дреговичей, кривичей, радимичей и других племен. Во-вторых, наличие во многих позднейших названиях населенных пунктов Беларуси, а также наличие в современном белорусском языке терминов языкового племенного происхождения свидетельствует об их взаимной ассимиляции. Об одной таковой особенности – наличии формантов в наименовании (топонимике) населенных пунктов мы уже упоминали. И в этом языковой след мирного сосуществования колонистов с аборигенами.

Этот языковой нюанс, связанный с тем, что язык господствующего (или численного, или экономического или политического господствующего) этноса становится и доминирующим в социальных отношениях. Этот методологический филологический аспект объясняет развитие социальных отношений более поздних государственных объединений на тогдашних землях нынешних территорий Беларуси.

Таким образом, будущий белорусский этнос, впоследствии нация, сложился на основе единой восточно-славянской (древне) русской народности в результате колонизации и ассимиляции дреговичей, юго-западных кривичей (полочан и смоленских кривичей), радимичей, а также отчасти волянян, древлян, северян, литвинов и ятвягов.

В последующих столетиях миграции стали постоянной и неотъемлемой частью белорусской истории. Миграционные потоки вначале шли главным образом по направлениям рек, протекающих по территории нынешней Беларуси и по которым позже пролег путь – из варягов в греки или из варягов к арабам (и естественно – обратно): южные племена белорусских земель были втянуты в интенсивную торговлю с северно-черноморскими греками, Византией и Римской империей. Позже территория Беларуси постоянно подвергалась различным видам миграции, в том числе и насильственной: с юга – на север и на северо-запад, с севера – на юг, с востока – на запад, с запада – на восток. Такие направления и будущих военных походов ранней, средневековой, новой, новейшей и современной истории Беларуси.

Рассеянные на таком обширном пространстве славяне разделялись на группы или ветви, которые теперь принято называть племенами. Как мы видели, таких племен летопись насчитывает до тринадцати, а именно: поляне, древляне, дреговичи, полочане, славяне новгородские, кривичи, бужане (воляняне и дулебы), северяне, радимичи, вятичи, улучи, тиверцы и хорваты. Названия славянских племен в большей степени произошло от имен родоначальников колен, какими являются кривичи, радимичи, вятичи, дреговичи. Это предположение находит подтверждение в известном летописном предании о братьях Радиме и Вятке, родоначальниках и вождях племен радимичей и вятичей.

Другие авторы перечисляют более широкий ряд славянских племен – бодричей (ободричей), бобрян, брежан, бытеньцев, вагров, варнов, велетичей (лютичей), вендов, глинян, доленчан, древаничей, морочан, нижан, полабов, ратаров (ретрян), речан, смолян, стодоран, хижан, черзепнян, ятвягов и др. [29, с. 10–12]. Не о всех имеются документальные источники, но этих переселенцев местное население называло по прежним родным названиям, которые позже для вождей

стали прозвищами (а еще позже и фамилиями) и нашли след в топонимике поселений. В истории заселения Беларуси в результате Великого переселения народов первой половины первого тысячелетия с запада Европы остались названия союзов славянских племен – полян, дреговичей, радимичей, кривичей, вятичей.

Это явилось основой всего последующего общественного развития славян, зародышем, из которого вышли их княжения и земли, родовой быт, в котором они жили первоначально. Отдельные роды под властью родовых старейшин или родоначальников были рассеяны по побережьям рек и проточных озер небольшими поселениями. Очень вероятно, что, живя разрозненно, роды рано увидели необходимость обороны мест проживания (городищ, селищ) против внешних нападений и по возможности укрепляли свои поселения. Так возникли городки на местах, удобных для защиты, обыкновенно на гористом берегу реки или озера. Остатки их сохранились во многих из городищ, которые разбросаны по всему пространству коренных славянских поселений и их древнейших колоний в инородческих землях и о которых между тем за немногими исключениями ничего не сообщают исторические памятники [23, с. 120].

Исследовательским коллективом Института истории НАН Беларуси в «Истории белорусской государственности» по итогам анализа формирования этнокультурных общностей на территории Беларуси в I-м тыс. н. э. сделан интересный вывод, что «существующая неоднозначность трактовки этнической принадлежности ряда археологических культур усложняет решение вопроса об этническом составе населения накануне возникновения государственности на белорусских землях» [23, с. 125]. Конечно, историкам хотелось бы точно определить эту принадлежность. Но и эта неоднозначность принадлежности археологических находок, а также вывод историков о том, что найденные предметы иноземного происхождения, датированные VIII–IX вв., в Оршанско-Могилевском Поднепровье, Витебском Подвинье, Левобережье Днепра и других регионах, весьма важны для социологического осмысления этнических процессов белорусских истоков. Они свидетельствуют, во-первых, о новых миграционных тенденциях поселенцев на белорусских землях и, во-вторых, о расширении их контактов с окружающим миром. И этот новый миграционный тренд подтверждает социологическая формулировка историков, свидетельствующая о пополнении этих регионов «новым населением с новыми традициями хозяйственной жизни» [23, с. 119].

Беларусь – территория славянских народов, хотя славяне не были не только единственными, но и исконными обитателями Белоруссии.

Здесь жили и им предшествовали другие народы. Тем не менее сюда в результате Великого переселения народов прибыл с Запада многочисленный ряд славянских племен.

В заключение истории заселения нынешних территорий Беларуси упомянем о нашем родовом имени – белорусы. Вначале родовым именем людей, поселившихся на большой территории от Карпатских гор до среднерусской равнины, от крупных рек Днепра, Буга, Припяти, Северной Двины, Сожа и более мелких речушек, было название Русь. Есть несколько версий этого происхождения. Один вариант происхождения имени гласит о том, что имя «русский» появилось от названия маленького притока реки Днепр, который назывался Рось. Здесь стоит заметить, что, во-первых, народы обычно не берут себе имена по названиям рек, а, во-вторых, история знает, что большинство народов редко давали себе имена, их им давали соседние народы, полагаем, немцы. Более научной в этом споре является филологическая версия, что имя русский относится к индоарийскому и славянскому корню *рокс* или *рукс*, что означает «светлый», «белый». А отсюда вывод, что русские – белый народ или народ Света. Согласно арабским источникам, где задолго до появления письменности славянам дали имя «русы», потому что они отличались своим высоким ростом, имели светлую кожу, светлые волосы и глаза, т. е. в буквальном смысле слова – светлый народ. Поэтому жители этих территорий «согласились» с названием страны Русью [30].

2.4. Миграция и формирование белорусского этноса

Процесс формирования белорусского этноса на просторах Восточно-Европейской, или Среднерусской, равнины связан со многими явлениями социальной жизни, в основе которых лежали миграционные процессы, а именно: продолжающиеся заселение и переселение, междоусобные конфликты эпохи раздробленности восточных славян, набеги, процесс урбанизации, торговля (обмен) и др. Особенно это относится к истории эпох Полоцкого княжества, Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных, Речи Посполитой, Российской империи, в состав которых входили нынешние белорусские территории. Прежде всего это относится к «миграции» белорусских территорий на географических картах, которые «мигрировали» с севера на юг. Но наиболее существенным миграционным аспектом является проблема «русскости» в истории формирования белорусского (выделено автором. – А. З.) этноса.

Ориентированные на запад белорусские политологи считают период ВКЛ «золотым веком» белорусской государственности, выступая против древнерусского единства. Такова позиция В. Карбалевича, А. Росинского, Г. Сагановича, изложенная в сборнике статей «Беларусь на авансцэне Еўразіі: паміж Масквой і Кіевам», изданном в 2014 г. в Варшаве, как указано в выходных данных, при поддержке Совета министров Северных стран [31]. Так, В. Карбалевич в статье «Беларускае грамадства: эвалюцыя без развіцця» считает, что историческим фундаментом белорусской государственности должно быть Великое княжество Литовское [31, с. 114], пропуская период Полоцкого княжества. Публикация Г. Сагановича «Змена міфаў беларускай гісторыі як змена політычных эпох» в качестве «демонтажа мифов великорусской и местной русскоцентричной историографии» [31, с. 25–26] направлена против единства древнерусского этноса. Видна прозападная ориентация. Потому А. Росинский в статье «Краіна на пераходзе: тыпалогія беларускай культуры» открыто заявляет о якобы «скандальном происхождении русского названия» Беларуси [31, с. 69].

В отношении более ранних истоков белорусской государственности – Полоцком княжестве, в отличие от В. М. Игнатовского, считавшего Полоцкое государство Полоцкой Русью, нежелание употреблять Русь в отношении Полоцкого государства маскируется термином «княжество». Те, кто используют аббревиатуру ВКЛ, не полностью называют его Великим княжеством Литовским, а удаляют из его официального названия – Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных главное – его Русскую составляющую. Не будем ввязываться в проблему, что из себя представляет Литовская составляющая, тем более, что еще одна составляющая этого государственного объединения – Жемойтское является исторической областью Литвы и включена в это название. Получается масло масляное.

Попытка представить граждан этого государственного объединения литвинами – это результат борьбы против русской его составляющей, в котором средневековый русский язык был официально государственным. Недаром А. Росинский в этой борьбе считает скандальным происхождение русского названия страны – Белая Русь. Это уже передергивание с другой стороны (для краткости и простоты гораздо легче называть литвинами). Но значит ли это, что «литвины» были белорусами? Скажем, в период господства Римской империи и жителей и воинов называли римлянами по названию государства. Но значит ли это, что они все итальянцы. Значит ли это, что персы – иранцы.

Как величали себя наши предки? Славянами? Белорусами? Или «болотными людьми» – дреговичами, кривичами, радимичами? В европейской истории происхождение людей определялось географией. Многие исторические личности определялись их территориальным происхождением. Мыслитель Аристотель (Стагирит) – из Стагира, философ Платон – из Афин, философ Пифагор – из Самоса, художник Рафаэль – из Санти. Знаковые для Беларуси личности Святой Кирилл – из Турова, Святая Ефросинья, как позже и просветитель Семион, – из Полоцка. Так и наших предков по названию земель или государств сначала считали полотчами, позже – литвинами. В этом плане странным было встретить в публикациях известных в Беларуси ученых (супругов: он – доктор, она – кандидат наук) упоминаний имен К. Туровского, Е. Полоцкой, которых с такими «именами» в истории Беларуси не существовало. Были Кирилл из Турова (Туровский), Ефросинья из Полоцка (Полоцкая). Этот нонсэнс подобен тому, если бы написать в отношении перечисленных выше мировых исторических личностей – А. Стагирит, П. Афинский, П. Самосский, Р. Санти и т. д.

В современной исторической науке справедливой является точка зрения, что белорусские истоки государственности связаны с Полоцким княжеством. Действительно, Полоцкое княжество в XI–XII вв. играло значительную роль на северо-западе нынешней территории Беларуси. И в его состав входило около трех десятков городов. Среди них наряду с Полоцком следует упомянуть Витебск, Минск (Менск), Усвят, Лукомль (Лукомля), Друя (Друцк), Логойск (Логожск), Заславль (Изяславль), Борисов, (деревня) Стрежев (Бешенковичский район) и другие города, возникшие на территории западных кривичей. Но это еще не вся территория современной Беларуси. В начале первого тысячелетия многие белорусские земли входили в состав других государств (княжеств). Это Смоленское, Туровское и Черниговское княжества. Восточная ветвь кривичей была представлена Смоленским княжеством, куда сначала входили такие белорусские города, как Орша, Копысь и Мстиславль, а позже Кричев (Кречуг), Славгород (раньше Пропойск или Пропошеск, а еще ранее Прупой), Лучин возле Рогачева. Значительным культурным и экономическим центром было Туровское княжество, основу которого составляли бывшие дреговичские поселения с городами Туров, Берестье (Брест), Пинск, Слуцк, Клецк, Копыль и Дубровица. Позже статус княжества перешел к Пинску. Такие крупные юго-восточные города, как Гомель, Рогачев, Брагин, Речица и Чечерск, основу которых составляло славянское племя радимичей, в те времена были в составе Черниговского княжества.

Это значит, что на территории современной Беларуси в начале второго тысячелетия было несколько государственных образований, между правителями которых постоянно возникали конфликты, результатом которых было усиление то одних, то других. Военные конфликты были постоянными спутниками жизни этих, а также и других граничащих с современными белорусскими территориями княжеств – Киевского, Переславльского, Новгородского, Псковского.

В IX–XI вв. предки белорусов входили в состав Киевской Руси, т. е. первоначально практически большинство восточнославянских племен были объединены в рамках Киевской Руси. С конца XI в. многие территории нынешней Беларуси были в составе различных древних княжеств, кроме Киевского, – в Полоцком, Туровском, Городенском, Смоленском и Черниговском. С середины XIII в. судьбы тогдашнего населения нынешней Беларуси были связаны в значительной части с Великим княжеством Литовским с центром в городе Новогрудок. Консолидирующую роль в формировании белорусского этноса в них сыграл тогда называвшийся «русский» язык, который в законодательстве и административном управлении выступал в качестве официального языка княжества, большинство населения которого его использовало. Киев, Полоцк и Новгород на рубеже первого и второго тысячелетий были центрами консолидации восточнославянских племенных союзов, где формировались и княжеские династии.

Полоцкое княжество периодически попадало под власть Киева, но вскоре стало фактически самостоятельным государством со всеми соответствующими атрибутами – администрацией с суверенной властью князя, центром, войском, фискальной системой. Полоцкое княжество расширяло свое влияние в современной Прибалтике, подчинив себе ряд балтских племен. В X–XII вв. Полоцкое княжество охватывало обширную территорию, включающую север и центр современной Беларуси, а также часть земель современных Латвии, Литвы и Смоленщины России.

Здесь следует дать некоторое пояснение связи современности с историческим прошлым. В известной песне «О Белой Руси» А. Агурбаш есть слова:

Святую правду знают храмов купала,
Твои победы помнит лик святых икон.
Как в Белоруссии звонят колокола –
В России слышат колокольный звон.

Эта песня имеет параллели с междоусобной борьбой древнерусских князей и (насильственной) миграций, что отражено в средневе-

ковом литературном памятнике «Слове о полку Игореве» (приведем близкое к первоисточнику): «Тому в Полотьскъ позвониша заутреню рано у Святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Киевъ звон слыша» и в поэтическом переложении Н. Заболотного: «У Софии в Полоцке, бывало, / Позвонят к заутрене, а он / В Киеве, едва заря настала, / Колокольный слышит перезвон»). В чем здесь проблема? Неискушенный гражданин в этой песне видит белорусско-русское единство, неразрывную связь: «Как в Белоруссии звонят колокола – В России слышат колокольный звон». На самом деле в тексте «Слова о полку Игореве» фиксируется, во-первых, конфликт между киевской и полоцкой землями и, во-вторых, нахождение полоцкого князя в плену, т. е. насильственная миграция. Оказывается, если исходить из факта наличия параллелей «Слов» и песни Агурбаш «О Белой Руси», то в «Слове о полку Игореве» совсем иное содержание. Для князя Всеслава (его престольном городе) Полоцке звонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве (в заточении) звон (принужден был) слышит, т. е. это звон (звон вступления в междоусобный поход), который князь Всеслав слышит, пребывая в заключении (в плену) в Киеве.

В первоисточнике текст «в Полотьскъ позвониша заутреню рано у Святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Киевъ звон слыша». Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал [25, с. 73–74] (дословный перевод Д. С. Лихачева); Ему в Полоцке рано к заутрене звонили в колокола у святыя Софии, а он с Киеве звон слышал! [25, с. 128] (переложение В. Жуковского); / У Софии в Полоцке, бывало, / Позвонят к заутрене, а он / В Киеве, едва заря настала, / Колокольный слышит перезвон [25, с. 155] (переложение Н. Заболотного); «Для него в (его престольном городе) Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве (в заточении) звон (тот принужден был) слышать» [25, с. 183] (комментарий Л. Дмитриева); звон (призыв к выступлению в междоусобный поход) его Всеслав слышит, пребывая в заключении в Киеве [25, с. 171] (объяснение Д. С. Лихачева).

Некоторые историки на первый план в истории Беларуси выдвигают войны между московским княжеством и Великим княжеством Литовским, Русским, Жемойтским и иных как войны против средневековой Беларуси. Но при этом почему-то не вспоминают про войны между княжествами внутри нынешних земель Беларуси. К примеру, войны между Минском и Полоцком [9, с. 204–205]. Мирного объединения никто из князей, т. е. властных структур, не хотел. Это были войны не между народами, а войны князей за территории и людские ресурсы, вовлекавших в них народы.

Борьба между отдельными правящими структурами земель восточных славян началась еще раньше, когда правители киевских земель Аскольд и Дир пригласили на службу дружину варягов, возглавляемых князем Рюриком (Юриком). В те времена князья еще не были правителями тех или иных земель. Княжеское звание означало военачальника, возглавлявшего дружину. В этом плане и возникшее позже на нынешних белорусских землях Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных было связано с господством нанятой вооруженной дружины – литвинов [2, с. 61]. Поэтому можно согласиться с В. И. Пичетой, который рассматривал возникновение ВКЛ как династическое государство и феодальную монархию магнатов. В качестве эпохи начала самостоятельности белорусской истории В. И. Пичета считал развитие прежде всего Полоцкого, а также Туровско-Пинского и Смоленского княжеств.

Считается, что Полоцкое княжество к началу XII в. достигло своего расцвета. Этот период характеризовался значительным расширением его территорий, завоеванных в борьбе с Псковским, Новгородским и Смоленским княжествами. Это значит, что по отношению к этим княжествам Полоцк выступал как агрессор. В этой связи возникает интересный вопрос в отношении оценки сущности Ливонских войн, которые, по утверждению многих политически озабоченных историков, были агрессивными со стороны Московии. Московское государство как наследник Псковского, Новгородского и Смоленского княжеств своими войнами сначала против Полоцкого княжества, а потом и с Великим княжеством Литовским, Русским, Жемойтским и иных в этом плане выступает как сторона, воевавшая за возврат земель, принадлежавших этим княжествам ранее (еще даже до Полоцкого княжества, а тем более Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных), т. е. тех земель, которые в итоге стали большой пограничной полосой совместного проживания нынешнего и белорусского и русского этносов.

И при Изяславле во времена Полоцкой РУСИ (выделим это название В. М. Игнатовского [2, с. 60]) в 1129 г. киевские князья тысячами гнали плененное население на невольнические рынки и торговали этим живым товаром. Еще много можно приводить примеров средневековых распрей князей, результатом которых была борьба за живой товар, что представляло насильственную миграцию. Из-за этих распрей [2, с. 47] бежали люди с Киевщины – кто в Полоччину, кто в Новгородские земли, кто на северо-восток, в Ростово-Суздальские земли, в том числе и отдельные киевские князья. Население Полоччины не было довольно сложившимися социально-политическими

отношениями (В. М. Игнатовский: «народ в своей массе не был доволен такой республикой» [2, с. 50]).

По данным В. М. Игнатовского [2, с. 56], на торговом пути из варягов в греки было много богатых городов – Смоленск и Полоцк, Витебск и Менск, Усвят и Туров, где торговали и оседали и латыши, и финны, и немцы. Они везли товары через эти белорусские земли к болгарам на средней Волге, в южную Русь, Византию и далекую Аравию. Также на этом пути можно было встретить и торговцев со своими товарами из Смоленска, Полоцка, Витебска, Менска, Турова и Усвята. А это в современной терминологии представляет миграцию – торговую миграцию, подобно той, которой на рубеже 1990-х гг. было охвачено постсоветское пространство, включая и Беларусь. «В конце XII ст., – отмечал В. М. Игнатовский, – немцы имели свои «дворы» в различных городах Полоцкой и Новгородской земли. Особенно основательно пристроились они в Смоленске. Здесь при впадении в Днепр реки Речовка была основана их слобода, были построены громадные магазины-склады и магазины-лавки, на иностранный манер дома» [2, с. 60].

Кроме вольной жизни Полоцкой Руси и невольников, источником чего были пленение, самопродажа, происхождение от невольников, преступления, невыплаченные долги и др. Они занимают важное место в торговле, выступая живым товаром. В. М. Игнатовский отмечает роль внутренних распрей в миграции населения Полоцкого княжества: «пошла борьба городов между собой, городов с пригородами; борьба волостей и князей между собой и волостных князей с вечами. Стала трудно жить в Полоттчине, начинается эмиграция с окраин... Эмиграция стала еще больше опустошать и уничтожать страну. Эмиграция распространяется во все стороны и чаще всего направлена на запад... От систематического гнета местного капитала бегут в западные леса и болота эксплуатируемая беднота, рабы, которые в бегстве находят возможность получить свободу» [2, с. 61].

Первым белорусским городом, упоминаемым в летописи в 862 г. под различными названиями (Полотеск, Полотьск, Полтеск), стал Полоцк, расположенный по обоим берегам Западной Двины, при впадении в нее реки Полоты, давшей городу имя. Упоминание о Турове как древнем населенном пункте у реки Припять на территории Беларуси относится почти на полтора столетия позже – к 980 г. Возникновение городов пробуждало жизнь и переселенческие процессы в окружающих к ним ближайших поселений.

Как отмечает историк С. М. Соловьев, первоначально «города славянских племен были не иное, как огороженные села, жители кото-

рых занимались земледелием» [32, с. 225], но среди его населения появляются люди, занимающиеся различными промыслами, обменом, торговлей. И Полоцк и Туров как первые известные племенные центры на территории современной Беларуси стали и центрами первых княжеств на белорусской земле.

Постепенно возникают новые города, притягивая окружающее население – Волковыск (Волковысек, упоминается в 1005 г.), Брест (1019), Витебск (1021), Браслав (Брячиславль, Братислав, Браславль – от имени князя Брячилава Изяславовича, возник на месте поселения IX в. как поселение ятгалов и кривичей, 1065), Минск (1067, Менеск, Менесък), Орша (1067, Ръша), Логойск (1078, Логожеск, Логожск), Лукомль (1078), Друцк (1092, Дрютеск, Дрытеск, Друческ, но есть сведения, что существовал в 1078, а по церковным данным – в 1001), Пинск (1097, Пинеск, Пиньск). Правда, в Витебске, первое упоминание о котором в летописи относится к 1021 г. (под именем Видбисек, Видебск, Витепеск, Витьбеск), в начале 1970-х гг. стали считать основанием 974 г., как существовавшее до него поселение кривичей, для того чтобы «выбить» финансирование для его благоустройства. В таком случае Брест (Берестье, упоминается по Новгородской летописи в 1017 г., а в «Повести временных лет» в 1019 г.), о котором есть сведения как о селе Берестово в 980 г. («на Берестове, в селци, еже зооуть ныне Берестовое»), вправе был претендовать на более раннюю родословную. Несмотря на такие исторические нюансы, на территории современной Беларуси шел интенсивный процесс урбанизации, в основе которой лежали миграционные процессы.

Образование других городов на территории Беларуси, давших название эпохи Гардарики – страны городов – на древнерусской земле относится к началу второго тысячелетия – XI–XII вв. Это Борисов (1102, назван именем полоцкого князя Бориса (Рогвалда) Всеслави-ча), Слуцк (Случевск, 1116), Гродно (1128, Городна, Городня, Город-зень), Пропойск (1136, Прупой, Пропошеск) – нынешний Славгород, Гомель (1142, Гомей, Гомий, Гомин, Гомь, Гомье), Рогачев (1142), Дзержинск (до 1932 г. Койданово, известен с XII в. (1146) под названием Крутогорье), Брагин (1147, как поселение Киевского княжества – древлян, полян и северян), Заславль (Изяславль, Жеславль, упоминается в 1127–1128 гг., но как поселение относится к концу X в.), Клецк (Клеческ, Клечьск, упоминается в 1128 г.), Столин (Стрежев, 1127–1128), Кричев (Кречуг, 1136), Мозырь (1155), Мстиславль (1156), Чечерск (Чичерск, 1159), Давид-Городок (считается, что существовал в конце XI или начале XII в.).

В XII в. полоцкими кривичами основана крепость Колец-городок (с 1461 г. – город Дисна), в современной Беларуси город с самой наименьшей численностью населения. Упомянуты в летописном периоде и такие города: Несвиж (1223), Могилев (1267), Копыль (1274), Кобрин (1287), Бобруйск (1327, Бобровск, Бобрусек, Бобруеск), Верхнедвинск (1386, Дрисса – летописное название Дрись, Дриса), Радомля, Шклов, Петриков (от имени ятвяжского князя Петра, по преданиям существовал в X в.). Эти города становятся политическими, экономическими и культурными центрами. Многие из них в различные периоды стали центрами княжеств. Новогрудок (как центр Черной Руси под названием Новгород, Новгород упоминается в 1252 г.).

Вообще исторический материал требует, чтобы его использовали с большой осторожностью. Так, в фундаментальной пятитомной «Истории белорусской государственности» в отношении государственного объединения, бывшего в прошлом на белорусских землях (начиная с XIII в.) и в оглавлении и в тексте постоянно указывается, что сначала в Новогрудке, потом уже и Вильне это государственное объединение называется ВКЛ или Великое княжество Литовское. И только в одном месте приводится почти полное его название – Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское. Почему почти полное? Потому что полное первозданное наименование – Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных земель. Кстати, а кто это «иных»? По этому вопросу возникает много спекуляций.

Часто это государственное объединение именуют и Литовско-Русским государством (княжеством), Литовско-Белорусским государством без добавки или с добавкой «Великое». Понятно, что проще пользоваться кратким названием. Но, думается, что историки не должны пользоваться таким сокращением. Кстати, в то историческое время и окружавшие Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных княжеств земли, позже составившие ядро русского или российского государства, назывались в обиходе также сокращенно – псковичане, новгородцы, смоляне, московия и др. В этом Великом княжестве преобладало средневековое русское население и средневековый (славянский) русский язык, ставшие в ходе исторического развития фундаментом белорусского этноса. Это означает значимость русского следа в процессе формирования белорусского этноса, с одной стороны, и, с другой – значимость белорусского следа в формировании русского этноса, т. е. в историческом плане – борьба за общее русское наследие.

Упор на антирусскую государственность ВКЛ (Литовского княжества), идущий из Польши, связан с отвержением тезиса о самостоя-

тельном формировании государственных начал на Беларуси. Это связано с этническим составом белорусского дворянства, состоявшем в том, что большинство из них были поляками, оппозиционно настроенными к российскому самодержавию, а значит, ко всему, что имеет отношение к русскому.

Отметим и своеобразный результат миграции – князья из различных княжеств брали себе жен не из своего домашнего «курятника». Многие из них и сами были метисами, в том числе и правители полочкой земли и белорусской части Речи Посполитой. А их дети, внуки, правнуки метисами были в нескольких поколениях. И речь вести о чистых корнях белорусов в отношении правителей – несостоятельно.

В XII–XV вв. в летописях встречается название Белая Русь, не всегда относящаяся ко всей территории современной Беларуси. «По В. Н. Татищеву, термин Белая Русь впервые упоминание в Раскольнической и Ростовской летописях в 1135 г., но относится к Ростовско-Суздальскому княжеству. По отношению к современной Беларуси, – по авторитетному выводу В. А. Жучкевича, автора фундаментального топонимического словаря Беларуси, – впервые употреблен в XIV в. канцлером Польши Яном Чериковским (или Чарнковым [33, с. 18]). В первой половине XVII в. термин Белая Русь закрепляется за территорией современной Витебской, Могилевской, Гомельской, часть Минской обл., тогда как за Гродненской и северо-западом Минской обл. закрепляется термин Черная Русь... Существование на территории БССР понятий Белая и Черная Русь свидетельствует о каких-то различиях на территории самой Беларуси, несомненно, социального характера. Наибольшие основания есть для того, чтобы термин Белая Русь понимать в смысле “свободная, православная” и т. п., отличающаяся от Черной Руси по вероисповеданию, языку, правовому положению и т. п.» [10, с. 23]. Именно поэтому в первом абзаце данного раздела нами было отмечено, что на средневековых географических картах белорусские территории «мигрировали», конкретизация этой миграции изложена ниже.

И. В. Гете в «Фаусте» вложил в уста главного персонажа поэмы совет:

Не трогайте далекой старины.
Нам не сломить ее семи печатей.
А то, что духом времени зовут,
Есть дух профессоров и их понятий,
Который эти господа нехотят
За истинную древность выдают.
Как представляем мы порядок древний?

Попытаемся, вопреки совету Гете, заглянуть в «порядок далекой старины» Беларуси, в историю формирования белорусского этноса с помощью аналитики автора, изложившего очерк истории названия Белой Руси [33] с антирусской направленностью, что отличается от позиции М. Богдановича. Утверждая, что «настоящие и белые» русские – это совсем разные понятия, он вынужден все же сделать вывод, что «употребление термина Белая Русь было свойственно образованным людям, а простые люди – просто Русь» [33, с. 54]. В «Хроніке Беларускай Русі» этого автора отмечается, что Белая Русь – понятие географическое, относящееся к русским территориям бывшего Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных земель.

Прежде всего отметим «миграцию» на европейских картах местонахождения Беларуси. Так, географическое ее местонахождение «далекой старины» считалось разным в различные периоды нашей истории. В XIII в. – около Великого Новгорода (или его младшего брата – Пскова); около Белого (Ладожского) озера, граничащей территории с Карелией; в 1470-х гг. – в Великом княжестве Московском; в 1490-х гг. – на Дону; во второй половине XVI в. – в Великом княжестве Литовском, Русском, Жемойтском и иных, а также других пространствах средне-русской равнины [33, с. 12].

К сожалению, и в XX в. география белорусских территорий также была подвержена «миграции». По этнографическим картам Е. Карского и М. Довнар-Запольского в начале XX в. расселение белорусского этноса охватывало территорию значительно большую Северо-Западного края. Провозглашение Белорусской ССР состоялось в Смоленске. После гражданской войны Рижским договором 18 марта 1921 г. официально была оформлена самая малая территория Беларуси. В 1926 г. территория Беларуси за счет уточнения этнических границ проживания белорусского и русского этносов несколько расширилась. В сентябре 1939 г. после воссоединения восточных и западных земель Беларуси до 1946 г. Беларусь имела самую большую территорию в современной истории. После Великой Отечественной войны за счет передачи Польше Белостокского воеводства и Литве Вильни и ее окрестностей мы имеем на географической карте территорию современной Беларуси.

Также в основе названия Белой Руси в исторической науке существует ряд версий [33]: 1) по мнению Е. Карского, А. Киркора, В. Та-тищева и других исследователей, оно связано с белым цветом одежды или антропологическим типом населения; 2) по мнению М. Довнар-Запольского, М. Драгоманова и других авторов, земли восточной Бе-

ларуси, не зависимые ни от Литвы, ни от татар, т. е. Белой, означают вольную Русь; 3) по мнению российских историков И. Грекова, Н. Карамзина, А. Соловьева, В. Татищева, на основе тюрской этимологии «белый» в сочетании «белый русский царь», что означает «великий, могучий, независимый»; 4) связь с некоторыми племенами аланов – рок-аланов или аланорсов (тоже в смысле свободный, независимый), живших за Днепром и смешавшихся со славянами; 5) в противовес Черной – некрещеной Руси; 6) как синоним православия; 7) языческого божества Белабога, которому преклонялись обитавшие в древности на территории Беларуси славянские племена; 8) «белые», что с тюрского означает «восточные», т. е. заселившие западную часть восточно-славянской окраины; 9) традиция географической семантики, свойственной большинству культур для обозначения тремя основными цветами стран мира, что нашло в разделении Руси на Белую, Черную и Красную; так «цветная» этимология народов отражена и в названии греков (gris или gres – серые); 10) связь с гипотетическими «бельскими городами» в среднем течении Западного Буга – Бельск, Белосток; 11) переводом на славянский язык какого-то древнего названия «белая вода»; 12) имеется в виду Русь могучая, великая, мирная, чистая и праведная.

И первое (множественность характеристик географических мест ее нахождения) и второе (множественность характеристик Белой Руси) отражает борьбу за славянскую русскость единого народа, оказавшегося в ходе исторических перепитий в разных государственных объединениях. Таким образом, представляется «порядок древней старины» Беларуси. Попытки представить белорусов балтами, литвинами, по сути вещей, означают желание сделать нас белополяками, белолитовцами или белолатышами, но не белорусами, противопоставить русскому этносу. Но мы белорусы – белорусские.

2.5. Миграция на белорусских землях в составе Российской империи

Миграционные процессы были самыми значимыми в историческом развитии белорусских земель и формировании белорусского этноса. На различных этапах исторического развития в формировании миграционных процессов ведущими выступали разнообразные и многообразные факторы. В течение XVIII – XX вв. такими факторами для Беларуси явились как внешние (геополитические, военные, конфессиональные, этнические), так и внутренние (политические, социаль-

но-экономические, национально-освободительные и революционные) процессы и явления. Белорусы неизбежно включались в миграционные процессы в границах Российской империи, осваивая территории Урала, пространства Сибири, Севера, Дальнего Востока, юга России. Так, после ликвидации крепостного права массы безземельных крестьян из северо-западного края (белорусских земель) устремились искать лучшую долю на востоке империи. Войны, которые выпали на долю Российской империи, превращали Беларусь в главную арену военных конфликтов, а это вызывало и движение населения как с территорий нынешней Беларуси, так и после завершения войн возврат на нее.

Как констатировал А. А. Раков, с конца XIX в. наиболее важными факторами миграционных процессов Беларуси стали: геополитические и связанные с ним этнические и конфессиональные, политические, социально-экономические и экологические процессы [34, с. 7–8]. Геополитические факторы включают в себя такие явления, как вхождение территории нынешней Беларуси в разные государственные системы. Среди них бурные миграционные процессы вызвали три революции, две мировые войны и гражданскую войну, породившие волны беженцев как на территорию Беларуси, так и за ее пределы, эвакуацию, позже реэвакуацию, насильственный вывоз населения на работы в Германию и репатриацию. Эти геополитические процессы привели к разделу после Первой мировой и Гражданской войн почти на два десятка лет Беларуси на западную и восточную части, входившие в разные государства. Это также вызвало и массовое движение населения. В определенной степени это сказывается и на нынешнем состоянии миграционных процессов, порождая их разноректорность.

До конца XVIII в. мигранты с белорусских территорий в России – редкие личности, главным образом – представители (в современной терминологии) творческой и научной интеллигенции. Такими были Франциск Скорина, Иван Федоров, Петр Мстиславец. С территорий нынешней Беларуси в этот период распространенным было бегство крепостных крестьян в казаки на Дон и Запорожскую Сечь. Вероятно, таким казаком был и гоголевский Тарас с белорусским именем Бульба, а не украинская картопля. Одновременно на Беларуси закреплялись «диссиденты» тех времен из окружения правителей России, а также верующие, не принявшие религиозных преобразований. К примеру, русские староверы заселили юг нынешней Гомельской области (Ветку, Хальчу, Костюковку, пригороды Гомеля – Ченки, Новую Мильчу, Крупец, Монастырек и др.), о чем в своем эссе «О размножении и сохранении русского народа» еще в середине XVIII в. писал М. В. Ломоносов.

Анализируя последствия побега крестьян за рубеж (в современной терминологии мигрантов), он таких мигрантов называет «живыми покойниками»: «с пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особенно в Польшу, и тем лишается подданных российская корона» (в те времена, о которых писал первый русский академик, белорусские земли входили в состав Речи Посполитой). Ломоносов раскрывает социальные причины бегства россиян в приграничные земли. Во-первых, это побеги крестьян от помещичьего произвола. Во-вторых, бегство крестьян от рекрутства – солдатских наборов. И третьей причиной М. В. Ломоносов указывает на религиозные распри: «для расколу много уходит российских людей на Ветку» [35, с. 613], т. е. в ближайшую к России часть современной Беларуси.

Город Ветка и в нынешней Беларуси является центром староверов, потомков староверов-беженцев. И Ломоносов, исходя из его методологической позиции – увеличения численности населения российского государства, полувопросительно, полуутвердительно пишет: «находящихся там беглецов не можно ли возвратить при нынешнем военном случае?» Здесь Ломоносов ведет речь о возможности, при прохождении русских войск после прусской кампании через территорию нынешней Беларуси, принудительного возвращения раскольников из их поселений на юге нынешней Гомельщины. Эта мера была им затронута и в его рассуждениях по истреблению раскола. Нужно отметить, что и до написания трактата «О размножении и сохранении российского народа» и позже, вплоть до первого раздела Речи Посполитой, было несколько экспедиций российских войск в приграничную с Россией Могилевщину, разоривших поселения религиозных раскольников, и принудительного их возвращения в российские земли, ибо такие мигранты (а их было несколько десятков тысяч) наносили казне российской убыток, не платя налогов.

Одновременно М. В. Ломоносов точно так же, как и в нынешние времена, ведет речь о необходимости создания условий для привлечения мигрантов в империю: «много беглецов за границы удобно наполнить можно приемом иностранных, ежели к тому употреблены будут пристойные меры», поскольку «нынешнее в Европе несчастное военное время принуждает не токмо одиноких людей, но и целые разоренные семейства оставлять свое отечество и искать мест, от военного насилия удаленных» [35, с. 613].

После разделов Речи Посполитой в Беларуси появились российские чиновники и помещики, которым раздавались белорусские земли. Жителям Гомеля известно имя выдающегося русского полководца XVIII в. Петра Александровича Румянцева, сына полтавского поме-

щика (по одной из версий историков – внебрачного сына Петра I), которому за присоединение к России задунайских земель императрица Екатерина II присвоила титул графа Румянцева-Задунайского и в честь его военных деяний подарила тогдашний Гомель. Младший сын Румянцева – государственный канцлер Российской империи Николай Петрович Румянцев переселил сюда из Полтавщины крестьян своего деда и отца. Получил в Кобрине поместье и генералиссимус А. В. Суворов. Но это были незначительные миграционные потоки.

После восстания 1830–1831 гг. на белорусских землях появились и крестьяне, переселенные из России своими помещиками, которым здесь щедро раздавались земли и имения. Одна из страниц крестьянского восстания отражена в произведении Александра Пушкина «Дубровский». К середине XIX в. численность русских была незначительной – около 10 тыс. (0,3%).

Важными страницами в миграционной истории Беларуси являются этнические отношения. Вторым по величине после белорусов как титульной нации является русский этнос. При этом пришлым русский этнос на территории Беларуси нельзя считать даже с большими натяжками. Прежде всего свидетельством этого является история существования государств на белорусской и российской территориях. Так, официальное название средневекового государственного объединения, длительное время существовавшего на нынешней территории Беларуси, было Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных. Обратим внимание на термин «русский» (княжество Русское) в названии этого государства, которое для краткости именовалось Великим княжеством Литовским, с преобладанием средневекового русского населения, ставшего в ходе исторического развития фундаментом белорусского этноса.

Борьба зарождающегося русского государства в лице Московского княжества с одной стороны и Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных с другой стороны за русскую его составляющую отразилась в титулах русских царей и императоров, включающих и наименование белорусских земель. Впервые претензии на наследство Руси в конце XIV в. при объединении с Польшей заявил князь Владислав Ягайло, действовавший как «Великий князь литовский и владыка и наследник Руси» [36, с. 8].

В противовес этим религиозным католическим претензиям с православных славянских позиций выступил Великий князь Иван III, который стал именоваться Государем **всёя** (выделено нами. – А. З.) Руси. А уже Великий князь Василий III, как и его сын царь Иван IV Грозный, царь Федор Иванович, а также первый царь из династии Рома-

новых – Михаил с титулом Государя всея Руси именовались и князьями Полоцкими. Титул царя Алексея Михайловича уже включал Государя всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи, а также Князя Полоцкого, Витебскаго и Мстиславскаго. С воцарением Петра I в его титуле исчезло перечисление княжеств белорусских земель, царь Петр Алексеевич именовался Государем всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи.

В титулах последующих императоров России XVIII в. совсем исчезло перечисление отдельных исторических белорусских регионов, осталось главное «Самодержец Всероссийский». И только с Павла I, по сути законодательно оформившего три раздела Речи Посполитой, титулы последующих императоров России опять стали включать перечисление белорусских княжеств. В ст. 37 Основных законов Российской Империи титул императора в начале XX в. включал и следующие перечисления: «Император и Самодержец Всероссийский», «Царь Польский», Князь «Смоленский», «Литовский», «Белостокский», «Полотский (Полоцкий)», «Витебский» и «Мстиславский», – что имеет отношение к белорусским территориям в разные периоды истории.

Важным фактором исторического заселения современных белорусских земель средневековым русским этносом явились последствия собирания русских земель вокруг Московского государства. В результате внутривосточной борьбы на восточном фланге Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных многие представители правящих элит Тверского, Рязанского княжеств, а также мелкопоместное боярство Московского княжества (всего более 150 имен) с частью своих подданных переселялись (бежали) в земли Великого княжества Литовского [37], где те получали не последние должности.

Более значительными миграционные процессы стали в конце XVIII в. В последующие исторические эпохи рост миграционных потоков шел по возрастающей и включал три основных направления. Первое – это эмиграция небольшой части белорусов, значительной части поляков и литовцев за пределы Российской империи. Второе направление характеризовалось заселением белорусских земель выходцами из других держав. Наиболее интенсивным в этом потоке было заселение местечек и городов еврейским населением, что было вызвано двумя обстоятельствами, во-первых, антисемитской политикой в западных странах и, во-вторых, установлением в пределах Российской империи «черты оседлости» для евреев, проходившей через нынешние восточные рубежи Беларуси. В итоге Всероссийской пере-

писью населения 1897 г. отмечено, что во всех городах и местечках преобладало еврейское население, что явилось результатом их предшествующей миграции.

Польский историк белорусского происхождения (или белорусский историк эмигрант) А. Калубович выделяет с конца XVIII в., т. е. после разделов Речи Посполитой восемь волн эмиграции, затронувших белорусские земли [38, с. 12–38]. Массовый характер эмиграция приняла в конце XVIII в. – после вхождения отдельных земель нынешней Беларуси в состав Российской империи и поражения польского восстания, которым руководил Т. Костюшко. Эта первая миграционная волна 1794–1795 гг. коснулась главным образом бывшего польского, а также белорусского дворянства (шляхты), чье господство на нынешних белорусских землях тогда сменилось господством российского дворянства и российских служивых людей.

В ходе присоединения в Российской империи после каждого из разделов Речи Посполитой белорусских земель значительной была и миграция военных пограничных служб, которые постоянно продвигались на запад. Охрана границ строилась в две линии: на первой находились драгунские, впоследствии казачьи, затем армейские полки, расположенные на форпостах. Затем на второй линии, в нескольких верстах от границы, располагались таможенные вольнонаемные конные объездчики и пешие стражники. В приграничных городах создавались пограничные пункты и таможни. На белорусские земли распространялась и рекрутская повинность. Из местных жителей были сформированы такие подразделения регулярной российской армии, как конный литовский (в составе белорусов и литовцев), конный татарский (в составе белорусских и литовских татар), конный польский (в составе белорусов, поляков и литовцев) полки. С 1775 г. существовал и Белорусский полк, укомплектованный исключительно из белорусов, что также характеризует миграционные процессы на тогдашних территориях Беларуси. В этой связи показателен и такой факт: белорусы, составляющие перед Отечественной войной 1812 г. десятую часть населения Российской империи, дали 15% военнослужащих страны.

В Российской империи в 1810–1857 гг. существовали мигрантские военные поселения. Большинство из них располагались в Западных губерниях. Такие поселения формировались не из местного, а рекрутированного населения, т. е. из других территорий, что характеризует военных поселенцев как мигрантов (переселенцев). Первое (в 1810 г.) из них не только на территории Беларуси, но и вообще в Российской империи дислоцировалось в Бобылецком старостатстве Климович-

ского уезда Могилевской губернии. А 667 семей местных (государственных) крестьян Бобылецкого старостатства переселили в Украину – в Малороссию. Женатые солдаты и унтер-офицеры военных поселений, прослужившие не менее 6 лет, переводились в поселенцев с хозяйством. В конце 1826 г. поселенцы-«хозяева» освобождались от воинских обязанностей и должны были заниматься хозяйственными работами. Но обеспечить себя пропитанием большинство из них не сумели. Позже многие из них были переведены в так называемые пахотные солдаты. А позже были переведены в государственных крестьян [9, с. 184].

Вторая волна массовой белорусской эмиграции по А. Калубовичу связана с провалом в 1813 г. попытки возродить под патронажем Польши Великое княжество Литовское после нашествия на Россию армии Наполеона. Третья волна белорусской эмиграции этим историком датируется периодом после поражения восстания в июне–августе 1831 г. Четвертая волна белорусской эмиграции (также главным образом в западные страны) связана, как и две предыдущие, с поражением восстания 1863–1864 гг. – пропольски, антироссийски настроенных повстанцев под руководством К. Калиновского.

Важнейшим фактором развития миграции стала необходимость заселения южных окраин европейской части России, для чего правительство субсидировало помещиков, которые со своими крестьянами переселялись в Малороссию. Как не вспомнить небезызвестного прохвоста Павла Ивановича Чичикова из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, покупавшего мертвых крестьян (но по ревизским сказкам еще числившимися живыми и за которых помещики платили подати), чтобы получить государственную субсидию для заселения ими (вывоза их) Малороссии.

Это коснулось и белорусских земель. Так, в начале 1840-х гг. гомельские имения князя И. Ф. Паскевича, перекупившего их у городской казны после графа Н. П. Румянцева, включающих 12 экономий с общей численностью 25 тыс. крепостных, охватило массовое бегство крестьян в южные губернии с целью освобождения от крепостной зависимости. В их основе лежали слухи о якобы имевшемся царском манифесте, разрешавшем крестьянам Могилевской и Минской губерний переселяться в Малороссию (Херсонскую и Екатеринославскую губернии) и Бессарабию, и освобождении их на 25 лет от всех повинностей с оказанием материальной (выделением рабочего скота) и денежной (по 500 р. ассигнациями) помощи. Начался массовый уход из селений Гомельского имения, особенно из Климовской, Николаевской и Хоминской экономий после летних сельскохозяйственных ра-

бот 1841 г. Паломничеством было охвачено 17 деревень Гомельского имения, откуда сбежало почти 700 крепостных крестьян. К ним присоединились крестьяне еще более десяти деревень: трех деревень помещиков Крушевских, Бардовского, четырех деревень помещиков Солтана и Фащя и др.

Всего за август–октябрь 1841 г. только из одного Белицкого уезда из 35 сел и деревень бежало в Малороссию и Бессарабию 1 180 крестьян. Они снимались целыми семьями и с имуществом и скотом направлялись на юг к Чернигову, где, по слухам, у слободы Добрянки Черниговской губернии выдавались письменные документы («виды») об освобождении их от крепостного состояния, подводы и кормовые (на дорогу) деньги. Жители этой слободы чем могли и как могли помогали гомельским беглецам: кормили, давали пристанище, советовали, где можно объехать заставы и караулы. Многие приобретали фальшивые паспорта за плату. Позже было выявлено, что этим поживились многие крестьяне, а также мещане, купцы и даже некоторые помещики¹. Конечно, власти приняли меры по пресечению бегства крепостных крестьян, их возврата владельцам. Но тем не менее определенная часть вроде бы добилась свободы. Так, из 1 180 беглецов Белицкого уезда 860 человек были разысканы и возвращены владельцам. Судьба остальных 27% беглецов неизвестна.

В первой четверти XVIII в. под Гомелем возникло поселение Новая Мильча, как староверческая слобода, основанная переселенцами, бежавшими из России в поисках свободно отправлять богослужение. Пришлое население вело замкнутый образ жизни, отличалось своеобразным мировосприятием (и языком). В середине XVIII в. возникло и предместье Гомеля – Монастырек, где поселялись староверы-переселенцы, которым будущий владелец Гомеля граф Н. П. Румянцев покровительствовал. Кстати, в период Стрекопытовского мятежа староверы этого предместья укрывали революционеров, красноармейцев и большевиков. В урочище Ченки существовал и староверческий (Макарьев) монастырь.

Отмена крепостного права и развитие капиталистических отношений усилили миграционное движение среди сельского населения, выражавшееся в таком виде миграции, как отходничество на сезонные промыслы, земляные и строительные работы на сооружении железных дорог внутри губерний северо-западного края. Велико было отходничество белорусского населения внутри империи (в Приуралье,

¹ Это напоминает проблемы современной транзитной миграции на белорусско-польской и белорусско-литовских границах.

Сибири и Дальнем Востоке), масштабы которого к концу XIX в. превышало 300 тыс. человек. Были значительны и иммиграционные масштабы, результаты которых отразила первая Всероссийская перепись населения 1897 г.

Этнический состав населения губерний северо-западного края переписью представлен почти 80 национальностями. Среди них около двух третей (63,4%) составлял белорусский этнос, 14% – евреи (главным образом городское население), 5,7% – русские (великороссы), 5,4% – поляки, 4,4% – украинцы (малороссы) и 7,1% – остальные этносы. Среди последних были татары, цыгане, немцы, латыши, эсты и другие этносы. Широко было и конфессиональное представительство в северо-западном крае: православное исповедование составило 76,7%, иудейское – 11, католическое – 9,4, раскольники – 2,2, протестанты, лютеране, магометане и другие – 0,7%. Этническая и конфессиональная структура населения северо-западного края является итоговой характеристикой предшествующего миграционного движения населения на территории тогдашней Беларуси.

После восстаний в 1863–1864 гг. на белорусские территории из России было переселено 800 помещиков и 4 600 чиновников. С введением в 1889 г. должностей земских начальников, которые имели право занимать только русские, их численность начала быстро увеличиваться. Тогда на белорусские территории из России перебрались десятки тысяч жителей, чиновников, духовенства, учителей, военных и крестьян.

Пятая волна белорусских эмигрантов как на Запад, так и в пределах России связана с историческими событиями XX в. и охватывает период 1897–1914 гг., отражая социально-экономические проблемы развития Беларуси, России, Европы и всего мира. К 90-м гг. XX в. российским правительством были введены послабления для перемещения населения.

В предвоенный период за 14 лет (1900–1913) только в Северную Америку (США и Канаду) из России выехало на постоянное место жительства и на заработки 2 539 тыс. российских граждан, в том числе: евреев – 1 024 тыс., поляков – 690 тыс., русских – 257 тыс., литовцев – 222 тыс., финнов – 185 тыс. и немцев – 138 тыс. При этом основную массу «русских» трудовых мигрантов составляли украинцы, великорусы и белорусы, причем среди них за 1907–1913 гг. наблюдался четырехкратный рост [39, с. 23; 40, с. 286].

Наибольшие масштабы международной эмиграции в Российской империи приходится на еврейскую миграцию, составившую в империи 19,6%, численность которых по переписи 1897 г. составила

5 215 805 человек и расселение которых до революции было ограничено «чертой оседлости», основная часть проходила по Северо-Западному краю (14%). Как отмечал Оболенский (Осинский), возглавлявший Центральное статистическое управление СССР, доминирование еврейского этноса в эмиграции было обусловлено его социально-экономическим положением и политической дискриминацией. Он констатировал прежде всего «...пауперизацию еврейской массы. Отсюда – экономический застой. При исключительной дешевизне еврейской рабочей силы переход от ремесленного производства к машинному, естественно, задерживался... К ограничениям права передвижения присоединялась целая серия других ограничений, как-то: неприем на государственную службу, ограничения при выборах в органы самоуправления, ограничения в занятии педагогической и юридической деятельностью, ограничения числа еврейских учащихся в школах десятипроцентной нормой и т. д. Еврей постоянно третировался государственными органами, например, при отбывании воинской повинности, как низшее существо, как пария, заслуживающий презрения и издевательства. Но самым ужасным бедствием, периодически обрушивающимся на головы евреев и притом почти исключительно на еврейскую бедноту, были погромы... реальной движущей силой погромов были организованные усилия сторонников старого режима, стремившихся укрепить этот режим возбуждением национальной розни...» [39, с. 50].

Среди «русских» эмигрантов в западном направлении до 1905 г. преобладали великоросы и белорусы, а после – украинцы и белорусы. До 1905 г. значительную долю составляли приверженцы различных религиозных сект – духоборцы, штундисты и новые штундисты, духовные молокане, сторонники секты «новый Израиль». Но если сектанты из Центральной России в XVI–XVIII вв. убегали от религиозных преследований на окраины страны, то затем началось их движение за границу, при этом лишь к концу XIX в. появилась их организованная эмиграция. Особенностью белорусской эмиграции была преимущественно временная миграция – на заработки, т. е. в современной терминологии трудовая миграция, которая привозит значительные суммы денег. Большие размеры эмигрантов из белорусских земель, следствием которых стал недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве и рост цен на рабочую силу, вызвали обеспокоенность властей. «Зимой 1914 года в Минске были предприняты аресты эмиграционных агентов, нелегально переводивших через границу» [39, с. 62].

Кроме эмиграции значительным миграционным направлением явилась и внутренняя российская миграция, вызванная, во-первых, раскрепощением крестьян, во-вторых, значительными масштабами капиталистической индустриализации России и, прежде всего, развития основы тогдашнего научно-технического прогресса – железнодорожного транспорта. И белорусы отправлялись на заработки на строительство железной дороги. В частности, роль белорусов в строительстве железной дороги Санкт-Петербург – Москва отмечал Н. А. Некрасов:

...стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:
Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;
Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Столыпинская реформа с 1907 г. способствовала росту исхода из родных деревень безземельных крестьян и изменила направленность миграции в восточном направлении, что было непродолжительным. Социальной базой белорусской как внешней (в западном и североамериканском направлении), так и внутрироссийской (Сибирь) миграции были: самая многочисленная группа – безземельные крестьяне; затем обширная группа крестьян полупролетарского типа с ничтожным наделом или мелких арендаторов; значительно меньшая часть – крестьяне, способные самостоятельно вести сельское хозяйство, и часть промышленных рабочих, особенно в годы промышленной депрессии (1908–1909). Всего за 1885–2014 гг., принесшие 4 380 тыс. человек, в переселении на восток белорусские земли дали почти пятую часть – 838 тыс. человек [39, с. 73, 91].

Шестая волна эмиграции за пределы Беларуси охватывает, по мнению исследователя, период 1918–1919 гг. и связана с последствиями революции и геополитическими изменениями после Первой мировой и Гражданской войн.

М. В. Довнар-Запольский еще в дореволюционный период негативно оценивал польское и российское господство в Беларуси, выра-

жившееся прежде всего в денационализации местной элиты. По его мнению, на востоке наши белорусы обрусели, на западе значительно ополячены, а наша южная часть самая ценная в национальном и экономическом отношении, т. е. ее пребывание в составе Речи Посполитой и Российской империи для Беларуси было деструктивным. И его возрождение политизированный романтик 1919 г. М. В. Довнар-Запольский связывал только с будущим. Это обоснование белорусской государственности надо оценивать исторически, как поиск в условиях политически напряженного периода путей дальнейшего развития. Оно носило скорее патетический характер, это была идеализация, характерная всегда на витке нового исторического периода. Подобное делают и современные западно ориентированные политологи.

Некоторые считают, что если бы больше ничего Довнар-Запольский не создал, то его имя за уточнение этнографических границ Беларуси навсегда бы сохранилось в нашей истории. Целые регионы (Белосточчина, Виленский край, Псковская и Брянская губернии) были преимущественно до революции заселены этническими белорусами. Так, по переписи 1897 г. в Виленской губернии проживало 57% белорусов, 8% поляков и 17% литовцев, причем последние в основном проживали на пограничье с этнической Литвой. А в самом Вильно литовское население не превышало и одного процента.

В то же время значительная часть белорусов (напомним некрасовскую «Железную дорогу») искала лучшую долю за пределами белорусских земель, прежде всего в столице Российской империи – Санкт-Петербурге. Немало белорусов работало на Путиловском заводе в Петрограде. А вообще, к началу 1918 г. «колоссальное количество белорусов, в том числе белорусских беженцев, находилось на территории западной части России». Подсчеты дают различные результаты трудовых мигрантов и беженцев, средняя цифра которых, как отмечает И. А. Марзалюк, составляла приблизительно 2 млн 400 тыс. человек [41, с. 14–15].

В послевоенное время не принято было вспоминать негативные явления во имя советско-польской дружбы, белорусы перешагнули через эту боль, чтобы не обидеть польских друзей. С 1940 г. и в первые послевоенные годы в рамках БССР отмечалось возвращение домой – воссоединение Западной и Восточной Белоруссии. До того времени на западных белорусских землях происходило ополячивание, окатоличивание, попытка полной ассимиляции в «едином» национальном государстве. Ныне дата 17 сентября в Республике Беларусь, когда начался освободительный поход Красной армии, отмечается как праздник народного единства – воссоединения Беларуси.

Разделение белорусской нации в 1920-х гг. нанесло белорусскому народу громадный урон. И ХХI в. показывает, что со стороны польских властей нагнетается все то же противостояние, которое во времена Пилсудского провозглашалось: «дайте мне 10 лет, и вы на этих землях днем с огнем не найдете ни одного белоруса и ни одного украинца».

Так, после 1921 г., приобретя в свой состав почти половину территории Беларуси и четверть Украины, Польша стала государством, где этнические поляки составляли менее двух третей населения. В отношении почти трех с половиной миллионов жителей Западной Беларуси проводилась политика социальной, правовой и культурной дискриминации. В результате Западная Беларусь, по сути дела, превратилась в резервацию со всеми признаками колонии. Если в 1921 г. на этой территории было около 400 белорусских школ, то к середине 1930-х гг. их осталось порядка тридцати, а к 1939 г. сократилось до пяти. К концу 1930-х гг. более 100 тыс. белорусских детей вообще не посещали школы.

Седьмая волна белорусской эмиграции, отмеченная белорусским мигрантом или польским историком, главным образом коснулась территории тогдашней бывшей Западной Беларуси, жители которой в поисках лучших условий жизни в 1924–1939 гг. не только двинулись в соседние страны Западной Европы, но и в северную и южную Америку, а также Австралию. И, наконец, восьмая волна эмиграции – это послевоенный (с 1944 г.) период.

В совокупности эти восемь волн эмиграции коснулись около двух миллионов белорусов. Но на новые тенденции в миграции последнего десятилетия ХХ в. этот западный вектор миграции конца XVIII в. – начала ХХ в. не оказал существенного влияния. Более значительное влияние на содержание и направленность современной миграции населения Беларуси оказали внутренние миграционные процессы конца XIX – начала ХХ в. в пределах бывшей Российской империи. В этот период белорусы принимали активное участие в заселении многих территорий Российской империи, чему способствовали отмена крепостного права, столыпинская реформа.

Уже первая всероссийская перепись населения 1897 г. зафиксировала, как отмечено выше, во-первых, сложную этническую структуру населения всех регионов тогдашней белорусской земли (Литовско-Белорусского или Северо-Западного края)¹ и, во-вторых, повсемест-

¹ Как отмечает И. А. Марзалюк в книге «100 лет БССР. Реалии и мифы»: «для российских шовинистов Беларусь была Северо-Западным краем, а для поляков – Крэсами Выходнымі» [41, с. 37].

ное расселение белорусов по территории Российской империи. Во всех краях, губерниях, областях (за исключением Финского края) проживали мигрировавшие белорусы.

Современная территория Беларуси охватывает частично или целиком пять бывших губерний России: Виленскую (7 уездов с численностью населения – по материалам первой Всероссийской переписи населения – 1 591 тыс. человек), Витебскую (11 уездов с численностью населения 1 489 тыс. человек), Гродненскую (9 уездов с численностью населения 1 687 тыс. человек), Минскую (9 уездов с самой большой численностью населения – 2 148 тыс. человек) и Могилевскую (1 уезд с численностью населения 1 603 тыс. человек) губернии, составлявшие Литовско-Белорусский край (с общей численностью населения 10 063 тыс. человек включая, также входившие в этот край, 7 уездов Ковенской губернии).

Уже в конце XIX в. из 5 886,2 тыс. этнических белорусов, проживавших в Российской империи, 440 тыс. (или 7,5%) проживали вне Литовско-Белорусского края, в том числе:

- больше всего в Малороссийском крае – 174,0 тыс. человек (из них наибольшая численность белорусов – 151,5 тыс. человек проживала в приграничной Черниговской губернии);

- в Подмосковной земле – 103,7 тыс. человек (из них 101 тыс. белорусов проживала в Смоленской губернии);

- в Южно-Русском крае – 58,5 тыс. человек (из них больше всего белорусов проживало в Херсонской губернии – 23 тыс. человек, а также в Екатеринославской губернии – 14,1 тыс. человек, Таврической губернии – 9,7 тыс. человек, в области Войска Донского – 9,2 тыс. человек и Бессарабской губернии – 2,5 тыс. человек);

- в Польском крае – 29,4 тыс. человек (из них 26,6 тыс. белорусов проживало в Сувалкской губернии);

- в Кавказском крае – 15,3 тыс. человек (из них 12,4 тыс. белорусов проживало в Кубанской области);

- в Ливонском крае – 13,4 тыс. человек (из них 12,3 тыс. белорусов проживало в Курляндской губернии);

- в Среднерусской земле – 10,6 тыс. человек (из них проживали: в Воронежской губернии – 4,0 тыс. белорусов, в Орловской губернии – 3,0 тыс. человек и в Тамбовской губернии – 2,4 тыс. человек);

- в Западно-Сибирском крае – 9,5 тыс. человек (здесь белорусы были сосредоточены в Томской губернии – 4,6 тыс. человек и в Тобольской губернии – 4,4 тыс. человек);

– в Петербургском крае – 7,1 тыс. человек, большинство которых проживало в столице – Санкт-Петербурге, значительная часть из них были пролетариями, занятыми на Путиловском заводе;

– в Закавказском крае – 4,4 тыс. человек (из них 2,9 тыс. белорусов проживало в Елисаветпольской губернии);

– в Нижневолжской земле – 3,9 тыс. человек (из них проживали в Симбирской губернии – 1,5 тыс. белорусов и Саратовской губернии – 1,4 тыс. человек);

– в Пермской земле – 3,1 тыс. человек (из них 2,2 тыс. белорусов проживало в Оренбургской губернии);

– в Восточно-Сибирском крае – 2,9 тыс. человек (из них большинство белорусов – 1,9 тыс. человек проживало в Забайкальской области);

– в Верхневолжской земле – 2,0 тыс. человек (из них половина белорусов земли проживала в Нижегородской губернии – 1,0 тыс. человек);

– в Северо-Русском крае – 1,4 тыс. человек (здесь сосредоточением белорусов оказалась Вологодская губерния – 1,1 тыс. человек);

– в Закаспийском крае – 0,4 тыс. человек;

– в Южно-Сибирском (или Киргизском) крае – 0,4 тыс. человек.

И только в 2,6-миллионном населении Финского края первая Всероссийская перепись населения не зафиксировала белорусов [42, с. 50–51].

Бывшие Минская и Могилевская губернии полностью находятся в границах современной Беларуси. Территории других трех губерний неоднократно входили в состав Польши, России, а также Литвы и Латвии. Естественно, это сказалось на национальной и миграционной политике этих стран. В результате геополитических процессов, изменивших карту Европы и бывшей Российской империи, произошли значительные территориальные изменения. Часть земель Гродненской губернии (это целиком Бельский, Белостокский и Сокулский уезды) ныне входят в состав Польши. Частично некоторые территории Гродненского уезда ныне также входят в состав Польши, а остальные остались в пределах Республики Беларусь. Дореволюционные Виленский, Трокский и Свентянский уезды сегодня в составе Литвы. Часть северных территорий тогдашней Витебской губернии (Велижский, Невельский и Себежский уезды) ныне в составе России, а территория тогдашнего Диненбурга, Люцина и Режицы – в составе Латвии.

По общепринятым в статистике данным, имеющимся во всех статистических сборниках и считающимися официальными, численность

населения Беларуси по переписи 1897 г. в ее современных границах определена в 6 673,0 тыс. человек. По расчетам бывшего Центра демографии и человеческого развития Института экономики НАН Беларуси численность населения Беларуси по переписи 1897 г. следует считать в 6 280 тыс. человек [43, с. 12], а по реконструированным западным материалам этой переписи его численность составила 6 493,6 тыс. человек [44, с. 22], т. е. отклонение различных данных составляет в пределах 2,8–6,3%. Из численности населения тех губерний дореволюционной России, на территории которых ныне расположена Республика Беларусь, в ее современных границах проживало из Виленской губернии – 53,7%, Гродненской – 67,0, Витебской – 46,0, Минской и Могилевской – по 100,0%. В этнической структуре губерний Литовско-Белорусского края в прежних их границах удельный вес белорусов составил 63,5%, в том числе: в Виленской губернии – 56,1%, Гродненской – 44,0, Витебской – 53,0, а Минской и Могилевской – по 100,0%.

Доля белорусов в этнической структуре тогдашних губерний в современных границах Беларуси составила: по Виленской губернии – 80,2%, Гродненской – 49,1, Витебской – 73,0, Минской – 76,0 и Могилевской – 82,4%. А в целом по Беларуси в ее современных границах удельный вес белорусов по переписи 1897 г. составил 73,3%. Доля населения других этнических групп в современных границах Республики Беларусь по материалам первой всероссийской переписи населения составляла: евреев – 14,0%, украинцев (малороссов) – 5,9, русских – 4,3, поляков – 2,4, других национальностей – 0,1%. Для сравнения отметим, что по материалам последней советской переписи населения (1989) по величине других наций, естественно, после белорусов (77,9%) порядок следующий: русские – 13,2%, поляки – 4,1, украинцы – 2,9 и евреи 1,1%. А по материалам последней национальной переписи населения (2019) порядок наиболее многочисленных этносов в Беларуси таков: белорусы – 84,9%, русские – 7,5, поляки – 3,1, украинцы – 1,7 и евреи – 0,1%.

Эти данные, как отмечено выше, характеризуют сложную этническую структуру населения всех регионов тогдашней белорусской земли, отражая миграционные процессы, протекавшие до первой всероссийской переписи населения.

Так, за 1885–1906 гг. из северо-западных губерний России было переселено за Урал 194 164 человек, почти две трети которых были выходцами из Могилевской и Витебской губерний (это Забайкальская область, Томская и Тобольская губернии). Многие южные территории Российской империи, такие как Бессарабская, Екатеринославская,

Таврическая, Херсонская губернии, Войска Донского и Кубанская области и ряд других также приняли переселенцев из белорусских земель. В столице Российской империи – Санкт-Петербурге была значительной прослойка выходцев из Беларуси (Минской и Виленской губерний) главным образом творческой интеллигенции.

Проведение мероприятий столыпинской реформы привело к миграции в Сибирь безземельного белорусского крестьянства. Массовый выезд населения тогдашнего белорусского края в поисках лучшей доли перед Первой мировой войной (1897–1913) принесло, по оценкам А. А. Ракова, отрицательное сальдо миграции в полмиллиона человек [45, с. 267]. Именно миграция, в том числе и миграция белорусского населения, в период столыпинских реформ способствовала значительному увеличению численности населения Сибири, Казахстана в дореволюционный период.

2.6. Краткие выводы

Миграция занимает исключительное место в социально-политической истории Беларуси. Заселение территории Беларуси связано с эпохой великого переселения народов на европейском пространстве первой половины 1-го тыс. н. э. Оно протекает на фоне общеевропейского социально-политического кризиса, связанного с крушением рабовладельческих отношений, а также реакцией населения на резкое ухудшение климатических условий в центральной Европе.

Географы считают, что территория нынешней Беларуси за время существования Планеты выдержала не менее пяти ледниковых периодов. И *homo sapiens*, гонимый изменениями климата, вынужден был осваивать новые территории. Археологические исследования зафиксировали появление людей на просторах нынешней Беларуси на стадии последней ледниковой эпохи 12-тысячелетней давности, когда очередное обледенение сменилось относительным потеплением. К концу 1-го тыс. до н. э. предки славян начали постепенно и активно заселять и север белорусской части Восточно-европейской (или Русской) равнины. Начало активного заселения территории современной Беларуси относится примерно к III–IV вв., когда сюда стали мигрировать славяне.

Исход предков белорусов с северо-центральных территорий Европы осуществлялся в условиях развала Римской империи, обратившей свой взор на многочисленные племена народов, живших на севере и северо-востоке, как источнике рабского труда. Этот процесс исхода

многочисленных славянских племен был ускорен резко ухудшившимися климатическими условиями западноевропейского континента, оказавшегося в зоне последствий извержения мощнейшего вулкана Иполанга 536 г. на Южно-американском континенте. Топонимика Беларуси отражает миграционные процессы, представленные названиями многочисленных народов и племенных групп, характеризующих полиэтнический характер формирования белорусского этноса в древний период его становления и развития.

Славянских групп или племен на Восточно-европейской (Русской) равнине летопись насчитывает до тринадцати: поляне, древляне, дреговичи, полочане, славяне новгородские, кривичи, бужане (волыняне и дулебы), северяне, радимичи, вятичи, улучи, тиверцы и хорваты. Исследователи также называют и другие племена: бодричей (ободричей), бобрян, брежан, бытеньцев, вагров, варнов, велетичей (лютичей), вендов, глинян, доленчан, древаничей, морочан, нижан, полабов, ратаров (ретрян), речан, смолян, stodоран, хижан, черезпенян, ятвягов и др. Основу старобелорусского этноса составляли кривичи, дреговичи, радимичи и частично волыняне. Из них кривичи сыграли большую роль не только в формировании белорусов, но и в становлении северо-западной части русского этноса.

Миграционные потоки вначале шли, главным образом, по направлениям рек, протекающим по территории нынешней Беларуси и по которым позже пролег путь — из варягов в греки и к арабам. Через территорию Беларуси проходила в течение многих столетий и насильственная миграция в ходе военных конфликтов ранней, средневековой, новой, новейшей и современной истории Беларуси: с юга — на север и на северо-запад, с севера — на юг, с востока — на запад, с запада — на восток.

Процесс формирования белорусского этноса на просторах Восточно-европейской или Среднерусской равнины связан со многими явлениями социальной жизни, в основе которых лежали миграционные процессы. Это: продолжающиеся заселение и переселение, междоусобные конфликты эпохи раздробленности восточных славян, набеги, процесс урбанизации, торговля (обмен) и др. Оно характеризовало процесс формирования белорусского этноса эпох Полоцкого княжества, Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных, Речи Посполитой и Российской империи, в состав которых в разные исторические периоды X–XIX вв. входили нынешние белорусские территории.

Важная роль в демографических процессах принадлежит взаимосвязи урбанизации и миграции населения на белорусских землях вто-

рого тысячелетия. Существенным представляется «миграция» территорий Белой Руси в картографии середины второго тысячелетия – от Онежского озера и границ с Карелией к югу. Подобная «миграция» географии белорусских территорий происходила и в ходе исторических конфликтов XX ст.

Содержанием развития белорусского этноса была борьба за общее русское наследие между Великим княжеством Литовским, Русским, Жемойтским и иных, а также Московским княжеством. Обоснована значимость русского следа в процессе формирования белорусского этноса с одной стороны и значимость белорусского следа в формировании русского этноса – с другой, что в историческом плане свидетельствует об общем русском наследии. В титулах императоров России отражены претензии на единство «всех Великих и Малых и Белых России» с перечислением белорусских территорий: «Самодержец Всероссийский», а также князь «Смоленский», «Литовский», «Белостокский», «Полотский (Полоцкий)», «Витебский» и «Мстиславский».

Глава III. МИГРАЦИЯ В ОТРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ БЕЛАРУСИ

3.1. Миграция на Беларуси в военных лихолетьях XX в.

Миграционные процессы на территории современной Беларуси в послереволюционное двадцатилетие протекали в основном на историческом фоне, оказавшем негативное влияние на ее демографические процессы. Это Первая мировая война и революционные потрясения, охватившие все стороны социальной жизни белорусского населения, а также Гражданская война. Миграционную ситуацию и прежде всего беженство на белорусских рубежах (в конце апреля 1918 г. в Орше) характеризуют воспоминания генерал-полковника фон Ботмера, находившегося в составе немецкой дипломатической миссии графа фон Мирбаха. «После того как продвижение наших войск было остановлено, в Оршу со всех концов России стекаются все, кто стремится попасть в Польшу, Литву, Белоруссию и Германию.

Здесь возникли целые поселки из наспех сколоченных сараев и дощатых палаток, где в ожидании возможности перехода на другую сторону через цепь постов скопилось множество народа – представителей всех национальностей западной части России и немцев-возвращенцев... Недостаток в силах охраны с нашей стороны, продажность и произвол на другой стороне являлись причиной частых ночных переходов границы, и с этой опасностью нельзя было не считаться. Скопление тысяч беженцев неизбежно усложняло проблемы с продуктами питания, как следствие – ростовщичество, воровство и грабежи. Появились всякого рода темные личности, наживающиеся на войне, стрельба и насилие стали нередким явлением»¹.

Немецкая и польская оккупация Беларуси породили значительный миграционный отток белорусского населения из Гродненской, Виленской, Ковенской, Витебской и Минской губерний. В диссертационном исследовании В. С. Утгоф, выполненном в Санкт-Петербургском Европейском университете, утверждается, что беженцы-белорусы в России осознали собственное национальное отличие, основным признаком которого являлся белорусский язык, что, якобы, в России сложилось негативное к ним отношение в местах их вынужденного проживания: «их насильственно выселяли из квартир, местные власти принимали решения, запрещающие продавать беженцам хлеб, отмечался рост безработицы среди них, низкой была оплата их труда по

¹ Эта ситуация отражена в фильме «Государственная граница».

сравнению с заработками местного населения» [46, с. 19]. В диссертации российского ученого констатируется, что «основная масса перемещенных во время Первой мировой войны белорусов смогла вернуться на родину» только после завершения советско-польской войны и подписания мирного договора 18 марта 1921 г. Причем в связи с послевоенным разделом территории Беларуси эта реэвакуация происходила в иную и даже в чужую страну.

По условиям этого договора около 82 тыс. км² дореволюционной белорусской территории с населением 4,6 млн человек (по материалам польской переписи населения 1931 г.) оказались в составе Польши (это 38% населения и 40% территории Беларуси [47, с. 266], откуда в 1925–1939 гг. 78 тыс. западного белорусского населения эмигрировали в страны Западной Европы и Америки [48, с. 139, 140].

Существенна также противоречивая социально-политическая атмосфера в Беларуси, социально-экономическое, политическое и демографическое развитие которой протекало в условиях насильственного разделения белорусского этноса. В демографическом плане кроме прямых демографических потерь из-за роста смертности и снижения рождаемости значительный демографический урон Беларуси нанесли и миграционные процессы. Так, Рижский договор 18 марта 1921 г., разъединивший белорусский этнос, вызвал волну миграции. Договором предусматривался возврат населения, родившегося на территориях, отошедших к Польше, но проживавшего на момент заключения мира в пределах Советской России и пожелавшего вернуться в западные земли. И, наоборот, те, кто родился на территории, отошедшей к России, но проживал на польской территории и пожелал выехать из Польши, могли вернуться.

Почти четверть миллиона (246 тыс. человек) из более чем миллионной армии беженцев и эвакуированных на восток России не вернулись в родные края – в Беларусь. Из них «более 120 тыс. человек выехали в Литву, Латвию, Эстонию, Чехословакию, Турцию и другие страны» [49, с. 15]. Сегодня подобные процессы характеризуют и демографическое развитие приграничных регионов Украины, что сказывается на миграционном приросте населения Беларуси.

Значительны были демографические потери, вызванные репрессиями и окатоличиванием белорусского населения в западных землях, а также репрессии и массовое раскулачивание, затронувшее прежде всего «здорового середняка», периода культа личности в восточных областях Беларуси. В результате эмиграции жителей западных земель Беларуси до 1939 г. в Америку и Европу «выехало от 180 до 250 тыс. человек по причине национально-религиозного и социально-

го давления на население». Новые социально-экономические и политические реалии в восточных территориях Беларуси породили не меньшие масштабы миграции в молодой БССР. Как отмечают историки, «в различные регионы СССР из Беларуси выезжают на стройки народного хозяйства, на работу по распределению, для прохождения воинской службы и по другим причинам около 600 тыс. человек» [49, с. 17]. А учитывая и репрессии по идеологическим и политическим мотивам, массовое раскулачивание, то объем безвозвратной миграции в восточных областях Беларуси за этот период составил около 1,6 млн человек.

И наконец, это отторжение белорусских земель со значительной долей белорусского этноса, включая и территориальные изменения после Второй мировой войны. В частности, к таким потерям относится передача в состав Польши из бывшей Гродненской губернии Бельского, Белостокского и Сокольского уездов и части Гродненского уезда. Большинство территорий дореволюционных Виленского, Трокского и Свенцянского уездов сегодня находятся в составе Литвы, кроме того северная часть дореволюционной Витебской губернии, 6 уездов которой входят сегодня в состав России (Велижский, Невельский и Себежский уезды) и Латвии (Дриссенский, Люцинский и Режицкий уезды) [44, с. 19–20]. Таким образом, из 47 белорусских дореволюционных уездов население 12 уездов полностью и одного частично, т. е. четвертая часть, оказалось вне белорусского этноса.

Первая мировая война и революционные бури сказались на миграционных процессах в Беларуси и на перемещении на восток, а позже и отмена черты оседлости для евреев. Кроме того, за время Первой мировой войны и интервенции, не учитывая погибших и умерших, 122 тыс. белорусского населения эмигрировало за границу бывшей Российской империи, и более 400 тыс. беженцев из Беларуси, которые оказались в Москве, Петрограде, Саратове, Орле и Смоленске, не возвратились в родные края [47, с. 267]. Чего стоило для демографического развития и миграционных процессов только переход «из рук в руки» Минска, который был сначала советским, затем под немецкой оккупацией, после чего снова советским, потом до июля 1920 г. под польской оккупацией, после этого до сентября 1920 г. отошел к России, а в сентябре 1920 г. в нем снова на короткое время власть перешла к польским оккупантам. И только по Рижскому договору Минск опять вернулся в состав Белорусской ССР.

Влияние на миграционные процессы договора 1921 г., роль геополитических факторов в миграции видна на судьбе уроженца г. Пинска, лауреата Нобелевской премии по экономике за 1971 г. Саймона

(Смита) Кузнеца (р. 30 апреля 1901 г.). Родившиеся на территории, которая отошла к Польше, независимо от того, где они проживали в момент заключения договора, по этому договору имели возможность получить польское гражданство и возвратиться в Польшу. И потому семья С. Кузнеца, которая в 1903 г. переселилась из Пинска в Харьков, получила возможность переехать из советского Харькова, где Семен Кузнец работал руководителем секции бюро статистики труда в статистическом отделе Центрального совета профсоюзов при правительстве Советской Украины, в Польшу. А оттуда в 1922 г. он перебрался в США, куда еще раньше переехал на заработки его отец [50, с. 36]. И этот один из многих фактов объясняет значительные размеры иммиграции как Западной Беларуси в США и Канаду, так и Восточной Беларуси в этот период во многие страны мира, в том числе и в Польшу.

По статистическим данным руководителя Центрального статистического управления СССР В. В. Оболенского за 1924–1926 гг.¹ сложилось отрицательное миграционное сальдо между территориями, ранее входившими в Российскую империю (Польшей, Литвой и Латвией) и отошедшими к СССР. Миграционное сальдо с Польшей составило минус 4 024 человека (выбыло из СССР 7 508 человек, прибыло 3 484 человека). Соответственно с Латвией отрицательное сальдо составило 1 607 человек, в том числе выбыло из СССР 8 800 человек, прибыло 7 193 человека. Значительно меньший миграционный обмен отмечен с Литвой, отрицательное миграционное сальдо с которой составило 343 человека, в том числе выбыло из СССР 1 270 человек, прибыло 1 613 человек [40, с. 125]. Точных данных, с какими территориями Советского Союза совершался миграционный обмен с Польшей, Литвой и Латвией, не имеется. Но, как в случае с Семеном (Саймоном) Кузнецом, переехавшим в Польшу, а также известным советским демографом Болеславом Смулевичем, переехавшим из Польши в Беларусь, можно предположить, что в соответствии с Рижским договором 1921 г. эта миграция связана с западными территориями, отторгнутыми от СССР.

Полностью по условиям Рижского договора досталась Польше Гродненская губерния (по переписи 1897 г. в ней доля польского населения составила 33,0%, а белорусов – 49,1%); значительная часть Виленской губернии – Литве (хотя доля литовского населения в ней по переписи 1897 г. составляла 3,4%, а белорусов – 80,2%). Минская губерния с удельным весом белорусов в ее этнической структуре

¹ Отметим, что первая советская перепись населения была проведена 17 декабря 1926 г.

76,0% была частично поделена между СССР и Польшей. Территории бывших Витебской и Могилевской губерний (с долей белорусов в их этнической структуре 73,0 и 82,4% соответственно) частично вошли в состав Белорусской ССР, а частично в состав России. В тогдашней Белорусской ССР (1921), включавшей часть бывших территорий Минской, Витебской и Могилевской губерний, осталось 59,7 тыс. км² и 1 634 тыс. человек. В 1924 г. Россия передала Белорусской ССР еще часть районов Витебской и Могилевской областей, а в 1926 г. и территорию образованной в советское время Гомельской губернии, которая в дореволюционное время была частью Могилевской губернии. Таким образом, в конце 1926 г. территория Белорусской ССР составила 125,7 тыс. км² с численностью населения по материалам переписи 1926 г. 4 983,2 тыс. человек.

С постоянным вхождением какой-либо нынешней территории Беларуси в состав различных государственных объединений государственная власть, распространявшая влияние на ту или иную часть белорусских земель, проводила соответствующую этническую и конфессиональную политику, связанную с этим вхождением и отвечающую своим геополитическим интересам. Особенно ярко это проявилось в период между двумя мировыми войнами.

После Гражданской войны Беларусь развивалась в разных государственных и социально-политических системах, которые характеризовались и разным демографическим развитием. Миграционные потоки восточной части территории современной Беларуси, входившей в состав СССР – Белорусской ССР, локализовались в границах Советского Союза. Середина двадцатых годов характеризовалась становлением плановой системы хозяйствования, которая распространялась на все стороны социально-экономической жизни, в том числе и на миграционные процессы. В середине 1920-х гг. М. В. Довнар-Запольский, анализируя социально-экономические процессы Белорусской ССР, хотя процессы коллективизации еще не набрали тех негативных тенденций, которые позже сказались на положении середняков, сделал вывод о большом уроне для хозяйства Беларуси (а мы добавим – и для последующих демографических процессов), которым оказалась утрата здорового демографического потенциала в терминологии М. В. Довнар-Запольского «здорового середняка» [40].

На западных территориях, входивших в состав Польши, демографические процессы происходили в условиях вытеснения (или ограничения деятельности) других конфессий, заселении белорусских территорий своими национальными кадрами, что укрепляло социокультурные основы своего владычества. С позиций геополитических

факторов развития Беларуси такими проявлениями конфессиональных и этнических факторов миграции были: насильственное обращение в католицизм и «ополячивание» населения Западной Беларуси в 1921–1939 гг.; католическая «демократическая» экспансия; послевоенное переселение части белорусов из Белостокского воеводства, переданного Польше, и переселение в Польшу этнических поляков из земель, оставшихся в составе СССР.

Современными исследованиями о миграционных процессах населения западно-белорусских территорий периода нахождения в составе Польши (1921–1939) выявлены его значительные миграционные потери. Как показывает диссертационная работа О. Н. Мярчук, этому способствовали негативные «социально-экономические (низкий уровень индустриального развития, аграрная перенаселенность, безработица), общественно-политические (заинтересованность польских властей в снижении социальной напряженности, целенаправленная деятельность сионистских организаций), этнополитические (национальная и конфессиональная дискриминация белорусов и другого непольского населения) и внешнеполитические (иммиграционное законодательство и реальная практика в отношении мигрантов ряда зарубежных стран – Франции, Аргентины, Бразилии, Канады и других государств, активная деятельность международных мореходных кампаний) факторы». Существенными причинами роста эмиграции с западно-белорусских земель, по мнению О. Н. Мярчук, являлась «ассимиляция белорусов и иного непольского населения». Ею на основе данных польской статистики выявлено, что в 1926–1938 гг. с территории западных земель Беларуси (Белостокского, Виленского, Новогрудского и Полесского воеводств) в разные страны мира легально выехало около 212,5 тыс. человек, из которых 116,5 тыс. человек эмигрировало в европейские страны и 96,0 тыс. человек – в страны Северной и Южной Америки, а также Палестину [51, с. 3, 15].

Среди европейских государств значительные размеры эмиграции из Белостокского и Виленского воеводств во Францию, куда (главным образом в северные департаменты – Па-де-Кале, Норд, Эльзас, Лотарингию, Пикардию, Парижский округ) прибыло 21,6 тыс. трудовых мигрантов. Высокий уровень сельскохозяйственной западно-белорусской сезонной трудовой миграции дешевой рабочей силы отмечен в Латвии и Эстонии. Так, на рынке сельскохозяйственного труда Латвии из Виленского воеводства было в 1926–1938 гг. зафиксировано в возрасте 20–29 лет 75,9 тыс. трудовых мигрантов.

За этот период из четырех (Белостокского, Виленского, Новогрудского и Полесского) воеводств в США выехало 14,6 тыс. человек,

причем в 1920-х гг. преобладали мужчины, а в 1930-х гг. – женщины. Вероятно, женщины поехали к своим мужьям, которые к этому времени трудоустроились в США, как это было с семейством отца С. Кузнеця. По национальному признаку в этой миграции преобладали представители еврейского населения. Канада приняла с Западной Беларуси 12,5 тыс. мигрантов. Ограничительный характер иммиграционного законодательства в США способствовал переориентации миграционных потоков в страны Южной Америки.

Аргентина с тогдашним самым либеральным законодательством среди южно-американских государств стала и самой притягательной страной для западно-белорусских мигрантов, принявшая 31,7 тыс. ее мигрантов, больше, чем вся Северная Америка. Наибольшая численность мигрантов в Аргентину пришлось на Полесское воеводство – 12,3 тыс. человек, затем на Белостокское и Виленское воеводство – 7,9 и 7,5 тыс. человек соответственно. Из Новогрудского воеводства в Аргентину перебросилось 3,9 тыс. человек.

Уругвай стал своеобразной альтернативой для тех западно-белорусских переселенцев, которые по финансовым причинам не смогли выехать в Аргентину. Бразилия – 6,4 тыс. Парагвай в 1937–1938 гг. принял 2,5 тыс. западно-белорусских мигрантов. В Перу, Чили, Венесуэле, Мексике и на Кубе имелись единичные случаи миграции. Эмиграция западно-белорусских евреев в Палестину из Белостокского, Виленского, Новогрудского и Полесского воеводств в предвоенный период составила 18,9 тыс. человек.

Особняком стоит учебная миграция этнических белорусов в Чехии – 700 выпускников западно-белорусских гимназий (10% от общей численности стипендиатов, финансируемых чешским правительством [52, с. 3]. Это связано с состоянием чехословацко-польских отношений: неурегулированность «щешинского вопроса» в первой половине 1920-х гг. являлась положительным фактором для белорусских студентов; нормализация чехословацко-польских отношений в марте 1925 г. привела к сокращению количества стипендий для белорусов.

Следует отметить, что влияние этих факторов проявлялось системно: геополитические факторы порождали и сопровождалось профессиональными и этническими; политические факторы проявляли свою суть через социально-экономические; экологические факторы порождали политические.

В Белорусской ССР, как отмечают историки, исследующие этот период, по десятилетнему плану (1925–1935) предусматривалось переселить из Белорусской ССР на восток СССР 690 тыс. человек. Но «выполнить» эти планы не удалось, тем более что почти десятая часть

переселенцев вернулась в родные места. Но даже при невыполнении директивных показателей переселения все же его масштабы были немалые. По данным историков только в 1923–1927 гг. на восток СССР из Беларуси было переселено 53 684 человека, а из переселенных в 1927–1928 гг. жителей тогдашней Беларуси в Сибирь этнические белорусы составили 93%, Дальний Восток – 99, и на Урал – все 100% переселенцев из Беларуси составили этнические белорусы [53, с. 10].

Важной формой миграционных процессов на рубеже 20–30-х гг. стало отходничество – в период с поздней осени до окончания зимы часть сельского населения перебиралась в близлежащие города, чтобы подзаработать на промышленных предприятиях крупных городов, строительных площадках периода индустриализации, или отправлялась на шахты Донбасса. Процессы индустриализации и урбанизации естественно совпадали с масштабами миграционного движения населения. Но кадровые проблемы процесса индустриализации не всегда отвечали интересам «отходников», которые с началом весенних сельскохозяйственных работ возвращались в родные края. Цеха промышленных предприятий оголялись и потому такая практика, как считалось на самом высоком уровне, не способствовала формированию социалистического рабочего класса, квалифицированных рабочих кадров. Именно в связи с отходничеством в этот период резко отрицательно стало оцениваться не попадавшее в рамки плановых стереотипов любое перемещение населения, которое негативно квалифицировалось как текучесть кадров.

Некоторые жители Беларуси, проживавшие в 500-метровой приграничной с Западной Беларусью полосе, признавались «ненадежным элементом» и принудительно выселялись вглубь территории Беларуси. Важным фактором, способствовавшим интенсивным миграционным процессам конца 20-х – начала 30-х гг., стало бегство значительной части крестьянства от угрозы раскулачивания¹.

Всего же в период между переписями 1926 и 1939 гг. миграционные потери Беларуси по расчетам белорусского демографа А. А. Ракова составили 617 тыс. человек [34, с. 87], в том числе и от сталинских репрессий. Нужно отметить, что в отношении величины репрессированного белорусского населения, вывезенного в лагеря за ее пределы, отечественным историкам еще предстоит большая работа. Но для этого нужно освободиться от идеологических стереотипов,

¹ Что отражено А. Твардовским, уроженцем Смоленской губернии, значительная часть которой, кстати, входила в белорусские этнические границы, в его «миграционной» поэме «Страна Муравия».

с одной стороны, и не делать крайних выводов, с другой стороны, выдавая баснословные величины репрессированных в тридцать седьмых роковых. Последние реконструированные по материалам архивов пенитенциарной системы СССР о численности заключенных с 1934 по 1953 г., включая осужденных по политическим причинам, баланса лагерного населения, включая разделы, связанные с поступлением и выбытием контингента за 1934–1947 гг., половом и национальном составе заключенных, их образовательном уровне, показывают, что наибольшая численность заключенных в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) белорусов по политическим мотивам пришлось на начало 1938 г. и составила 49 818 человек [54, с. 38, 44, 51, 52].

Но анализ этнической структуры заключенных ИТЛ выявляет, что наивысшая интенсивность репрессий (измеряемая соотношением удельного веса лиц определенной национальности среди заключенных лагерей к удельному весу лиц данной национальности в населении страны) пришлось на белорусов. Так, по расчетам Л. Л. Рыбаковского коэффициент интенсивности репрессий белорусов составлял 1,70, русских – 1,10, украинцев – 0,96, евреев – 0,81, народов Казахстана и Средней Азии – 0,69, народов Кавказа – 0,65, других народов СССР – 0,71 и народов других стран – 0,52 [54, с. 43, 50].

Диссертационное исследование В. А. Йоюса о миграционных процессах белорусского населения за межвоенный период (1924–1941) в Поволжье, Урал, Восточную Сибирь, на Дальний Восток, Еврейскую автономную область (Биро Биджан), Крым, Карелию выявило более высокие масштабы миграции: в 1920-е гг. более 400 тыс. и в 1930-е гг. более 700 тыс. В этой численности в плановом (оргнаборе) порядке за этот период было переселено 270 тыс. Еще около 408,3 тыс. белорусских крестьян за 1923–1930 гг. самостоятельно уезжали за пределы БССР на заработки на шахты Донбасса [55, с. 13–16]. Проблемы обустройства переселенцев, сложные природно-климатические и хозяйственные (недостаток финансирования, изменение концептуальных подходов государства) условия, формальное отношение к запросам переселенцев, неготовность к переменам в хозяйственной деятельности переселенцев этнических евреев (к ведению сельского хозяйства) сказались на низкой их приживаемости. Значительная часть этих мигрантов (переселенцев и отходников) пополнили ряды такого широко распространенного вида миграции, как текучесть кадров, ставшей важнейшей социально-экономической проблемой эпохи советской индустриализации.

Начало Второй мировой войны, затем освободительный поход Красной армии в Западную Беларусь и на Западную Украину в конце

1939 г. позволили присоединить к Беларуси большую часть Белостокского воеводства. Виленский же район Советским правительством был «подарен» Литве. Территория Беларуси составила 225,7 тыс. км² (ныне – 207,6 тыс. км²) с численностью населения 10 454,9 тыс. человек, численность которой Белорусская ССР больше никогда не достигала.

После воссоединения западных и восточных земель Беларуси и Украины встала проблема определения границ присоединенных западных земель. Руководивший в то время Украиной Н. С. Хрущев ходатайствовал об установлении границ воссоединенных западных территорий между Беларусью и Украиной по реке Припять. Для решения этой проблемы И. В. Сталин пригласил на беседу Н. С. Хрущева и П. К. Пономаренко. Доказательства белорусского руководителя П. К. Пономаренко, опиравшегося на дореволюционные научные исследования о распространении белорусского языка и этноса, опиравшиеся на материалы Всероссийской переписи населения 1897 г., И. В. Сталин считал более убедительными. Как говорит молва (эту версию автор слышал в 1975 г. от Александра Александровича Чижова, заслуженного экономиста Белорусской ССР, проработавшего 34 года в должности заместителя, первого заместителя председателя Госплана БССР), Сталин сказал: «Слушай, Никита, а ведь доводы Пантелеймона крепче твоих, – и, выдержав паузу, спросил: – Скажи, Никита, наверное, тебе лес нужен? – и, получив у замямлившего Хрущева утвердительный ответ, добавил: – Дадим тебе немного белорусского леса». Затем он провел на карте красным карандашом кривую линию, установив современную границу между западными белорусскими и украинскими землями.

В предвоенный период миграция населения Беларуси была вызвана прежде всего политическими обстоятельствами. С территории бывшей Западной Беларуси десятая часть населения была депортирована в Сибирь, Поволжье, Казахстан и Коми АССР. Так, после присоединения к Беларуси осенью 1939 г. западных территорий с января 1940 г. 177,0 тыс. населения Западной Беларуси было выслано в восточные и северные районы Советского Союза. Их национальный состав был следующий: 96 593 поляка, 59 031 еврей, 9 334 украинца, 9 084 белоруса, 271 немец и 2 790 лиц других национальностей [56, с. 46]. Зарубежные исследователи оценивают миграционные потери только Западной Беларуси за эти полтора года почти в 300 тыс. человек [44, с. 151].

Доминировавшее до 1939 г. в западной части Беларуси польское присутствие сменилось усилением белорусского и русского влияния.

Начинается интенсивный миграционный приток прежде всего русских военнотружущих на территорию Западной Беларуси, что создавала иную социокультурную реальность, причем реальность противоречивую. Слушая впечатления коренных жителей Западной Беларуси о взаимоотношениях с вновь прибывшей элитой, много слышал историй, как щеголяли вечерами по городу, паркам и другим общественным местам жены русских военных – в кружевных длинных ночных сорочках или комбинациях, купленных в местных магазинах.

Следует отметить, что политические, демографические тенденции в Западной Беларуси и на Западной Украине после их присоединения к СССР существенно отличались, ибо территория Западной Беларуси и в дореволюционное время была частью России. А большинство территорий Западной Украины в дореволюционный период находились во владении Австро-Венгерской империи. Это существенное различие во многом объясняет современные проблемы украинского социума и антирусскую настроенность, характерную для Западной Украины. А это уже разные социумы, что выражается в резком противостоянии на Украине Запада и Востока, а также в определенной степени населения Западной Украины этнических русских.

Годы Великой Отечественной войны с демографических позиций характеризовались не только гибелью «каждого четвертого» (или даже третьего) белоруса, но и полуторамиллионной численностью эвакуированных из восточной части Беларуси на восток СССР [57, с. 646]. Однако некоторые зарубежные и белорусские историки считают эту величину слишком преувеличенной, как они считают преувеличенными и потери белорусского народа в Великой Отечественной войне. Критически они относятся и к данным о полумиллионной мобилизации из Беларуси в Красную армию [44, с. 151].

Кроме этого по официальным данным 380 тыс. человек были насильственно вывезены на работы в Германию [58, с. 32]. Российские ученые приводят данные о численности репатриированных белорусов, численность которых больше этих официальных данных – 385,9 тыс. человек [59, с. 160]. Но это численность репатриированных, а с учетом того, что не все насильственно вывезенные на работу в Германию выжили, а кроме того среди угнанных в Германию из Беларуси были и представителями других национальностей, то, вероятно всего, численность угнанных в Германию была значительно больше этой величины. На начало 1945 г. после Второй мировой войны на территории Беларуси находился 73 941 беженец, в том числе из них: 65 796 евреев, 4 290 поляков, 1 703 белорусов, 577 русских, 169 украинцев и 1 396 человек представителей других национальностей.

Великая Отечественная война, как и предшествующие войны и революции, изменили политическую карту Европы и отношения как в мире, так и стране. Миграционные процессы Беларуси послевоенного времени обусловлены, во-первых, возвращением значительной части эвакуированного населения; во-вторых, дислоцированием на территории Белорусской ССР воинских частей после их вывода из ряда европейских стран и приживаемостью на белорусской земле демобилизованных солдат и офицеров; в-третьих, приездом квалифицированных специалистов для восстановления уничтоженной войной экономики; в-четвертых, обменом населением между Польшей и Советским Союзом после новой демаркации польско-советской границы.

Это значит, что после 1917 г. важным фактором изменения численности населения Беларуси и миграционных процессов становятся геополитические факторы, вызвавшие многочисленные территориальные преобразования – уменьшение или увеличение территории Беларуси. Последние крупные территориальные преобразования связаны с переделом по результатам Второй мировой войны. С точки зрения миграции переселение за пределы тогдашней Белорусской ССР было в большей степени недобровольным. Впрочем, это касалось всех регионов тогдашнего Советского Союза.

Самое значительное эмиграционное движение в Беларуси послевоенного времени (тогда Белорусской ССР) было связано с упорядочением границ между Беларусью и Польшей, точнее передачей Польше Белостокского воеводства, на территории которого проживала значительная часть белорусского населения. Хотя семь районов Белостокской области с Белостоком и три района Брестской области к Польше перешли в августе 1945 г., но взаимное переселение белорусов из Польши в Белорусскую ССР и, наоборот, тех, кто считал себя поляками, из БССР в Польшу началось еще в сентябре 1944 г.

На территории Белостокского воеводства, согласно учету населения, проведенному в 1944 г., проживало 821 892 поляка, 127 361 белорус, 2 738 литовцев, 421 еврей, 281 украинец и 783 лица других национальностей. По состоянию на ноябрь 1944 г., когда начался процесс переселения, в Белостокском воеводстве было учтено 115 550 белорусов. Однако зарегистрировалось на выезд только около одной трети – 34 173 человека, а фактически переехало в БССР еще меньше – 27 409 человек. Всего же переехало к концу 1946 г. из Белостокского воеводства в белорусскую часть СССР 36 388 человек. Это не только белорусы, но и русские, украинцы, литовцы и представители других этнических групп, переселенные не только в Беларусь, но и в другие регионы СССР. Хотя следует отметить, что сведения об общей численности,

переселенных из этих регионов, постоянно уточняются. Но с точки зрения миграционных процессов приведенные данные свидетельствуют о большой интенсивности миграционного движения населения в этих регионах в послевоенный период, а также о том, что миграционное движение заложило основу для эмиграции и иммиграции в последние десятилетия XX в.

Белосток и прилегающие к нему земли входили в Российскую империю. Здесь находился штаб Западных войск России, так как этот город находился на территории, собственно, Российской империи, а не Польши. В 1918 г. Антанта передала этот регион воссозданной Польше. В 1939 г. под ликование жителей этого региона область воссоединилась с СССР в составе БССР. Историческая граница до этого между Королевством Польским и русскоговорящим Литовским княжеством, позже целиком вошедшим в состав Российской империи, проходила за старинным городком Хорош, расположенным в 15 км к западу от Белостока, который являлся самым западным населенным пунктом исторических русских рубежей в составе Литовского княжества.

В сентябре 1944 г. по договору Белосток и окрестности передали обратно новой Польше и начали (добровольно-принудительный) обмен населением приграничных территорий. Этнические белорусы должны были выехать в советскую часть Беларуси, поляки из Беларуси – в Польшу. Но полностью обмен не был осуществлен, так как, во-первых, здесь невозможно было определить национальность, и, во-вторых, этническое расселение по обеим сторонам белорусско-польской границы довольно пестрое. Главным отличительным признаком было конфессиональное различие – в городе мирно уживались и католические и православные святыни. А население Белостока говорило на польском языке с красивым белорусским акцентом.

Миграция белорусского и польского населения на основе соглашения 1944 г. между СССР и Польским комитетом национального освобождения и августовского 1945 г. договора о советско-польской границе по линии Керзана характеризуется самыми большими масштабами его переселения в истории Беларуси в пользу Польши. Изменение государственной границы затронуло национальные интересы Беларуси, так как к Польше отходило по сравнению с 1939 г. 17 районов Белостокской области с Белостоком и три района Брестской области. Современные белорусские исследования [60, с. 11–13] на основе данных польской статистики и белорусских архивов, историко-документальных хроник «Память» показывают, что в соответствии с соглашением, достигнутым на Тегеранской конференции 1943 г. о переселении в Польшу тех поляков, которые не пожелают оставаться на

территории районов Белорусской ССР, первоначально зарегистрировалось 535 284 человека, в том числе: в тогдашней Гродненской области – 192 859 человек, Молодечненской – 101 241, Барановичской – 99 955, Полоцкой – 73 077, Брестской – 46 311 и Пинской области – 21 841 человек. Всего же численность отъехавших в Польшу на согласованную (16 июня 1946 г.) дату переселения составила 231 152 человека (43,2%), в том числе: из Гродненской области – 67 118 человек, Барановичской – 49 788, Молодечненской – 42 525, Брестской – 33 064, Полоцкой – 22 797 и Пинской области – 15 870 человек.

В связи с тем, что процент переселенцев из белорусских земель оказался малым (43,2%), в том числе по Брестской области – 77,4%, Пинской – 72,7, Барановичской – 49,8, Молодечненской – 42,0, Гродненской – 34,8 и Полоцкой – 31,2%, по инициативе польской стороны время переселения было продлено до конца 1946 г. За этот период зарегистрировалось и выехало в Польшу еще 7 630 человек, т. е. общая численность переселенцев с территории Западной Беларуси в польские западные и северные (Вроцлавское, Гданьское, Познанское и Щетинское) воеводства составила 238 782 человек из 542 914 зарегистрированных, или 44,0%.

Польские власти, проводившие политику создания мононационального польского государства и поощрявшие террор со стороны польского подполья и даже случаи убийства 8 и 15 раненных уполномоченных, а сами белорусы Белосточчины рассматривались в качестве нежелательных элементов, вынуждали к выселению белорусов. Кроме этого свыше 500 белорусов стали жертвами польского подполья и более тысячи семей были ограблены при переезде в БССР [60, с. 14].

По не совсем полному учету этнических белорусов (которым было выявлено немногим более 130 тыс. человек) считалось, что планируют переселиться в БССР около 70 тыс. хозяйств. Но тем не менее довоенная социально-экономическая, общественно-политическая и конфессиональная политика в присоединенных к БССР этнических белорусских территориях сформировала у значительной части белорусов больше нежелание переселяться. Главным образом перемене желания переселяться были для единоличного крестьянства принудительные коллективизация и оргнаборы. Этому содействовали и недоверие к советскому образу жизни, привязанность к своей собственности, родственные связи, негативное отношение местной православной церкви, которая отговаривала верующих от переезда. В результате переселилось в БССР около 12% (8 220) хозяйств с общей численностью 27 808 человек, что почти в 8,6 раза меньше, чем в польском направлении. Социальный состав переселенцев из Польши в БССР

представлен беднейшей частью единоличного крестьянства, не видевшей для себя экономических перспектив оставаться в Польше, активные участники социалистических преобразований на Белосточчине в 1939–1941 гг., часть бывшего советского, партийного, комсомольского и профсоюзного актива, партизанского и подпольного движения, которому из-за угроз польского подполья оставаться в Польше стало опасно.

Наибольшая часть белорусов выехала из Белостокского, Бельского и Сокольского уездов Белостокского воеводства. Большинство из них расселились в соседних тогдашних областях: Барановичской – 2 197 хозяйств, затем в Гродненской – 1 694, Молодечненской – 1 381 и Пинской области – 483.

В течение двух десятков лет после освобождения страны от фашистского нашествия Беларусь характеризовалась высокой интенсивностью миграционного движения населения. Механический прирост населения тогдашней Белорусской ССР за 1944–1948 гг. составил 959,4 тыс. человек. Однако с 1949 г. миграционное движение населения Беларуси уже стало отрицательным: за 1949–1965 гг. отрицательное сальдо (межреспубликанской) миграции Беларуси значительно превысило механический прирост за послевоенные три с половиной года, принеся миграционные потери республике в 1 154,6 тыс. человек. Это не только мигранты, прибывшие для освоения целинных земель в Казахстане, но и выехавшие для колонизации восточно-прусских земель (Калининградская область), заселение Северо-Запада СССР (Карельская АССР и Архангельская область). Наибольшие миграционные потери в это двадцатилетие пришлось на 1951–1955 гг. За это пятилетие отрицательное сальдо миграции составило почти половину миграционных потерь Беларуси двадцатилетнего периода – 546,6 тыс. человек. Отрицательное сальдо миграции Беларуси в 1956–1960 гг. составило 347,9 тыс. человек, а в 1961–1965 гг. – 170,7 тыс. человек [43, с. 13].

Военные годы сказались и на переселенческих (миграционных) процессах послевоенного двадцатилетия, в течение которых население Беларуси являлось донором развития производительных сил в качестве внутрисююзного перераспределения трудовых ресурсов создания новых промышленно-энергетических и сельскохозяйственных центров Восточной и Западной Сибири, Урала и Дальнего Востока, Карельской АССР, Калининградской области, Крыма и Казахстана. При этом при переселении рабочей силы из БССР не учитывались интересы собственного социально-экономического развития Беларуси и внутренние ее потребности в трудовых ресурсах.

В результате осуществления переселенческой политики (оргнабора, общественного призыва на крупнейшие стройки страны, освоения целинных и залежных земель, союзного распределения выпускников вузов, техникумов и училищ) безвозвратный выезд наиболее трудоспособного и высококвалифицированного демографического потенциала в 1946–1965 гг. по исследованиям Н. В. Барабаш составил 1 172 841 человек [61, с. 18].

Выделяются два вида переселения: сельскохозяйственное и промышленное. Всего за 20 лет (1946–1965) в процессе сельскохозяйственного переселения из БССР выбыло около 96 тыс. семей. Оно было направлено на заселение территорий, отошедших к СССР после Второй мировой и Великой Отечественной войны, восстановление разрушенного войной сельского хозяйства, создание зерновой, животноводческой и овощной баз в районах Европейского Севера, Казахстана, Восточной и Западной Сибири, Урала и Дальнего Востока. Аграрный сектор Калининградской области с 1946 до конца 1950-х гг. принял более 30 тыс. переселенцев из Беларуси. Значительно меньшие масштабы белорусов в сельскохозяйственном переселении в центральных регионах РСФСР, Карелии, Сибири и Дальнего Востока, которые в 1946–1954 гг. приняли 21 454 семьи из БССР. В рамках общественного призыва по освоению целинных и залежных земель Казахстана, Сибири, Урала с 1954 г. переселилось из Беларуси: в Казахстан – 42 996 семей (171 984 человека), в Восточную и Западную Сибирь, Урал – более 7 тыс. семей. В первый год (1954) целинной кампании из Беларуси на освоение целины выехало свыше 4 тыс. юношей и девушек. В 1955 г. свыше 90 тыс. белорусских посланцев участвовали в уборке урожая. Широко практиковалась сезонная миграция в виде летних студенческих строительных отрядов.

С середины 1950-х гг. осуществлялось промышленное переселение, главным образом, через восстановленный в 1947 г. организованный набор рабочих и пропагандируемые с 1954 г. общественные призывы. Основными направлениями оргнаборов являлись предприятия лесной и бумажной, угольной, горнорудной, металлургической промышленности, Министерства путей сообщения, рыболовецкие хозяйства, стройки ГЭС Карелии, Архангельской, Пермской, Томской и Тюменской областей, Красноярского и Хабаровского краев, Дальнего Востока. В 1956–1966 гг. на ударные стройки Сибири, Крайнего Севера, Заполярья и Дальнего Востока (строительство Братской, Саяно-Шушенской, Усть-Илимской, Сургутской и Красноярской ГЭС, стройки предприятий горной промышленности, Министерства путей сообщения, Карагандинского угольного бассейна, Омсктранстроя,

Турксибтрансстрой) из Беларуси по оргнабору выехало около 100 тыс., а по общественным призывам более 250 тыс. юношей и девушек. Всего за 1946–1965 гг. в рамках организованного набора рабочих за пределы Беларуси выбыло 536 889 человек.

Это ослабляло трудовые ресурсы республики, которая сама стала испытывать напряженность на рынке труда, экономика которой столкнулась с ростом текучести кадров. При этом и на местах вселения мигрантов из Беларуси ощущались проблемы их адаптации, связанные с особенностями природно-климатических условий, недостаточных возможностей местных властей обеспечить прибывшее население социальной инфраструктурой. Согласно выводам Н. В. Барабаш, особенно «проблемными регионами для переселенцев-белорусов были Карельская АССР, Томская и Тюменская области. Без значительных проблем белорусы закреплялись в Калининградской области, что являлось отражением территориальной близости этого региона к БССР, схожестью природно-климатических условий, предоставлением работы, наличием жилья». Из менее благоприятных регионов переселения, где переселенцам не предоставлялись необходимые социально-бытовые условия жизни, обещанных работ по специальности и заработной платы, льгот, кредитов и т. д., значительная часть белорусских переселенцев возвращалась в БССР.

Есть еще один существенный миграционный аспект Великой Отечественной войны – использование труда по восстановлению экономики Беларуси немецких военнопленных, количество которых после июля 1944 г. исчислялось десятками тысяч. 4 июня 1945 г. Государственным комитетом обороны СССР было принято постановление «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных», т. е. те, кто разрушал, должны и восстанавливать. Только на территории Гомельской области рабочая сила из военнопленных была распределена следующим образом: на восстановление железной дороги – 1 100 военнопленных; завода «Гомсельмаш» – 800 человек; стеклозавода имени И. В. Сталина (ныне имени М. В. Ломоносова в г. п. Костюковка) – 400 человек; кирпичного завода № 17 в Гомеле – 300 человек; домостроительного комбината в Речице – 500 человек; обособленного комбината в Новобелице – 500 человек; станкостроительного завода имени С. М. Кирова – 400 человек.

Всего военнопленных на восстановлении промышленных и гражданских объектов только Гомельщины было задействовано до 12 тыс. человек в лагере для военнопленных № 169. Кроме того, из состава бобруйского лагеря № 56 использовался труд пленных в Жлобине и

Калинковичах на восстановлении железнодорожной инфраструктуры. На конец апреля 1946 г. в гомельском лагере военнопленных № 169 насчитывалось 7 170 человек. Число военнопленных пополнялось за счет интернированных из Германии трудоспособных лиц, из которых в Гомеле и Мозыре были созданы батальоны для работы на заводах и стройках. Среди них были и советские граждане, в годы войны добровольно поступившие на службу к немцам. В 1946 г. в гомельском лагере их содержалось 118 человек (84 человека – уроженцев Западной Украины, 21 – прибалтийцев и 13 – представителей других союзных республик). Кроме того, в их числе были и венгры (мадьяры), румыны и австрийцы.

С 1948 г. началась их репатриация – сначала нетрудоспособных и больных. К концу 1949 г. в БССР осталось три лагеря для военнопленных с численностью до 10 тыс. человек, а к маю 1950 г. осуществлена окончательная репатриация немецких военнопленных. На территории СССР оставались только осужденные за тяжкие военные преступления – 9 717 человек и подследственные по этим делам – 3 815 человек, которые в сентябре 1955 г. после визита в Советский Союз канцлера Федеративной Германии Конрада Аденауэра были также репатрированы [62].

В этом плане в год исторической памяти следует отметить существенные различия в содержании советских военнопленных и интернированных советских граждан в германском плену и немецких военнопленных и интернированных в СССР. Если советские военнопленные содержались в нечеловеческих условиях, то в отношении немецких военнопленных соблюдались международные обязательства. На последних распространялось трудовое законодательство по режиму и охране труда. Офицеры привлекались к работе с их согласия. За превышение норм выработки работающим военнопленным полагалось дополнительное питание. Им также выплачивалось денежное довольствие, выдавалась обувь и одежда, разрешалась переписка с родственниками и получение посылок. Фельдмаршал Фридрих Паулюс позже писал, что русские дети не видели куска сахара в отличие от его плененных солдат.

Последствия этих миграционных процессов сказались на современной демографической ситуации России, Беларуси и Украины.

3.2. Помнит поименно Беларусь

Как каждый человек является продуктом, результатом окружающей его социальной и природной среды, так и страна, в том числе и Беларусь, является продуктом исторического процесса, который в итоге сформировал ее народ. И то, что кажется, что личность является результатом его собственного внутреннего развития, на самом деле представляет ее видимость. Это, если воспользоваться категорией Платона, представляет тень реальности. В данном разделе представлены выдающиеся военные личности периода Великой Отечественной войны, родившиеся на белорусской земле и прославившие ее. Также упомянуты и временные мигранты, чей след остался в истории борьбы за Беларусь.

Их десятки тысяч личностей многих времен – это и политики, и ученые, и деятели искусства, и спортсмены. Но в преддверии 80-летия Великой Победы выделим полководцев, чей выдающийся талант раскрылся в годы Великой Отечественной войны. Белорусская земля гордится именами Маршалов Советского Союза, маршалов родов войск – авиации и артиллерии, генералов армии, генерал-полковниками и генерал-лейтенантами. Из них двое (К. К. Рокоссовский и В. Д. Соколовский) командовали фронтами, 8 были начальниками штабов фронтов, 24 – командующими армиями, одного из основных и наиболее многочисленных звеньев оперативного руководства войсками. Более 50 белорусов и уроженцев Беларуси были командирами корпусов, 152 – командирами дивизий и бригад различных видов и родов войск, в том числе и 28 адмиралов. Свыше 100 генералов и адмиралов наших земляков были удостоены полководческих орденов Суворова, Кутузова, Хмельницкого, Ушакова, Нахимова, продолжая их традиции.

Основой материалов данного раздела является информация из сайтов Википедии, а также публикации А. А. Ковалени, Б. Д. Долготовича, Д. А. Козел и Д. Н. Хромченко (См.: Коваленя А. А., Долготович Б. Д., Хромченко Д. Н. С верой в Победу. Беларусь в Великой Отечественной войне. Минск, 2010; Долготович Б. Д., Козел Д. А. Командный состав Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): генералы (адмиралы) – белорусы и уроженцы Беларуси : пособие. Минск, 2018; Долготович, Б. Д. Почетные граждане белорусских городов : биопр. справ. Минск, 2008).

Среди 12 тыс. Героев Советского Союза белорусская земля дала около полутысячи (494 человек) героев. Они сражались не только в Беларуси, но и на всех фронтах Великой Отечественной войны, во

всех видах войск – наземных, воздушных и морских. Почти каждый шестой из них (87 человек) стал героем, защищая белорусскую землю от фашистской напасти, сражаясь в партизанских отрядах и в подпольном движении. Они защищали ее как рядовыми бойцами, так и на полководческом уровне.

До 1940 г. генералов и адмиралов в Красной армии не было: революция упразднила эти высокие звания. Угроза войны заставила руководство страны и Вооруженных сил Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) вернуть их. 7 мая 1940 г. были установлены генеральские и адмиральские звания. Всего тогда в стране было присвоено 982 генеральских и 74 адмиральских званий, в числе которых 85 человек были уроженцами Беларуси. Из состава генералитета Красной армии звание Героев Советского Союза получили 8 человек, командовали фронтами 2 белоруса, 23 генерала командовали армиями, 8 белорусских генералов 1940 г. возглавляли штабы фронтов, а один из них (А. И. Антонов) в конце Великой Отечественной войны руководил Генеральным штабом РККА.

Среди них самое высокое тогда звание генерал-лейтенантов сухопутных войск было присвоено пяти военачальникам, из которых позже Маршалом Советского Союза стал Соколовский Василий Данилович. Кроме них звание генерал-лейтенанта артиллерии было присвоено еще одному белорусу – Мышкову Константину Романовичу. Среди уроженцев Беларуси, кто перед Великой Отечественной войной получили звание генерал-майоров, наиболее известными являются Антонов Алексей Иннокентьевич, ставший впоследствии генералом армии и возглавлявший в 1944–1945 гг. Генеральный штаб РККА, и Власик Николай Сидорович (1896–1967), генерал-лейтенант, начальник Главного управления охраны Министерства государственной безопасности СССР, личный телохранитель И. В. Сталина.

Кроме того, 61 человек из числа наших генералов-земляков руководили боевыми действиями крупных армейских соединений – корпусами, и 152 генерала-земляка командовали дивизиями и бригадами. Поистине золотой фонд полководцев отечества составляли уроженцы Беларуси.

Вместе с тем, кроме уроженцев белорусской земли, необходимо отметить и ряд выдающихся советских военачальников, чья служба в довоенное и послевоенное время связана с Беларусью. Это Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, М. В. Захаров и К. К. Рокоссовский.

Жуков Георгий Константинович (1896–1974), Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов

Победы. С марта 1933 г. командовал 4-й кавалерийской дивизией в Белорусском военном округе, а с июля 1938 г. по август 1939 г. до перевода в Монголию возглавлял 1-ю армейскую группу советских войск – заместитель командующего Белорусского особого военного округа.

Захаров Матвей Васильевич (1896–1972), Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, начальник Высшей военной академии Генерального штаба, начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР, профессор. С июля 1928 г. по февраль 1936 г. – на штабной работе в Белорусском военном округе, возглавлял оперативный отдел штаба округа, в феврале–октябре 1936 г. – командир стрелкового полка, дислоцированного в Бобруйске.

Рокоссовский Константин (Ксаверьевич) Константинович (1896–1968), Маршал Советского Союза и Маршал Польской Народной Республики, дважды Герой Советского Союза, кавалер ордена Победы, родился по одним данным в г. Великие Луки Псковской губернии, по другим данным – в Варшаве (что более вероятно и связано и с послевоенной его службой), по третьим – в деревне Телеханы (ныне – городской поселок) Брестской области, что также связано с белорусско-польской историей.

В 1930–1932 гг. – командир 7-й Самарской кавалерийской дивизии в Белорусском военном округе. Командующий Центральным фронтом, который в октябре 1943 г. был переименован в 1-й Белорусский фронт, ставший ведущим в освобождении Беларуси в выдающейся операции Второй мировой войны «Багратион». Штаб фронта находился в г. Гомеле. Он единственный в истории СССР маршал двух стран: Маршал Советского Союза (1944) и Маршал Польши (1949). К. К. Рокоссовский командовал Парадом Победы 24 июня 1945 г. на Красной площади в Москве.

Отметим не случайность дат 22, 23 и 24 июня. Первая дата 1941 г. – день нападения фашистской Германии на Советский Союз, первые удары которой приняла белорусская земля. Вторая дата – 23 июня три года спустя как ответ на 22 июня – начало самой крупной в истории мировых войн операции «Багратион», начало полного освобождения белорусской земли. И июньская дата 1945 г. как салют героической борьбе советского народа, великой победе – Парад Победы.

Именем Рокоссовского названы улицы в Гомеле и Минске. В Гомеле на доме на пересечении улиц Украинской и Рокоссовского, где находился штаб 1-го Белорусского фронта, установлена памятная доска. Также настенное изображение (мурал) великого маршала размещено на одном из домов по улице Ильича.

Соколовский Василий Данилович (1897–1968), Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, родился в деревне Козлики Белостокского уезда Гродненской губернии (ныне – гмина Заблудив Подлясского воеводства).

Во время Берлинской операции был заместителем командующего 1-м Белорусским фронтом. На историческом Параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 г. возглавлял сводный полк 1-го Белорусского фронта. Наш земляк, помимо звания Героя Советского Союза и восьми орденов Ленина, больше всех военачальников удостоен самых высших полководческих наград Советского Союза – по три ордена Суворова I степени и ордена Кутузова I степени.

Якубовский Иван Игнатьевич (1912–1976), Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, командующий Киевским военным округом и Группой советских войск в Германии (ГСВГ), родился в деревне Зайцево Горецкого района Могилевской области.

Окончил Белорусскую объединенную школу им. М. И. Калинина, служил в Белорусском военном округе (Витебск, Лепель), преподавал в Пуховичском пехотном училище, участвовал в освободительном походе Красной армии в Западной Беларуси в сентябре 1939 г. Великую Отечественную войну встретил в звании капитана, закончил в звании генерал-майора танковых войск. В послевоенное время дослужился до должности заместителя Министра обороны СССР.

Красовский Степан Акимович (1897–1983), маршал авиации, Герой Советского Союза, во время Великой Отечественной войны командующий различными военными соединениями, в том числе 2-й воздушной армии (эпизоды женского полка «ночных ведьм» которой легли в основу фильма «В бой идут одни старики»), родился в деревне Глухи Быховского района Могилевской области, куда по пути на Парад Победы прилетел на личном самолете.

Военную карьеру начал в 1915 г. в должности начальника радиостанции 25-го корпусного авиационного отряда, дислоцировавшего в г. Вилейке. В 1950–60 гг. возглавлял Военно-воздушную академию СССР.

Михалкин Владимир Михайлович (1927–2017), маршал артиллерии, последний маршал, которому присвоено это звание, командующий ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск СССР (1983–1991), родился в Бобруйске. Родители родом из Санкт-Петербурга, отец профессиональный военный (генерал-полковник артиллерии), часто переезжал с семьей по месту новой службы, где в Бобруйске и родился будущий маршал артиллерии.

Пстыго Иван Иванович (1918–2009), маршал авиации, Герой Советского Союза, командующий Военно-воздушных сил (ВВС) ГСВГ,

командующий 6-й воздушной армией, начальник Центральной инспекции безопасности полетов авиации Вооруженных сил СССР, белорус, родился в Башкирии (Уфимская губерния). Родители – выходцы из белорусских крестьян.

Особенно отметим полководческий талант **Антонова** Алексея Иннокентьевича (1896–1962), генерала армии, начальника Генерального штаба РККА, кавалера ордена Победы, родившегося в Гродно. Во всех анкетах он указывал свою национальность кряшен (татарского происхождения). Его отец и дед, дворяне, были профессиональными военными, вместе с ними он в детстве переехал на Украину.

Он единственный из 17 полководцев, награжденных орденом Победы, не являющийся маршалом. Он последователь крупнейшего военного теоретика в СССР Владимира Кириаковича Триандафилова, автора военной теории глубокой операции – одновременного удара по противнику с охватом его обороны с двух сторон путем взаимодействия всех средств борьбы. Ему единственному среди кавалеров ордена Победы не было присвоено звание Героя Советского Союза, в то время как Г. К. Жуков дважды кавалер ордена Победы был четырежды удостоен звания Героя. Дважды звания Героя Советского Союза были удостоены кавалеры ордена Победы Маршалы Советского Союза А. М. Василевский и К. К. Рокоссовский. В то же время генерал армии А. И. Антонов как начальник Генштаба РККА дважды удостоен самой высокой полководческой награды – ордена Суворова I степени, сколько и Г. К. Жуков.

Горбатов Александр Васильевич (1891–1973), генерал армии, Герой Советского Союза.

В сентябре 1937 г. был отстранен от должности «за связь с врагами народа». В марте 1938 г. был восстановлен и назначен заместителем командира кавалерийского корпуса, но в октябре 1938 г. был снова арестован. Освобожден после пересмотра дела в марте 1941 г. В апреле того же года был назначен заместителем командира стрелкового корпуса. В начальный период Великой Отечественной войны корпус был передислоцирован на Западный фронт, где в начале июля 1941 г. под Витебском вступил в бой.

Александр Васильевич в 1968 г. стал почетным гражданином города Гомеля. В областном центре ему посвящен мурал на фасаде дома по проспекту Космонавтов. Его именем названы в Беларуси улицы в Волковыске, Гомеле, Минске, Осиповичах, Рогачеве и Свислочи. Горбатову посвящен художественный фильм «Генерал» с Владимиром Гостюхиным в главной роли.

А. В. Горбатов является почетным гражданином Гомеля, Брянска и Орла, его именем названа одна из улиц города Рогачева Гомельской области.

Гусаковский Иосиф Ираклиевич (1904–1995), генерал армии (1966), дважды Герой Советского Союза, командующий Прикарпатским военным округом, родился в деревне Вородьково Кричевского района (ранее – Чериковского уезда) Могилевской области, позже семья переехала в Могилев.

В годы большого террора уволен из РККА, мигрировал на Донбасс, где работал сначала инспектором облпотребсоюза, затем инспектором военизированной охраны на угольной шахте. В апреле 1941 г. был восстановлен в рядах РККА и назначен адъютантом (тогдашнее название современной должности начальника штаба) танкового батальона. Начав в годы Великой Отечественной войны в звании лейтенанта, дослужился до полковника, стал дважды Героем Советского Союза. За мужество и героизм при штурме Берлина Гусаковский в третий раз был представлен к званию Героя Советского Союза, но его наградили всего лишь орденом. На фронтах войны сражались и пять его братьев, младший из которых погиб в марте 1945 г.

Иванов Семен Павлович (1907–1993), генерал армии, Герой Советского Союза, с марта 1946 г. по ноябрь 1948 г. – начальник штаба Белорусского военного округа. В начале Великой Отечественной войны в качестве начальника оперативного отдела 13-й армии организовывал оборонительные бои под Молодечно, Минском и Могилевом. Родился в приграничном с Беларусью Смоленском районе.

Ивановский Евгений Филиппович (1918–1991), генерал армии, Герой Советского Союза, Главнокомандующий ГСВГ и командующий Белорусским военным округом, родился в местечке Черее, ныне Чашникского района Витебской области. Главнокомандующий Сухопутными войсками СССР – заместитель Министра обороны СССР.

В 1939 г. участвовал в освободительном походе Красной армии в Западную Белоруссию. Летом 1944 г. отличился в наступательной операции в составе войск 2-й танковой армии 1-го Белорусского фронта.

В Витебске и Слуцке его именем названы улицы, в Чашниках установлен стенд на Аллее Славы. В Витебске в микрорайоне Билево одной из школ присвоено его имя.

Ивашутин Петр Иванович (1909–2002), генерал армии, Герой Советского Союза, родился в Бресте в семье железнодорожника Ивана Ивашутича, но в начале 1930-х при оформлении в Иванове-Вознесенске его фамилия превратилась в Ивашутин. Руководитель

органов государственной безопасности и военной разведки – ГРУ СССР.

Маргелов Василий Филиппович (1908–1990), генерал армии, герой Советского Союза, создатель и командующий Воздушно-десантных войск (ВДВ), родился в Екатеринославле (позже – Днепропетровск, ныне – Днепро), белорус, из семьи белорусских крестьян, перебравшихся в Екатеринославль. У его отца была фамилия Маркелов (от имени Маркел), но у сына из-за ошибки в партбилете она превратилась в Маргелов. Когда Василию было 5 лет, семья вернулась на родину отца – в местечко Костюковичи Климовского уезда Могилевской губернии; мать родом из соседнего Бобруйского уезда Минской губернии. Окончил Объединенную Белорусскую военную школу им. М. И. Калинина в Минске.

Во время Великой Отечественной войны имя командира Маргелова было 10 раз упомянуто в благодарственных приказах Верховного Главнокомандующего. На Параде Победы на Красной площади генерал-майор Маргелов командовал батальоном сводного полка 2-го Украинского фронта. В ноябре 1942 г. был назначен командиром 1-го Особого лыжного полка моряков Балтийского флота. Впоследствии, став командующим ВДВ, десантник № 1 добился права для десантников носить тельняшки, но голубого цвета, подчеркивая принадлежность к небу.

Пеньковский Валентин Антонович (1904–1969), белорус, генерал армии, командующий Белорусским военным округом, командующий Дальневосточным военным округом, заместитель Министра обороны СССР по боевой подготовке, родился в Могилеве, окончил Объединенную Белорусскую военную школу имени ЦИК БССР в Минске. Командующий войсками Белорусского военного округа. Скончался в Минске.

В июне 1939 г. был арестован органами Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), в апреле 1940 г. освобожден из-за отсутствия вины. Великую Отечественную войну встретил в должности заместителя начальника Управления ПВО Киевского особого военного округа. Войну с Германией закончил в должности начальника штаба одной из армий, сражавшихся на многих европейских фронтах Великой Отечественной войны под командованием Р. Я. Малиновского. Вторую мировую войну закончил на Дальнем Востоке начальником штаба 25-й армии Приморского военного округа.

Федюнинский Иван Иванович (1900–1977), генерал армии, Герой Советского Союза, почетный гражданин г. Гомеля (1973).

Во время Гражданской войны воевал красноармейцем на Западном фронте. Во время советско-японской войны командовал моторизо-

ванном полком. В начале Великой Отечественной войны командовал стрелковым корпусом, расквартированным в районе Бреста и Ковеля. В 1943 г. командовал 11-й армией и проведением Гомельско-Речицкой (ноябрь 1943 г.) наступательной операции. После войны был первым заместителем (с ноября 1953 г.) Главнокомандующего ГСВГ, позже – командующим Закавказским военным округом.

В Гомеле в 2023 г. в честь И. И. Федюнинского открыт мурал на фасаде дома по улице Советской на пересечении с улицей Федюнинского.

Шавров Иван Егорович (1916–1992), генерал армии, командующий Ленинградским военным округом, родился в деревни Шабуня Витебского района, его именем названа улица в Витебске. Начальник Военной академии Генерального штаба, профессор.

Великую Отечественную войну начал в должности адъютанта (начальника штаба) танкового батальона, зарекомендовал себя умелым штабным работником, закончив войну начальником штаба корпуса. Проявил личный героизм, за что был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза. Но командующий фронтом Ф. И. Толбухин понизил статус награды до полководческого ордена Суворова II степени.

Батюня Александр Григорьевич (1898–1976), генерал-полковник (1958), белорус, родился в деревне Курганы Бобруйского уезда Минской губернии.

Во время Гражданской войны сражался на Западном фронте, командуя сначала взводом, затем ротой и батальоном. Великую Отечественную войну встретил в должности начальника штаба 48-го стрелкового корпуса Одесского военного округа, позже – Южного фронта, где корпус в приграничном сражении по восточному берегу реки Прут отражал наступление румынских войск северо-западнее Кишинева. Был заместителем командующего 6-й армии, которая в мае 1942 г. во время Харьковского сражения попала в окружение, но ей под командованием А. Г. Батюни удалось выйти из него.

Позже, будучи начальником штаба ряда армий Воронежского фронта, разрабатывал планы их боевых действий по освобождению Левобережной Украины, форсированию Днепра в районах населенных пунктов Стайки и Ржищев, а также захвате и удержании плацдармов на правом берегу Днепра. С ноября 1943 г. – заместитель командующего ряда армией 1-го Украинского фронта, а с апреля 1944 г. и до конца войны служил в должности начальника штаба 1-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта, обеспечивая Львовско-Сандомирскую, Восточно-Карпатскую, Западно-Карпатскую и Пражскую наступательные операции.

Вашкевич Владимир Романович (1900–1970), генерал-полковник, родился в местечке Зембин, ныне Борисовского района Минской области.

С марта 1918 г. служил в первом конном полку Могилевской дивизии, принимал участие в советско-польской войне в боевых действиях под Молодечно, Полоцком и Жлобином. В 1935 г. стал комбригом. Великую Отечественную войну встретил в звании генерал-майора командиром дивизии народного ополчения, а по ее окончании был в должности начальника штаба 3-го Прибалтийского фронта. В. Р. Вашкевич относится к небольшой плеяде довоенных генерал-майоров, ставшими генерал-полковниками.

Гастилович Антон Иосифович (1902–1975), генерал-полковник, родился в фольварке Пеньковщина, ныне Воложинского района Минской области.

В годы Гражданской войны участвовал в разгроме повстанцев в Уфимской и Оренбургской губерниях и борьбе с басмачеством в Туркестане, был помощником начальника штаба отдельного батальона. Уже в 1939 г. на Халхин-Голе он станет соратником будущего Маршала Советского Союза Г. К. Жукова – его, как говорят, правой рукой. Его сослуживцем, точнее подчиненным, в Великую Отечественную войну станет полковник, начальник политотдела 18-й армии – будущий генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Великую Отечественную войну А. И. Гастилович встретил начальником штаба 17-й армии Забайкальского военного округа, позже он стал командующим этой армией. С начала 1944 г. в действующей армии – командир 17-го гвардейского стрелкового корпуса 4-го Украинского фронта, которому за отличие при преодолении Карпатских гор присвоено почетное наименование – Карпатский. С ноября 1944 г. А. Гастилович – командующий 18-й армией 4-го Украинского фронта.

Мало кто из советских военачальников был таким высокообразованным, как А. И. Гастилович. Уже в 1938 г. за плечами 35-летнего белоруса были Ленинградская пехотная школа (1924) и две военные академии: Военная академия им. М. В. Фрунзе (1931) и Академия Генерального штаба (1938). В 1939 г. Антону Иосифовичу Гастиловичу было присвоено ученое звание доцента. Курс, который окончил наш соотечественник, впоследствии назовут – маршалским: на нем отучились четыре будущих маршала, шесть генералов армии, восемь генерал-полковников и даже адмирал!

После войны он стал заместителем начальника Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР, доктором военных наук (1957), профессором (1959).

Герчик Константин Васильевич (1918–2001), генерал-полковник, родился в деревне Сороги Слуцкого района Минской области, окончил 2-е Ленинградское артиллерийское училище, в боях Великой Отечественной войны с ее первых дней был командиром взвода, батареи, артиллерийского дивизиона, начальником штаба артиллерийского полка, пушечной артиллерийской бригады на разных фронтах – Брянском, Центральном, 1-м и 4-м Украинских фронтах. С июля 1958 г. – руководитель космодрома «Байконур», где участвовал в организации и проведении летных и летно-конструкторских испытаний первых межконтинентальных и космических ракет.

В октябре 1960 г. произошла авария на одной площадок космодрома, во время которой погиб главный маршал артиллерии М. И. Неделин и около 70 человек. От гибели Герчика спас корпус ракеты, который не позволил пламени от работающих двигателей второй ступени выжечь пространство в непосредственной близости от ракеты. Но Константин Васильевич получил тяжелые ожоги, когда убегал от горящей ракеты.

С 1972 г. – командующий Смоленской ракетной армией.

Гончаров Павел Поликарпович (1900–1970), родился в деревне Тетерино Круглянского района Могилевской области, генерал-полковник медицинской службы, начальник Военно-медицинской академии СССР, доктор медицинских наук, профессор.

Гришин Иван Тихонович (1901–1951), генерал-полковник, Герой Советского Союза, командующий 6-й гвардейской армией в Прибалтийском военном округе, из деревни Внуковичи Рославльского района Смоленской области.

В Великую Отечественную войну войска 49-й армии под его командованием, действуя с апреля 1944 г. в составе 2-го Белорусского фронта, отличились в операции «Багратион». Действовавшая на главном направлении армия под его командованием, прорвав сильно укрепленную оборонительную полосу противника, форсировала реки Проня, Днепр, Друть, Березину, освободила город Могилев, сотни сел и деревень.

После Парада Победы на приеме в Кремле 25 июня 1945 г. Верховный главнокомандующий И. В. Сталин назвал имена выдающихся героев-полководцев Великой Отечественной войны. В этом коротком списке наряду с Г. К. Жуковым, К. К. Рокоссовским, И. С. Коневым, А. П. Белобородовым, П. И. Батовым, И. Х. Баграмяном, А. В. Горбатовым и другими военачальниками было имя командующего 49-й армией, Героя Советского Союза, генерал-полковника И. Т. Гришина. Его имя носят улицы в Могилеве, Белыничах и Быхове.

Добыш Федор Иванович (1906–1980), генерал-полковник (1960), уроженец деревни Коханово Чериковского уезда Могилевской губернии, из крестьян. Участник японо-китайской и советско-финляндской войн. В годы Великой Отечественной войны командовал бомбардировочным авиационным полком, авиационной дивизией на Северо-Западном, Волховском, Калининском, Воронежском, Степном, 1-м и 2-м Украинских фронтах. В Параде Победы 25 июня 1945 г. возглавлял парадную роту батальона летчиков в составе сводного полка 1-го Украинского фронта. Был приглашен в Кремль на прием в честь участников праздничного парада. Один из создателей ракетных войск стратегического назначения (1958), командующий 50-й Смоленской ракетной армией.

Дольников Григорий Устинович (1923–1996), генерал-полковник авиации (1981), Герой Советского Союза (1978), заслуженный военный летчик СССР (1965), уроженец деревни Сахаровка Добровского сельсовета Горецкого района Могилевской области. Обучался в Минском аэроклубе Осоавиахима. В Красной армии с 1940 г. Принимал участие в боевых действиях с 1943 по 1945 г., совершил 160 боевых вылетов, провел 42 воздушных боя, сбил 15 самолетов противника лично и один в паре. Воевал в Египте и Эфиопии. Имеет общий налет более 4 000 ч, освоил более 40 типов самолетов. Прошел все ступеньки командира: от летчика до заместителя Главнокомандующего ВВС СССР. Кандидат педагогических наук.

Является прототипом главного героя повести М. А. Шолохова «Судьба человека» – Соколова. В 1955 г. стал почетным гражданином города Горки Могилевской области.

Жданов Николай Николаевич (1902–1966), генерал-полковник артиллерии (1955), белорус, родился в поселке Онон-Китайский Забайкальской области, куда переехали родители. Участвовал в боевых действиях против войск генерала А. И. Деникина, а также в советско-польской войне и затем против войск генерала С. Н. Булак-Булаховича.

Великую Отечественную войну встретил командиром гаубичного артиллерийского полка, позже возглавлял штаб артиллерии Ленинградского фронта, был командующим артиллерией 67-й армии, командиром контрбатареинного артиллерийского полка. В конце войны стал начальником Главного ракетно-артиллерийского управления. Кандидат военных наук, доцент, член-корреспондент Академии артиллерийских наук.

Камера Иван Павлович (1897–1952), генерал-полковник артиллерии, по документам – белорус, но некоторые историки полагают, что

он – венгр, так как в Первую мировую войну был унтер-офицером австро-венгерской армии. Но имя и отчество, а также хорошее знание русского языка, полученное в семье, не позволяют с этим согласиться. Попав в русский плен, И. П. Камера участвовал в Великой Октябрьской революции, воевал за Советскую власть.

В начале Великой Отечественной войны на базе войск и управления Северо-Кавказского военного округа была создана 19-я армия, начальником артиллерии которой он был назначен. 18–19 июля 1941 г. И. П. Камера потерял связь с армией, возле города Ярцево встретил К. К. Рокоссовского, командовавшего оперативной группой, который предложил ему возглавить артиллерию группы. На этой должности И. П. Камера участвовал в боях за Ярцево. Во время этих боев Рокоссовский и Камера под обстрелом встали во весь рост, личным примером воодушевив советских солдат.

В ноябре 1941 г. И. П. Камера был назначен начальником артиллерии Западного фронта, участвовал в сражениях за Москву, Ржевской и Курской битвах, Смоленской операции. В апреле 1944 г. в ходе Оршанской и Витебской наступательных операций он был обвинен в их неудачах и вместе с начальником разведотдела фронта был снят с должности. К тому времени И. П. Камера тяжело болел, из-за чего ушел в отставку.

Кончиц Владимир Николаевич (1925–2001), генерал-полковник, начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе, командующий Приволжским военным округом, родился в Москве в семье военнослужащего родом из Беларуси – из деревни Кончицы на Пинщине, белорус. Дед его был статским советником, что до революции соответствовало чину генерал-майора.

Его отец в годы Первой мировой войны попал в плен к германцам, но был обменен на офицера кайзеровской Германии. В Великой Отечественной войне участвовали и Владимир и его отец – комбриг Николай, командовавший стрелковой дивизией, освобождал Беларусь. Победу генерал-майор Николай Иванович Кончиц встретил заместителем командира гвардейского стрелкового корпуса.

Владимир Николаевич в рядах Красной армии с 1942 г. в качестве воздухоплователя на аэростатах (таких подразделений в армии было три), выполнив 48 полетов, корректируя с воздуха огонь артиллерии. В последнем полете под Полоцком в операции «Багратион» был тяжело ранен. Победу встретил старшим лейтенантом в должности помощника начальника штаба артиллерии по разведке корпуса. После войны, окончив Военную академию им. М. В. Фрунзе и Военную академию Генерального штаба Вооруженных сил СССР им. К. Е. Воро-

шилова, командовал полком, дивизией, возглавлял штаб Белорусского военного округа и войска Приволжского военного округа.

Корневский Николай Александрович (1910–1978), генерал-полковник, заместитель начальника по информации ГРУ СССР, родился в местечке Дрисса (ныне – город Верхнедвинск) Витебской области. Во время Великой Отечественной войны возглавлял разведывательные подразделения ряда фронтов, в том числе и подразделениями Смерша, которым посвящен известный роман Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого» («Момент истины») и одноименный фильм.

Кузнецов Федор Исидорович (1898–1961), генерал-полковник, начальник Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова, командующий Уральским военным округом, родился в деревне Болбечино Чауского уезда (ныне Горецкого района Могилевской области).

Участвовал в Первой мировой войне на Западном фронте, был ранен, на излечении находился в госпитале в Орше. За отличия в Гражданской войне был дважды награжден орденом Красного Знамени – таких дважды кавалеров ордена в РККА было менее 100 человек. С 1938 г. был заместителем командующего Белорусского особого военного округа. Участвовал в советско-финляндской войне. Великую Отечественную войну встретил в должности командующего Северо-Западного фронта. Был снят со своего поста с формулировкой «за неумелое управление войсками». По мнению некоторых исследователей, его «бедами были отсутствие твердого характера и длительной практики управления общевойсковыми объединениями даже в мирное время». Его считают виновником слабой подготовки обороны перешейки Крыма.

В 1941–1942 гг. дважды попадал в аварии (столкновение с автомобилем и падение с обрыва) с общей контузией, контузией головы с потерей сознания и сотрясением мозга.

В городе Горки Могилевской области его именем названа улица.

Лосюков Прохор Алексеевич (1902–1970), генерал-полковник инженерно-технической службы, уроженец деревни Ахимковичи-1 Круглянского района Могилевской области, участник Гражданской войны и подавления антоновского мятежа в Тамбовской губернии. В годы Великой Отечественной войны был главным инженером ВВС Брянского фронта, был тяжело ранен. С мая 1942 г. – начальник научно-исследовательского института (НИИ) ВВС, вел испытательные работы по модификации бомбардировщиков А. Н. Туполева и штурмовика Ил-2. Заместитель начальника Государственного научно-испытательского института ВВС Красной армии.

Марков Петр Алексеевич (1902–1967), генерал-полковник танковых войск, уроженец деревни Хатовня Рогачевского района Гомельской области. С мая 1942 г. – начальник оперативного отдела танкового корпуса на Западном фронте, позже – начальник штаба механизированного корпуса на Юго-Западном и 1-м Украинском фронтах, с сентября 1944 г. – заместитель начальника штаба командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии; начальник Военной академии бронетанковых войск, доктор военных наук, профессор.

Нагорный Николай Никифорович (1901–1985), генерал-полковник артиллерии, уроженец деревни Осташино (упоминается как Осташкино) Цивинской волости Новогрудского уезда Минской губернии (ныне – Новогрудского района Гродненской области). Участвовал в подавлении антоновского мятежа в Тамбовской губернии и в Гражданской войне в Испании. Во время Великой Отечественной войны был начальником штаба Главного управления ПВО РККА, заместителем командующего Войсками ПВО СССР.

Павловский Николай Осипович (1903–1960), генерал-полковник, начальник Главного оперативного управления Генерального штаба вооруженных сил СССР, родился в городе Гродно.

Участник Гражданской войны, осуществлял операции против бандитских и повстанческих отрядов в России. С июля 1938 г. по сентябрь 1939 г. находился под следствием по обвинению в военном заговоре и шпионаже; освобожден из-за отсутствия вины.

Во время Великой Отечественной войны был начальником штаба укрепрайона, бригады морской пехоты, армий Северо-Кавказского фронта, в том числе 18-й армии, в которой возглавлял политотдел полковник Л. И. Брежнев. В 1944 г. – начальник оперативного управления штаба 1-го, потом 2-го Украинского фронта. Разрабатывал планы Львовско-Сандомирской, Яско-Кишиневской, Бухарестско-Арадской, Дебреценской, Будапештской, Венской и Пражской наступательных операций. Участник советско-японской войны 1945 г. в качестве начальника оперативного управления штаба Забайкальского фронта (Маньчжурская наступательная операция).

Именем Н. О. Павловского названа улица в г. Гродно, его имя внесено в «Книгу народной славы города Гродно».

Пигаревич Борис Алексеевич (1898–1961), генерал-полковник ВС СССР и генерал брони Польши, родился в местечке Ильино Велижского уезда Витебской губернии (ныне – поселок в Смоленской области), белорус.

В годы Гражданской войны принимал участие в боевых действиях против войск генералов П. Н. Краснова, А. И. Деникина и банд А. С. Антонова в Тамбовской губернии.

Во время Великой Отечественной войны служил начальником оперативной группы штаба Главного командования Западного стратегического направления, участвовал в формировании штаба и координации управления войсками Западного, Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, был заместителем командующего войсками 14-й армии Карельского фронта, одновременно командовал стрелковым корпусом. После войны был назначен начальником оперативно-тактического цикла Военной академии М. В. Фрунзе, преподавал в Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. В 1950 г. был откомандирован в распоряжение Министерства обороны Польши.

Б. А. Пигаревич, как и В. Р. Вашкевич, относится к плеяде довоенных белорусских генерал-майоров, ставших в послевоенное время генерал-полковниками Вооруженных сил СССР. Но при этом Б. А. Пигаревич был и в звании генерала брони Польши.

Хохлов Василий Исидорович (1900–1956), генерал-полковник артиллерии, белорус, родился в городе Двинск Витебской губернии (ныне – Даугавпилс), начальник Артиллерийской академии Рабоче-крестьянской Красной армии имени Ф. Э. Дзержинского. Крупный инженер-артиллерист. Занимался проблемами принятия на вооружение новейших образцов артиллерийского вооружения. Имеет ряд печатных трудов по истории артиллерии и описанию тактико-технических данных новых образцов артиллерийского, стрелкового и минометного вооружения и боеприпасов, появившихся на вооружении Красной армии в период Великой Отечественной войны.

На историческом Параде Победы был командиром сводного расчета Артиллерийской ордена Ленина академии Красной армии имени Ф. Э. Дзержинского.

Юшкевич Василий Александрович (1897–1951), генерал-полковник, белорус, родился в Вильне, воевал в Испании, по возвращении на родину в августе 1938 г. был арестован и более года находился под следствием.

С 1941 г. – командир стрелкового корпуса Западного особого военного округа. Войска корпуса под его командованием в июле 1941 г. вели тяжелые оборонительные бои с соединениями танковой группы гитлеровских войск, наступавших в направлении Смоленска. Под ударами превосходящих сил противника корпус вынужден был отойти за реку Березина в район города Борисов и южнее, а затем – за реку Днепр. В июле части корпуса участвовали в Смоленском сраже-

нии, в ходе которого освободили город Ярцево, ставшим первым городом, отбитым у Германии. Был командующим армией, после чего был назначен командующим Одесским военным округом.

Брылёв Никита Григорьевич (1896–1955), генерал-лейтенант (1945), родился в деревне Лучин Рогачевского района Гомельской области.

Участник Первой мировой (с 1914 г.) и Гражданской (в Красной армии с 1918 г.) войны, участник разгрома басмачей. В 1924 г. окончил Среднеазиатский университет, в 1933г. – Военную академию им. М. В. Фрунзе.

В период Великой Отечественной войны с июля 1941 г. на Западном, Брянском, Центральном, Белорусском, 1-м и 2-м Белорусских, 4-м Украинском фронтах: заместитель командира и командир дивизии, начальник штаба армии. Участник обороны Москвы, освобождения Беларуси (городов Чаусы, Славгорода, Рогачева, Могилева, Минска и Гродно), а также Чехословакии.

После войны – командующий Среднеазиатским военным округом. В 1951–1953гг. – начальник военной кафедры Среднеазиатского университета.

Вайнруб Матвей Григорьевич (1910–1998), генерал-лейтенант танковых войск, Герой Советского Союза (1945), уроженец города Борисова; командующий бронетанковыми и механизированными войсками 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта.

В Великой Отечественной войне первое сражение принял в районе Вязьмы в августе 1941 г. в должности начальника разведывательного отделения, участвовал в боях под Ельней, где был ранен. В должности командира танкового полка сражался в рядах войск Западного, Юго-Западного, Сталинградского и 1-го Белорусского фронтов.

После войны был командующим бронетанковыми и механизированными войсками Киевского военного округа, затем – помощником командующего Западно-Сибирского военного округа по танковому вооружению.

М. Г. Вайнруб является Почетным гражданином Борисова и Волгограда. В 2010 г. почтой Украины выпущен художественный конверт, посвященный Герою Советского Союза Матвею Григорьевичу Вайнрубу.

Вайнруб Евсей Григорьевич (1909–2003), полковник, Герой Советского Союза, уроженец города Борисова, старший брат Героя Советского Союза Матвея Григорьевича Вайнруба. Во время Великой Отечественной войны командовал танковой бригадой в составе 3-го механизированного корпуса во время обороны Могилева. В декабре

1944 г. командовал танковой бригадой 1-го Белорусского фронта, которая отличилась во взятии столицы гитлеровской Германии, в связи с чем ей присвоено почетное наименование – Берлинская. В январе 1995 г. Е. Г. Вайнруб эмигрировал в Израиль.

Именем братьев Вайнрубов названа улица в Волгограде. В городе Ашдоде (Израиль) открыт памятник родным братьям-танкистам, евреям, уроженцам Беларуси Героям Советского Союза Матвеем Григорьевичу и Евсею Григорьевичу Вайнрубам.

Горянин Анатолий Николаевич (1898–1970), генерал-лейтенант артиллерии, уроженец Могилева, участник Гражданской и советско-финской войн. В годы Великой Отечественной войны начальник управления ПВО Карельского и Юго-Западного фронтов. Участник обороны Советского Заполярья. С декабря 1943 года – заместитель начальника Главного штаба Войск ПВО Советской армии.

Гулейко Василий Григорьевич (1893–1973), генерал-лейтенант артиллерии, уроженец деревни Быстрица Несвижского района Минской области. Участник Гражданской войны и освобождения Минска в Великую Отечественную войну, заместитель начальника штаба артиллерии Вооруженными силами Советской армии.

Иоффе Зелик Аронович (1903–1980), генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы, уроженец города Речица Могилевской губернии (ныне – Гомельской области), участник Гражданской войны в Испании и советско-финляндской войны.

Великую Отечественную войну встретил в должности заместителя начальника Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского по научной и учебной работе. Возглавлял эксплуатационно-техническую службу ВВС Красной армии, затем – заместитель главного инженера ВВС. С 1960 г. – начальник НИИ космической техники (затем – начальник 30-го Центрального НИИ авиационной и космической техники).

Давидовский Иван Елизарович (1896–1960), генерал-лейтенант, командующий Смоленским военным округом, родился в местечке Грозово Игуменского уезда (ныне – агрогородок в составе Копыльского района) Минской губернии, окончил Слуцкое городское училище. Командир 4-го стрелкового корпуса, участвовал в освободительном походе Красной армии в сентябре 1939 г. в Западную Беларусь. Командовал корпусом в советско-финляндской войне 1939–1940 гг.

Заместитель командующего 10-й армии Западного фронта, которая в 1943 г. в ходе Смоленской операции освобождала Чаусы и Могилев. С мая 1944 г. заместитель командующего 33-й армии в составе сначала 2-го, а затем и 1-го Белорусского фронтов, руководил наступлени-

ем по освобождению Беларуси в операции «Багратион», а также Каунасской, Варшавско-Познанской и Берлинской наступательных операциях. На Параде Победы 1945 г. находился в строю командования 1-го Белорусского фронта.

Казакевич Даниил Васильевич (1902–1988), генерал-лейтенант (1957), Герой Советского Союза (1945), белорус, родился в деревне Радзевцы (белорусское название деревни Радевцы) Молодечненского района в семье крестьянина.

В Красной армии с 1920 г., принимал участие в боях Гражданской войны, служил красноармейцем на Западном фронте, воевал против польских войск. В 1973 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе.

В Великую Отечественную войну начальник штаба, командир стрелковой дивизии, участник Курской битвы, освобождения Беларуси, Польши, боев в Германии. С 1943 г. – командир 399-й стрелковой дивизии 48-й армии Центрального фронта, которой командовал до Победы. Под его командованием дивизия прошла славный боевой путь на Центральном, на всех трех Белорусских фронтах, принимала участие в Гомельско-Речицкой, Белорусской, Ломжа-Ружанской, Восточно-Прусской наступательных операциях.

С 1957 г. Д. В. Казакевич – начальник отдела военно-учебных заведений Главного управления Пограничных войск КГБ при Совете Министров СССР. Его имя присвоено 12-й пограничной заставе Гродненской пограничной группы. На территории погранзаставы установлен бюст Герою. В 2015 г. выпущены в обращение конверты серии «Герои Советского Союза», посвященных в том числе и Д. В. Казакевичу.

Каравачкий Афанасий Зиновьевич (1902–1980), генерал-лейтенант авиации, белорус, родился в селе Корниловка Климовичского уезда Могилевской губернии (ныне – Шумячского района Смоленской области).

С первого дня Великой Отечественной войны дивизии под его командованием участвовали в боевых действиях на Западном, Северо-Западном и Юго-Западном, Крымском и Северно-Кавказских фронтах. С начала 1943 г. – командир бомбардировочного авиационного корпуса в составе Брянского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов в Черниговско-Припятской, Гомельско-Речицкой, Калинковичско-Мозырской, Рогачевско-Жлобинской, «Багратион», Бобруйской, Минской и Люблинско-Брестской операциях. Корпус принимал участие в освобождении городов Севск, Калинковичи, Рогачев, Бобруйск, Лодзь, Познань, Шнайдемюль, Штаргард, Кюстрин, Альтдамм,

Франкфурт-на-Одере, Берлин. Корпусу присвоено почетное наименование – Берлинский.

Кеневич Болеслав Альбинович (1907–1969), генерал-лейтенант Советской армии и генерал дивизии Войска Польского, родился в селе Дворец Пинского уезда в семье польского мелкопоместного дворянства. В РККА с 1921 г., командовал стрелковыми батальонами. В отличие от ряда других представителей командного состава РККА польской национальности не только не скрывал, но и в определенной степени акцентировал свое происхождение. В этой связи он подвергся репрессиям в 1937 г. Был освобожден. В 1939 г. в качестве командира батальона Б. А. Кеневич принимал участие в польском походе РККА по освобождению белорусских земель, затем – в советско-финляндской войне.

1943 г. был откомандирован на службу в Войско Польское заместителем командующего 1-й пехотной дивизии, участвовал в битве под Ленино. Служил в должности начальника штаба 1-го польского корпуса, а после преобразования корпуса в 1-ю армию Войска Польского – начальником штаба армии. Окончив военную академию, служил в Советской армии заместителем командира пехотного корпуса, затем – заместителем командующего механизированной армией.

В феврале 1950 г. по просьбе маршала К. К. Рокоссовского генерал Б. А. Кеневич был вновь направлен в польскую армию и назначен командиром Краковского военного округа.

Кимбар Иван Кириллович (1905–1974), генерал-лейтенант танковых войск, родился в деревне Боровцы Дзержинского района Минской области, белорус, командовал 1-м танковым корпусом Войска Польского.

Лисов Иван Иванович (1912–1997), генерал-лейтенант (десантник № 2), родился в Витебске, заместитель командующего ВДВ СССР. Имел прозвище – Зам Бати. Тандем Василия Маркелова и Ивана Лисова считается наиболее плодотворным в истории советских Воздушно-десантных войск. Будучи бесконечно предан своему делу, Иван Иванович Лисов поднял воздушно-десантную подготовку на качественно новый уровень. В этом деле он умело использовал личный пример и к 1962 г. имел рекордное среди всех генералов-десантников количество прыжков с парашютом – 380. Это он внес предложение ввести для десантников новый головной убор – голубой берет (до этого десантники носили берет малинового цвета).

В годы Великой Отечественной был начальником учебного отдела Воздушно-десантного училища Красной армии, воевал на Карельском фронте в составе 300-го гвардейского стрелкового полка, был начальником его штаба.

Мышков Константин Романович (1893–1942), генерал-лейтенант артиллерии, уроженец села Горки Полоцкого района Витебской области, заместитель начальника Главного артиллерийского управления Красной армии. Участвовал в Первой мировой войне, унтер-офицер. Начало Великой Отечественной войны встретил в должности заместителя начальника Главного артиллерийского управления РККА. В августе 1942 г. направлен в Сталинград, где на только что приземлившийся самолет с К. Р. Мышковым попал под массированный налет немецкой авиации на Сталинград. В этом крупнейшем налете погибшими оказались более 40 тыс. человек.

Орехов Вадим Иванович (1902–1957), генерал-лейтенант инженерно-технической службы, уроженец Витебска; начальник управления кадров ВВС Красной армии, заместитель начальника Военно-воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского.

Перхорович Франц Иосифович (1894–1961), генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, родился в поселке Залазы Докшицкого района Витебской области, окончил Лепельское городское четырехклассное училище. Участник Первой мировой и Гражданской войн на двинском, пинском, мозырском и коростеньском направлениях против петлюровских войск. Великую Отечественную войну встретил командиром стрелкового полка. Позже командовал корпусами в Курской битве, Белгородско-Харьковской и Житомирской наступательных операциях и освобождении городов Лебедин, Житомир и Бердичев, а также на 1-м и 3-м Белорусских фронтах, в Минской, Люблинско-Брестской и Гумбиннен-Гольданской наступательных операциях. Войска корпуса освободили города: Барановичи, Высокое, Пружаны и Слуцк. Победу Ф. И. Перхорович встретил командующим армией на реке Эльба.

Именем Перхоровича названа улица в городе Воронеже.

Роткевич Иван Адамович (1898–1962), советский и польский военачальник, генерал-лейтенант СССР и генерал дивизии Войска Польского, родился в Борисове Минской губернии.

В период Октябрьской революции вместе с местным полком, перешедшим на сторону большевиков, принимал участие в боях с юнкерами Восточный фронт, где воевал против белочехов, был ранен под Симбирском. Был лишен офицерского звания на основе Директивы Наркомата обороны СССР от 24 июня 1938 г. об увольнении из РККА военнослужащих национальностей, не представленных в качестве коренных на территории СССР. Восстановлен в армии и назначен командиром батальона.

Командовал дивизией на Западном фронте, в июне 1944 г. был переведен в Войско Польское, присвоено звание генерала бригады Вой-

ска Польского. Воевал во 2-й Польской пехотной дивизии им. Г. Домбровского, занимая должность начальника штаба, а затем и командира дивизии, позже – заместитель начальника Главного штаба Войска Польского.

После войны – командующий Оперативной группой «Жешув», созданной для репатриации этнического украинского населения Лемковщины в СССР и для борьбы с украинским националистическим подпольем. Занимал должность командующего войсками Поморского, Люблинского, Познанского и Варшавского военных округов.

В 1950 г. на И. А. Роткевича было совершено покушение, после которого он проходил лечение в Варшаве и Москве. Позже обучался в Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова, затем вновь вернулся в Войско Польское на должность командующего войсками Приморского военного округа.

Свиридов Владимир Петрович, до 1930 г. – Филимон Петрович Свирид (1897–1963), генерал-лейтенант, командующий Центральной группой войск, родился в деревне Козуличи Бобруйского уезда Минской губернии (ныне – Кировского района Могилевской области) в крестьянской в семье.

В Первую мировую войну принял боевое крещение в тяжелейших боях под Барановичами в должности командира пехотного взвода. В годы Гражданской войны участвовал в польской кампании в боях на Западном фронте.

В 1939 г. в освободительном походе Красной армии в Западной Беларуси был начальником артиллерии Белорусского особого военного округа.

Великую Отечественную войну встретил на Северном и Ленинградском фронтах. В марте 1944 г. он был ранен и тяжело контужен. С марта 1944 г. и до конца войны он командовал 42-й армией на Ленинградском, и 2-м и 3-м Прибалтийских фронтах. Войска под его командованием принимали активное участие в прорыве блокады Ленинграда и наступательных операциях по освобождению Новгорода и Пскова.

После войны был Главнокомандующим Центральной группой войск и одновременно с мая 1949 г. – Верховным комиссаром Австрии.

Синилов Кузьма Романович (1902–1957), уроженец села Бывальки Лоевской волости Речицкого уезда (ныне – Гомельской области), генерал-лейтенант (1944), военный комендант Москвы, возглавляя безопасность столицы, когда решалась ее судьба; являлся организатором и руководителем подготовки Парада 7 ноября 1941 г. и Парада

Победы в Москве 24 июня 1945 г., а также «парада побежденных» в Москве 17 июля 1944 г.

Троян Иван Семенович (1896–1977), родился в деревне Малые Озерки Гродненской губернии, генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы, в предвоенный и начальный период Великой Отечественной войны возглавлял эксплуатационно-техническую службу ВВС Красной армии.

Шульговский Федор Нестерович (1893–1969), генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы, уроженец местечка Кохоново (ныне горпоселок) Толочинского района Витебской области, начальник Управления технической эксплуатации Главного управления инженерно-авиационной службы ВВС Красной армии; возглавлял Ленинградскую Краснознаменную военно-воздушную инженерную академию.

Фоминых Евгений Иванович (1906–1977), генерал-лейтенант танковых войск, Герой Советского Союза, уроженец станции Койдоново (ныне – город Дзержинск) Минской области.

Корпус, которым командовал Е. И. Фоминых, принимал участие в историческом танковом сражении под Прохоровкой а также в боевых действиях в Белгородско-Харьковской, Кировоградской, Корсунь-Шевченковской, Уманско-Ботошанской, Вильнюсской, Минской и Каунасской наступательных операциях и при освобождении городов Кировограда, Звенигородка, Умани, Борисова, Молодечно, Вильнюса.

После войны был командующим бронетанковыми и механизированными войсками Закавказского военного округа, 1-м заместителем начальника Военной академии бронетанковых войск им. И. В. Сталина, командующим 6-й гвардейской танковой армией. К сожалению, генерал-лейтенант танковых войск Евгений Иванович Фоминых систематически злоупотреблял алкоголем, за что был отправлен в отставку.

Лизюков Александр Ильич (1900–1942), генерал-майор, Герой Советского Союза (1941), родился в Гомеле.

Уже в годы Гражданской войны он в должности командира артиллерийского взвода сражался против войск генерала А. И. Деникина и атамана С. В. Петлюры, а также участвовал в подавлении Антоновского восстания в Тамбовской губернии. В феврале 1938 г. был арестован по подозрению в участии в антисоветском военном заговоре и 22 месяца содержался в тюрьме НКВД Ленинградской области, из них 17 месяцев – в одиночке. В декабре 1939 г. был оправдан.

Великую Отечественную войну встретил в должности заместителя командира 36-й танковой дивизии Западного особого военного окру-

га. Его, находившегося в отпуске в Москве, 21 июня 1941 г. назначили начальником 1-го отдела автобронетанкового управления Западного особого военного округа, а в августе он принял командование 1-й танковой дивизией. Части этого соединения держали оборону по реке Вопь северо-восточнее города Ярцево, за организацию которой он в августе стал Героем Советского Союза.

Уже в сентябре он в должности командира 1-й гвардейской мотострелковой дивизии, прибывшей из резерва Ставки в состав 40-й армии Юго-Западного фронта, принял участие в организации Сумско-Харьковской оборонительной операции. После обороны Сум дивизия была выведена в армейский, а затем фронтовой резерв и во второй половине октября 1941 г. была передислоцирована под Москву, где приняла участие в обороне Наро-Фоминска и освобождении Солнечногорска.

В июне 1942 г. А. И. Лизюков назначен командующим 5-й танковой армии, сражавшейся в полосе Брянского фронта, сначала в районе юго-западнее Ельца, а затем северо-западнее Ефремова. Погиб в бою близ села Большая Верейка Рамонского района Воронежской области.

Лизюков Петр Ильич (1909–1945), полковник, Герой Советского Союза посмертно (1945), родился в Гомеле.

Перед Великой Отечественной войной окончил Ленинградскую артиллерийскую школу, командовал сначала взводом в 37-м артиллерийском полку, располагавшемся в городе Клинцы, затем – батареей, дислоцированной в городе Курске, позже – артиллерийским дивизионом. Войну встретил в должности начальника штаба полка, который уже 22 июня 1941 г. принял бой на реке Западный Буг возле города Сокаль. После гибели командира полка начальник штаба П. И. Лизюков принял командование на себя. Полк с боями отступал до Киева. 17 июля 1941 г. принимал участие в контрнаступлении Красной армии на Днепре, после чего около месяца его часть выходила из окружения.

Участник Сталинградской битвы в должности командира 651-го артиллерийского полка 69-й легкоартиллерийской бригады, воевавшей на Юго-Западном фронте. Позже руководил формированием, а затем обучением 46-й истребительно-противотанковой бригады. В качестве командира этой бригады направляется на Ленинградский фронт, где в июне 1944 г. бригада освобождает город Выборг, а также участвует в завершении боевых действий с Финляндией и освобождении городов Таллин и Рига.

30 января 1945 г. в окрестностях Хайде-Вальдбург (в настоящее время – поселок Прибрежный в черте города Калининград) артилле-

рийская бригада под командованием П. И. Лизюкова сдерживала контрнаступление противника. Останавливая отступление частей, Петр Ильич организовал оборону, сам лег за крупнокалиберный пулемет и открыл огонь по противнику. В этом бою полковник П. И. Лизюков погиб.

Лизюков Евгений Ильич (1899–1944), старший из трех братьев Лизюковых, также родившийся в Гомеле, командир партизанского отряда имени Дзержинского Минского партизанского соединения.

Участник Гражданской войны и Великой Отечественной войны. В начале Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт, в июле 1941 г. получил тяжелое ранение, из-за чего ему было отказано в возвращении на фронт. Тогда Евгений Ильич поступил в школу по подготовке партизанских кадров при Центральном штабе партизанского движения, после окончания которой в 1942 г. был направлен на оккупированную территорию Минской области. В 1943–1944 гг. – начальник штаба партизанского отряда имени Чкалова 225-й бригады имени Суворова, командир партизанского отряда имени Дзержинского бригады им. Фрунзе Минского партизанского соединения. В 1944 г. становится командиром отряда имени Молотова 2-й Минской бригады.

7 июля 1944 г. отряд под командованием Евгения Лизюкова направлялся в Минск для участия в партизанском параде. Возле деревни Гребень Пуховичского района Минской области партизаны столкнулись с группой фашистов, выходивших из окружения, в бою с которой он героически погиб. Похоронен Е. И. Лизюков в деревне Новополье Пуховичского района Минской области, на могиле установлен памятник.

Все трое братьев Лизюковых погибли в годы Великой Отечественной войны. Александр погиб в 1942 г., Петр, будучи командиром 46-й истребительно-противотанковой бригады, – в 1945 г., а Евгений, командуя партизанским отрядом им. Дзержинского Минского партизанского соединения, – в 1944 г. Петр, как и Александр, был удостоен высокого звания Героя Советского Союза, а представление на Евгения так и осталось на бумаге.

На месте последнего боя генерала А. И. Лизюкова, близ села Большая Верейка Рамонского района Воронежской области, установлена мемориальная плита с табличкой.

Имя А. И. Лизюкова носило Саратовское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск.

Одна из наиболее протяженных улиц города Воронежа носит имя А. И. Лизюкова, где на доме № 25 установлена аннотационная доска. В 1988 г. студией Союзмультфильм (режиссер В. Котеночкин) был

снят мультфильм «Котенок с улицы Лизюкова», действие которого происходит в Воронеже.

Именем А. И. Лизюкова названа школа № 94 города Воронеж.

В городе Семилуки (в 14 км от Воронежа) именем А. И. Лизюкова названа школа.

Летом 2009 г. в Воронежской области на уборку урожая вышел первый в России именной комбайн КЗС-1218 «Командарм Лизюков».

В 2010 г. были подведены итоги конкурса на лучший проект надгробного памятника на могиле генерала рядом с памятником Славы в Воронеже. Общественный художественный совет при главе городской администрации из шести проектов выбрал работу скульпторов Меленченко и Барсукова (главного художника Воронежа). Памятник танковому генералу в Воронеже был торжественно открыт 5 мая 2010 г.

В Гомеле одна из улиц названа в их честь – улица братьев Лизюковых.

В Гомеле на здании гимназии № 36 им. И. Мележа установлена мемориальная доска в честь братьев Лизюковых.

В 2019 г. в Гомеле на площади Победы установлен памятник братьям Лизюковым.

В Гомеле на Аллее Героев в честь А. И. Лизюкова установлена стелла.

Герой Советского Союза П. И. Лизюков навечно зачислен в списки воинской части, а также в члены бригады Гомельского радиозавода.

На одном из зданий города Чечерска Гомельской области размещен мурал, посвященный братьям Лизюковым (2024).

Именем братьев Лизюковых названы улицы в городе Чечерске и агрогородке Нисимковичи Чечерского района Гомельской области.

В 2023 г. имя А. И. Лизюкова, Героя Советского Союза, организовавшего оборону Борисова, присвоено одной из улиц города.

В деревне Новополе Пуховичского района Минской области, возле которой погиб старший из братьев – Евгений Ильич Лизюков, на его могиле установлен памятник.

Доватор Лев Михайлович (1903–1941), боевой генерал начального периода Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (сентябрь 1941 г.), родился в селе Хотино Лепельского уезда (ныне – Бешенковичского района) Витебской губернии; командир кавалерийского корпуса, погиб в декабре 1941 г. в районе деревни Палашкино Рузского района Московской области.

Именем Л. М. Доватора были названы улицы во многих городах России (Армавире, Владикавказе, Владимире, Волгограде, Городце,

Златоусте, Изобильном, Иркутске, Краснодаре, Кузнецке, Кургане, Липецке, Миассе, Москве, Новокузнецке, Новосибирске, Омске, Орске, Перми, Петропавловске, Ростове-на-Дону, Рузе, Ставрополе, Туле, Ульяновске, Усть-Каменогорске, Хабаровске, Челябинске и Черкесске), Беларуси (Гродно, Минске, Мозыре, Октябрьском, Орше, Пинске, Речице, Слониме, поселке Хотино и Шарковщине), Украины (Днепропетровске, Донецке, Запорожье, Киеве, Краматорске, Кривом Роге, Луцке, Одессе, Сумах, Суходольске и Харькове), Казахстана (Караганде) и Молдовы (Бельцах). Ему установлены памятники (в деревне Хотино Бешенковичского района, агрогородке Улла Бешенковичского района, на трассе Гомель – Хойники), в Бешенковичах бюст и мемориальная доска в Витебске на центральном проспекте города – Фрунзе.

Наверное, нет в истории Великой Отечественной войны легендарного военачальника, чье имя увековечено больше, чем белорусского полководца Льва Михайловича Доватора.

Все перечисленные военачальники – уроженцы белорусской земли еще с довоенных времен стали мигрантами. А если сюда добавить и сотни генерал-майоров, полковников, а также флотоводцев – адмиралов и капитанов первого и второго рангов, то это будет внушительный список мигрантов элиты белорусского генофонда. Последующую жизнь они в большинстве своем связали с Россией, занимая в ней высокие воинские должности. И это помнит не только Беларусь.

3.3. «Ах, война, что ж ты сделала, подлая...»¹

Любые войны – это прежде всего человеческие трагедии, оборванные судьбы, потери самого дорогого – жизней людей. По подсчетам швейцарского ученого Ж.-Ж. Бабиля, сделанным еще в начале 70-х гг., за 5 550 лет человеческой истории на Земле произошло 14 513 войн, в ходе которых погибли 3 640 млн человек. Это столько, сколько проживало на планете людей в начале этих 70-х гг., или почти десятая часть всего населения планеты, которое проживало на Земле за всю историю человечества на время подсчета Ж.-Ж. Бабиля, составили безвозвратные жертвы войны.

И самые огромные человеческие потери выпали на XX в., особенно на Вторую мировую войну. К сожалению, длительное время руководство победившего в войне Советского Союза приуменьшало действительные масштабы людских потерь СССР в Великой Отечест-

¹ Слова из песни Булата Окуджавы «До свидания, мальчики».

венной войне. Так, в начале 1946 г. И. В. Сталиным было заявлено, что общие потери армии и гражданского населения страны в только что завершившейся войне с фашизмом составили около 7 млн человек.

На Западе оценка людских потерь Советского Союза была выше. И некоторые даже указывали 40 млн человек. Этот масштаб людских потерь варьировался в зависимости от того, какую цель преследовали ее авторы. В 1957 г. в СССР был опубликован сборник статей немецких авторов «Итоги второй мировой войны», где немецкий профессор Г. Арнтц оценил людские потери СССР в войне, равные 20 млн человек. Именно эта величина спустя полтора десятилетия после сталинских «итогов» в 1961 г. была названа Н. С. Хрущевым в письме к премьер-министру Швеции – за победу было отдано «два десятка миллионов жизней советских людей». При этом считалось, что одна половина из них приходится на вооруженные силы, а вторая – на гражданское население.

Отмечая в 1965 г. двадцатилетний юбилей Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Л. И. Брежневым дана подкорректированная величина людских потерь СССР – «война унесла **более** двадцати миллионов жизней советских людей». Это число продержалось почти четверть века – до конца 1980-х гг.

Но и оно не было окончательным. На основе данных военных и статистиков и с учетом политической конъюнктуры своего времени другие руководители государства позже приводили иные данные. Вот величина людских потерь Советского Союза в войне, прозвучавшая из уст М. С. Горбачева (27 млн), Э. Шеварнадзе (26 млн), Б. Н. Ельцина (им была названа сначала 26 млн 549 тыс., а позже снижено число потерь на 92 тыс. – 26 млн 452 тыс.).

В конце 80-х гг. в СССР была создана межведомственная государственная комиссия из 11 человек – ученых демографов и историков академических институтов, МГУ им. М. В. Ломоносова, специалистов Госкомстата СССР и Министерства обороны Советского Союза. По материалам ее расчетов потери населения СССР в Великой Отечественной войне были определены примерно в 27 млн человек.

Близкими к этому результату были и другие расчеты, в том числе и зарубежные. Автор одного из них – С. Максудов (псевдоним эмигрировавшего в США А. Бабёнышева) в 1977 г. выявил, что потери населения СССР за годы Великой Отечественной войны составили 24,5 млн человек, а в 1993 г. он также остановился на величине 27 млн человек. А предварительный расчет, сделанный в 1988 г. одним из старейших специалистов в области демографии и прежде всего миграции доктором экономических наук Л. Л. Рыбаковским, вы-

явил, что людские потери СССР в Великой Отечественной войне могли составить примерно 30 млн человек.

Для интересующихся историей изучения людских потерь СССР в Великой Отечественной войне назовем некоторые из важнейших работ, посвященных данной проблеме: *В. А. Исупов* «Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в.» (Новосибирск, 2000); *А. Я. Кваша* «Демографические потери СССР во второй мировой войне» (Вестник Московского университета. Серия: Экономика. 1993. № 4); *А. Я. Кваша* «О методике определения людских потерь в Великой Отечественной войне» (Социологические исследования. 1990. № 1); *Л. Е. Поляков* «Цена войны: демографический аспект» (М., 1985); *Л. Л. Рыбаковский* «Прикладная демография» (М., 2003); *Л. Л. Рыбаковский* «Людские потери СССР в Великой Отечественной войне» (М., 2001); *Л. Л. Рыбаковский* «Великая Отечественная война: людские потери России» (Социологические исследования. 2001. № 6); *Л. Л. Рыбаковский* «Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне» (М., 2010); *Л. Л. Рыбаковский* «Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы победы России» (М., 2020); «*Россия и СССР в войнах XX века*» (Потери вооруженных сил : стат. исслед. / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001); «*Людские потери СССР в Великой Отечественной войне*» (СПб., 1995). Уточнению оценок людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне предшествовала аналитическая работа многих специалистов, сведения о чем приведены в монографии Л. Л. Рыбаковского (таблица 1).

Таблица 1 – Людские потери СССР в Великой Отечественной войне по оценке советских специалистов

Автор оценки	Общие потери, млн человек	Год публикации
А. Кваша	26–27	1988
Л. Рыбаковский	30	1988
А. Самсонов	26–27	1988
Б. Соколов	21,3	1988
Ю. Поляков	26–27	1989
Л. Рыбаковский	27–28	1989
В. Кондратьев	46	1990
С. Иванов	46	1990
Е. Андреев, Л. Дарский, Т. Харьков	26,6	1990
А. Самсонов	26–27	1991
Б. Соколов	29,4	1991
О. Лебедев	35–37	1991
А. Шевяков	27,7	1991
Примечание – Источник [63, с. 115].		

Методика исчисления людских потерь в войне исходит из использования нескольких методов: пропорционального распределения потерь, нескольких вариантов прямого счета, демографического баланса и этнодемографического метода, а также их сочетания. Не вдаваясь в суть каждого из них, отметим, что исследователи считают, что прямые демографические потери Советского Союза (если исходить из довоенной численности населения страны в 194 077 тыс. человек) составили в пределах от 15,46% (при потерях в 30 млн человек) до 14,44% (при потерях в 27 млн человек) от общей численности населения страны. На Россию же по новым данным при минимальной указанной величине удельный вес людских потерь в Великой Отечественной войне приходится примерно 48,5% всех потерь Советского Союза, или примерно 13,1–13,2 млн человек. Сюда включаются безвозвратные потери военнослужащих (5,7 млн), гибель мирных жителей (3,2 млн) и сверхсмертность населения как бывшего в оккупации, так и находившегося в тыловых районах (4,2 млн). Доля России в общих для СССР людских потерь военнослужащих составляет $\frac{2}{3}$ и гражданского населения – $\frac{2}{5}$.

Наибольшая доля погибшего гражданского населения и вывезенного на принудительные работы в Германии в областях России приходится на Ленинградскую (28,3% населения), Псковскую (17,4%), Новгородскую (15,7%), Брянскую (12,7%) и Смоленскую (8,5% населения) области. И это учтено при расчетах людских потерь для России в сторону увеличения такого числа. В сопоставлении с этими данными соответствующие проценты людских потерь в белорусских областях были выше.

Если масштабы общих людских потерь Советского Союза постоянно уточнялись, то данные в отношении потерь населения Республики Беларусь в историографической, демографической и статистической литературе оставались неизменными, как они были озвучены в начале 60-х–70-х гг. Из доступных в тот период материалов А. А. Раков (1974) оценил демографические потери Белорусской ССР: с 1941 по 1944 гг. фашисты уничтожили 1 409 тыс. человек и 378 тыс. угнали в Германию. В 1980 г. в статье историка Ю. Е. Власьевича были приведены следующие данные о потерях Беларуси: немцы истребили свыше 2,2 млн местных жителей и военнопленных. В «Демографическом энциклопедическом словаре» (1985) группа белорусских демографов, возглавляемая А. Раковым, людские потери Беларуси определили следующим образом: «в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в результате зверств гитлеровцев республика потеряла 2,2 млн человек, около 380 тыс. человек было вывезено на работу в

Германию». И, наконец, в одном из сборников статей, изданных в Москве в 1991 г., была названа еще одна расчетная оценка белорусских демографических потерь в 3 млн человек.

Таким образом, начиная с 60-х гг., эта величина варьировалась в пределах 2,5–3,0 млн человек. Считалось, что прямые демографические потери Беларуси (без учета снижения рождаемости, т. е. численности не родившихся, за этот период) за годы Великой Отечественной войны составили 3 млн человек – в границах ноября 1939 г. и 2,5 млн человек – в современных границах страны. Эта величина потерь населения Беларуси была отражена в словах известной песни *«каждый четвертый в земле – белорус»*. Исследованиями последних лет считается, что Беларусь в годы Великой Отечественной войны потеряла более трети своего населения.

На наш взгляд, в первом приближении при уточнении демографических потерь для Беларуси следовало бы взять за отправные величины для расчетов методологию российских ученых и пропорционально экстраполировать ее на Беларусь. Российскими учеными обоснована величина людских потерь СССР в 27 млн человек с возможным отклонением в сторону увеличения еще на 3 млн человек. Это на 135–150% больше по сравнению с величиной в 20 млн человек, которая была озвучена в начале 1960-х гг. Именно в начале 60-х гг. была официально принята и величина 2,5 млн человек людских потерь для Беларуси. Российские специалисты правомерно считают, что наибольшая величина потерь приходится на мирных жителей и на сверхсмертность на оккупированной и незанятой фашистами территории. Белорусские области находились под фашистской оккупацией более длительное время, чем российские области, а значит, и потери, как минимум, будут пропорциональны российским потерям, а может быть даже и больше. Тем более, что фашистская политика геноцида в отношении русских и белорусов была одинакова, а кроме того на белорусской территории фашисты осуществляли свою истребительскую политику более длительное время, чем на территории России. Пропорционально экстраполируя общие итоги расчетов по российской методологии, в первом приближении получается, что для Беларуси в ее нынешних границах безвозвратные демографические потери будут в пределах 3 млн 375 тыс. – 3 млн 750 тыс. человек. Эта величина постоянно уточняется как с дальнейшей корректировкой расчетов общих потерь СССР, так и в случае появления новых достоверных данных.

Для Республики Беларусь по данным 60-х гг. прямые демографические потери от минувшей войны составляют 27,6% численности

населения, проживавшего в 1940 г. С учетом перерасчета российскими учеными и экстраполяции этих перерасчетов на Беларусь доля демографических потерь нашей республики будет в пределах 37,1–41,2%. Но в любом (и первом и втором) случае по сравнению с другими странами самые большие демографические потери войны понесла Беларусь, через территорию которой прокатилось несколько волн сражений Великой Отечественной. Это больше, чем потери любой другой страны во Второй мировой войне. К примеру, людские потери во Второй мировой войне Польши составили 19,6%; Германии, которая развязала войну, – 7,5 млн человек, или 13,0% численности населения страны. Велики людские потери и Югославии – 10,6%.

Но это только видимый айсберг демографических потерь для Беларуси в Великой Отечественной войне. В течении нескольких последних лет к году исторической памяти (2022) в Республике Беларусь величина на территории страны людских потерь поисковыми усилиями общественности и правоохранительных органов существенно выросла. Но ее последствия для демографических процессов в Беларуси гораздо масштабнее и охватывают не только период 1941–1945 гг., но и сегодняшнюю реальность.

Великая Отечественная война в зеркале демографических процессов для Беларуси многофакторна по своим последствиям. Здесь немаловажное значение имело воссоединение западнобелорусских земель, бывших по условиям Рижского мирного договора от 16 марта 1921 г. в течение почти двух десятилетий в составе Польши и временно отторгнутыми от Беларуси. Освободительный поход Советской армии 17 сентября 1939 г., когда стала очевидной угроза оккупации и для исконно белорусских земель (в заявлении советского правительства продвижение войск на запад обосновывалось прежде всего необходимостью «защитить интересы Советского Союза и населяющих эти области национальных меньшинств»), способствовал значительному увеличению численности населения воссоединенной Белорусской ССР.

А это 40% этнической белорусской территории и 38% белорусского населения. В результате освободительного похода Красной армии территория Белорусской ССР на начало 1940 г. составила 225,7 тыс. км² с численностью 10 млн 454,9 тыс. человек (территория современной Беларуси составляет 207,6 тыс. км²). Правда, в 1940 г. Виленский район с одной из средневековых белорусских столиц – Вильне, населенный преимущественно белорусами, правительством СССР был передан в состав Литвы (ныне Вильнюс). По статистическим данным на конец 1940 г. на нынешней территории Беларуси после воссоединения проживало 9 млн 92 тыс. человек.

Как результат этих преобразований и приобретений кроме увеличения численности населения страны произошли и существенные структурные изменения этнического и конфессионального состава, изменение демографической ориентации и семейной политики в Беларуси. Начало Второй мировой войны привело к значительным этническим и конфессиональным изменениям на Беларуси. На территории нашей республики находился 73 941 беженец из Польши, из них 65 796 человек составляли евреи, 4 290 – поляки, 1 703 – белорусы, 577 – русские, 169 – украинцы, а также 1 396 человек, представлявших другие народы.

Вторую тенденцию – изменение демографических ориентацией характеризуют следующие данные. Если в 1921–1939 гг. уровень смертности в расчете на 1000 человек населения среди жителей тогдашней БССР (Восточная Белоруссия) составлял 14,4‰, а прирост населения – 20‰, то в регионах Западной Белоруссии – 16,2 и 17,6‰ соответственно. Разность в большей величине смертности на 1,8 промилльного пункта и меньшего уровня рождаемости на 2,4 промилльного пункта в западных польских территориях, чем на восточной советской территории, свидетельствует о менее благоприятных демографических тенденциях на землях, воссоединенных с Советской Белоруссией.

Но и в период сентября 1939 г. этнически белорусское население несло значительные потери. По опубликованным в США материалам среди пленных бойцов польской армии, содержавшихся в немецком плену, 70 тыс. человек называли себя белорусами.

Что же включается в безвозвратные демографические потери для Беларуси? По расчетам выдающегося белорусского демографа и социолога А. А. Ракова в эти потери необходимо включать:

- эвакуацию жителей Беларуси (только из восточных областей было эвакуировано около 1,5 млн человек) в глубь Советского Союза: на Урал, в Сибирь и особенно в среднеазиатские республики СССР;

- гибель белорусов-военнослужащих на фронтах войны, партизан и подпольщиков (около 600 тыс. человек);

- гибель мирного населения как в результате карательных операций на оккупированной фашистами территории, так и зверств Армии Крайовой (около 1,7 млн человек);

- снижение уровня рождаемости в 1942–1945 гг. по сравнению с довоенным уровнем;

- повышенную смертность среди населения (которая в расчете на 1000 человек населения в военное время была примерно в 2 раза выше, чем в довоенное и послевоенное время), прямо не подверженного

репрессиям, из-за голода, прекращения деятельности системы охраны здоровья;

- угон в плен и в рабство белорусской молодежи (380 тыс. человек); думается, что это число было даже выше, ибо спустя 55 лет, когда власти Германии решили узникам фашизма оказать материальную помощь, то на ее получение подали документы доживших 130 тыс. узников фашизма жителей Беларуси;

- передачу Польше правительством Советского Союза в августе 1945 г. семи районов почти миллионной Белостокской области с Белостоком, в юго-восточной части которой проживало около 200 тыс. этнических белорусов, а также трех районов Брестской области;

- репатриационные процессы между Польшей и Беларусью в 1945–1948 гг., отраженные в других разделах книги и сказавшиеся, прежде всего, на демографических процессах в Гродненской области.

Правда, не все из перечисленного можно было считать демографическими потерями для СССР. Если, скажем, эвакуация населения Беларуси в восточные районы Советского Союза и их приживаемость там для Беларуси – это потери, то для тогдашней единой страны СССР с точки зрения численности населения этот процесс потерями не назовешь, это перемещение, миграция населения. Также и в отношении пленения или насильственного угона молодежи на работы в Германию – не все было потерей, часть их после войны возвратилась или в родные места, или в другие регионы Советского Союза. Репатриация в 1945–1948 гг. поляков из Беларуси в Польшу, конечно, для Беларуси означает уменьшение численности населения, но ведь в геополитическом плане их жизни были сохранены. Кроме этого было, хоть и меньшее по масштабам, и обратное переселение – из Польши в Беларусь. Добавим, что и не все смерти в 1941–1944 гг. это результат военной бойни. Даже, если бы не было в эти годы войны, убыль населения по причинам смертности все равно существовала бы. И при экстраполяции (скажем, даже на уровне сложившихся тенденций) уровня смертности Беларуси в 15‰ за 1941–1945 гг. общая величина смертей составила бы около 750 тыс. человек.

Также нельзя говорить о людских потерях Беларуси в связи с данными Ю. Е. Власевича, что немцы на нашей земле «истребили свыше 2,2 млн местных жителей и военнопленных». В частности, в отношении военнопленных. Да, для Советского Союза – это потери, но не все уничтоженные военнопленные были жителями Беларуси. Также и среди этих «местных жителей» были и беженцы (почти 74 тыс. человек) из Польши и других республик СССР.

Уточненная численность людских потерь Советского Союза включает не только погибших в период 1941–1945 гг., но и значительной численности раненных, скончавшихся от ран в госпиталях как в годы войны, так и в первые послевоенные годы. На наш взгляд, следовало бы включать в людские потери от Великой Отечественной войны и гибель советских военнослужащих (среди которых были и выходцы из Беларуси) в первые послевоенные годы, служивших в составе группы войск в Германии и других стран Восточной Европы. Были также и невозвращенцы, добровольно или принудительно служившие оккупантам, величина которых всего по Советскому Союзу составила около полумиллиона человек. Хотя многие из них и остались живыми, но некоторые стали жителями других стран. Однако тем не менее для Беларуси – это также демографические потери (примерно 10 тыс. человек).

Особенно велики были демографические потери на первом этапе войны (до Сталинградской битвы). Имеется информация, что из общей численности погибших военных 58% пали именно на начальном этапе войны, т. е. военные потери в первые полтора года были почти в полтора раза выше, чем за последующие два с половиной года. И почти 80% плененных советских военнослужащих пришлось также на этот начальный период. К сожалению, были факты, когда, выполняя лозунг «достойно встретить» очередную годовщину государственного праздника, армейское командование активизировало наступление с целью освобождения какого-либо города. В частности, к 7 ноября 1943 г. в военных действиях по освобождению «матери русских городов» – Киева, в ходе которых по некоторым версиям военначальники не считались ни с какими человеческими жертвами. Позже пришло осознание, что резервы – не беспредельны и солдат надо беречь.

В этой связи можно сделать отдельный вывод. Ныне ежегодно к началу августа в зарубежных (прежде всего в польских), а также «наших» оппозиционных средствах массовой информации развивается тезис о том, что советское руководство, якобы, не захотело ускорить наступление для оказания помощи восставшей Варшаве. Наоборот, помощь Варшаве была оказана максимальная, но ускорять явно неподготовленное и нескоординированное наступление было бы самоубийством для армии. Тем более, что еще живо было в памяти не подкрепленное материально-техническими ресурсами наступление 20-х гг. на Варшаву, закончившееся там сокрушительным разгромом советских войск под командованием Тухачевского.

Для меня, родившегося в военное время, именно этот месяц август является личной трагедией, так как второго августа 1944 г. погиб и мой отец при освобождении Советской Латвии под населенным пунктом Анна. Оставшиеся в живых, помня и пытаясь сохранить память о тех, кто отдал свои жизни за Родину, за своих детей, собрали по крупицам данные и издали уникальную серию книг «Память». В много-томном издании «Память» в первом томе, посвященном Гомелю, в разделе «Сражались в подполье» отмечено: «Владимир Чиж и Григорий Злотников проводили работу среди молодежи, что работала на железнодорожном узле». Григорий Злотников – это мой дед. Этот патриотизм был подхвачен и его сыновьями. Во втором томе этого издания приводятся списки гомельчан, отдавших жизни за Родину. Там имеются имена и фото моего отца и двух его старших братьев (Александра и Николая), жизнь которых оборвала на фронте война. Я попытался посчитать по этой книге, а сколько же в Гомеле таких погибших в одной семье. И оказалось, что по три и более сыновей потеряли в войне за освобождение Родины более трехсот семей гомельчан. И таких семей много в других городах и селах. И скольким родителям, получившим сразу несколько «похоронок», это стоило жизни? Недаром, на не оккупированных или освобожденных территориях уровень смертности среди мирного населения военного периода почти в 2 раза превышал смертность даже в первые послевоенные годы.

Наибольшие демографические потери приходятся на восточные области Беларуси, где больше всего погибло или было убито коренного населения – белорусов, а также русских. В западных областях Беларуси фашисты разжигали национальную неприязнь между белорусами и поляками как нациями, которые представляли соответственно – угнетенную и угнетающую нации в доосвободительный период. Тем более что после начала Великой Отечественной войны сюда (в сельскую местность) возвращались бывшие (а это преимущественно поляки) владельцы земли. В этой части Беларуси фашисты проводили карательные акции как против белорусского, так и против польского населения, а также еврейского народа, численность которого на территории Беларуси в связи с потоком беженцев значительно возросла.

Но не только людские (прямые демографические) потери – последствия войны для Беларуси. Не менее значительны и косвенные демографические потери в результате действия тенденций, вызванных Великой Отечественной войной для демографического развития нашей страны. Итоговые людские потери (или демографическая «це-

на») Великой Отечественной войны, как резюмирует Л. Л. Рыбаковский, «это все то население, которое погибло, умерло сверх нормального уровня, в том числе и в тыловых районах, а также покинуло страну в результате войны и не вернулось» [65, с. 102]. Во-первых, это снижение уровня рождаемости, которое, по расчетам А. А. Ракова, за годы войны составило 468 тыс. человек. Это сказалось не только на меньшем уровне рождаемости конца шестидесятых – начала семидесятых годов, а позже и девяностых годов, но и на тенденциях развития занятости, развития системы образования, комплектования вооруженных сил. К примеру, в начале 60-х гг., когда родившиеся в 1942–1945 гг. вступили в трудоспособный возраст, а их оказалось значительно меньше, чем родившихся до 1941 г., государство, исходя из принципов экстенсивного развития экономики, ввело ограничения на прием в вузы выпускников школ – преимущество стало отдаваться тем абитуриентам, которые имели стаж работы на производстве не менее двух лет. Именно данная ограничительная мера способствовала комплектованию военнотружущими армией и привлечению на производство рабочей силы.

Во-вторых, это и нарушение половой структуры населения Беларуси, в составе которой преобладали и ныне преобладают женщины. Так, по довоенным оценкам в соотношении между мужским и женским населением Беларуси была диспропорция (что явилось следствием первой мировой и гражданской войн), составившая (48,4 : 51,6)%. Чтобы осознать в этом плане последствия Великой Отечественной войны, то надо отметить, что даже к нынешнему времени это соотношение не было достигнуто. По переписи 1959 г. в Беларуси мужчины составляли 44,5%, женщины – 55,5%, в 1970 г. это соотношение (в процентах) составило 46,0 к 54,0, в 1979 г. – 46,4 к 53,6, в 1989 г. – 46,8 к 53,2 и по данным первой национальной переписи населения (1999) это соотношение между мужским и женским населением Республики Беларусь составило 47,0 к 53,0%. По материалам последующих национальных переписей населения соотношение между мужским и женским населением Республики Беларусь ухудшилось, составив соответственно в 2009 г. – 46,5 к 53,5% и в 2019 г. – 46,2 к 53,8%. В абсолютных величинах численность женского населения в Республике Беларусь в 1999 г. на 610,0 тыс. была больше численности мужчин, в 2009 г. – на 663,7 тыс. и в 2019 г. – на 710,5 тыс. человек. Прирост этой диспропорции за 20-летие на 100 тыс. не позволил значительной части женщин полноценно реализовать свое демографическое предназначение. Самое худшее соотношение между мужчинами и женщинами в послевоенный период приходилось на Витебскую область.

Так, по материалам переписи 1999 г. в Витебской области это соотношение составило 46,6 к 53,4%, в 2009 г. – 46,2 к 53,8% и в 2019 г. – 45,9 к 54,1%. Именно этой области характерны наибольшие потери численности населения по сравнению с довоенным периодом. Ныне к этой области присоединилась и столица, где гендерное соотношение характеризуется данными: 1999 г. – 46,9 к 53,1%, 2009 г. – 45,9 к 54,1% и 2019 г. – 45,7 к 54,3%. «Дефицит» мужского населения составляет в Витебской области 93,0 тыс., в Минске – 111,7 тыс. человек. Именно в этих регионах страны наименьшая рождаемость.

В-третьих, это и диспропорции в возрастном составе населения республики, особенно среди мужского населения, которое также не способствует реализации демографических надежд и ожиданий женщин, а следовательно, и будущей рождаемости.

И, в-четвертых, произошло накладывание в историческом разрезе этих явлений, что приводило и приводит к последующему «воспроизводству» негативных демографических тенденций в Беларуси.

СССР довоенную численность населения (194 077 тыс. человек) сумел превзойти только к 1955 г. (194 415 тыс. человек). Также и Россия в 1955 г. (110 537 тыс. человек) превзошла свою довоенную (110 098 тыс. человек) численность населения. Беларусь последней среди всех тогдашних советских республик превзошла довоенную численность населения (на начало 1941 г. – 9 092 тыс. человек). Это произошло к началу 1972 г., т. е. спустя трех десятилетий после начала войны, когда численность населения в Белорусской ССР составила 9 118,1 тыс. человек.

Отметим, что Латвия и Эстония превзошли довоенную численность населения к 1950 г., Таджикистан – в 1951 г., Грузия и Молдова – к 1953 г., Туркменистан – к 1954 г., Азербайджан – к 1955 г., Украина – к 1959 г. и Литва – к 1965 г. К этому 1965 г., когда все тогдашние советские республики превзошли довоенную численность населения, только одна из областей Белорусской ССР – Брестская область вышла на довоенную численность населения. Второй среди областей страны, достигшей довоенной численности населения, стала также южная область – Гомельская. К началу 1941 г. на Гомельщине проживало 1 552,1 тыс. человек (на начало 1940 г. численность населения Гомельской области была даже выше – 1 558,7 тыс. человек, чем на начало 1941 г.). Эта численность населения была превзойдена только к середине 1973 г. – на начало 1974 г. численность населения Гомельской области составила 1 563,6 тыс. человек. В ходе последующего исторического развития к началу 1993 г., т. е. спустя 50 лет после ос-

вобождения Беларуси от фашистов, еще одна область – Минская пре-
высила довоенную численность своего населения.

Брестская область к тому периоду, когда в ее истории была зафик-
сирована самая высокая численность населения (на начало 1994 г.)
превысила довоенную численность почти на 260 тыс. Гомельская об-
ласть в своей истории имела самую большую численность населения
на начало 1986 г., и превышение довоенной численности составило
118 тыс. человек.

Остальные три (Витебская, Гродненская и Могилевская) области
на период своего самого благоприятного демографического развития
так и не сумели выйти по численности населения на довоенный уро-
вень. В Могилевской области самая высокая численность населения
пришлась на начало 1989 г., но тем не менее по сравнению с довоен-
ной численностью населения жителей в области оказалась почти на
123 тыс. меньше, чем на начало 1941 г. В Гродненской области самая
высокая в послевоенный период численность населения пришлась на
начало 1994 г., но и тогда в ней жителей было на 63 тыс. человек
меньше, чем в 1941 г. А в Витебской области в период достижения
наибольшей численности населения в послевоенный период оказа-
лась самая большая недостача населения по сравнению с довоенным
уровнем – 260 тыс. человек. И все это – последствия значительных
демографических потерь, вызванных Великой Отечественной вой-
ной.

А если учесть и другие демографические процессы, в том числе и
влияние на изменение численности населения двух послевоенных
«демографических волн», то ныне в пяти из шести (кроме Брестской)
областей страны и спустя 80 лет после победных салютов жителей
значительно меньше, чем до войны, а это около миллиона их жителей
(925,7 тыс. человек). Это значит, что в Республике Беларусь можно
выделить три группы регионов с позиций демографических последст-
вий Великой Отечественной войны: столица Беларуси г. Минск и
Брестская область, в которых в настоящее время жителей больше,
чем до войны; две области в какой-то исторический период своего
развития превысили довоенную численность, но затем в силу факто-
ров социально-экономического, экологического и политического ха-
рактера, среди которых определенную роль сыграли и последствия
войны, численность их населения оказалась меньше довоенной – это
Гомельская и Минская области; и в трех областях – Гродненской,
Могилевской и особенно Витебской довоенная численность населе-
ния не была восстановлена (таблица 2).

Таблица 2 – Характеристика восстановления довоенной численности населения регионами Республики Беларусь, тыс. человек

Регион	Численность населения на начало года			Разность численности населения (+; –)	
	1941	наивысшей послевоенной	2024	довоенной	наивысшей послевоенной
Республика Беларусь	9 092,0	10 243,5 (1994)	9 156,0	+64,0	–87,5
Брестская область	1 251,1	1 501,0 (1994)	1 308,6	+57,5	–192,4
Витебская область	1 728,3	1 437,7 (1993)	1 081,9	–646,4	–355,8
Гомельская область	1 552,1	1 678,1 (1986)	1 338,6	–213,5	–339,5
Гродненская область	1 273,3	1 209,9 (1994)	992,5	–280,8	–217,4
Город Минск	270,4		1 992,9	+1722,5	–
Минская область	1 609,3	1 600,6 (1994)	1 460,3	–149,0	–140,3
Могилевская область	1 407,5	1 279,8 (1989)	981,2	–426,3	–298,6
Примечание – Источники [64–65].					

Демографическое развитие Беларуси в послевоенные годы осуществлялось под влиянием демографических волн (рисунок 2), отразивших последствия двух последних мировых войн, в особенности Великой Отечественной войны. Если после освобождения территории республики рождаемость вернулась почти на уровень довоенных лет, то позже началось постепенное падение уровня рождаемости. Так, если в предвоенном 1940 г. общий коэффициент рождаемости в республике в расчете на 1 000 человек населения составил 26,8‰, то в конце первого послевоенного пятилетия (1950) – 25,5‰. А с каждым последующим годом рождаемость снижалась примерно на 0,1 промилльного пункта, в результате чего уровень рождаемости составил в 1955 г. – 24,9‰, 1960 г. – 24,4‰.

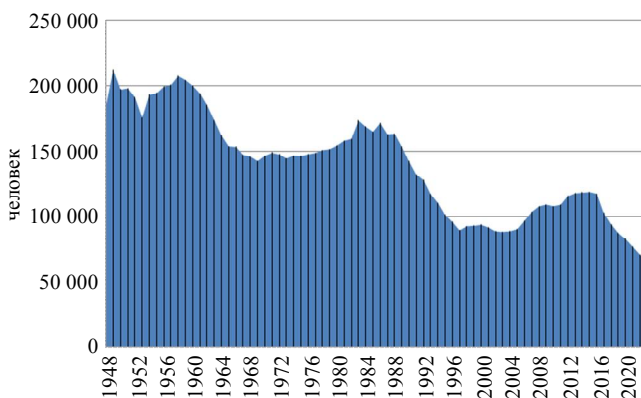

Рисунок 2 – Циклы демографических волн Беларуси за послевоенный период

А с начала 60-х гг. снижение уровня рождаемости стало более заметным. Именно в этот период в демографическом развитии стали проявляться последствия Великой Отечественной войны, а точнее – низкий уровень рождаемости в 1941–1945 гг. Так как родившихся в военные годы (или оставшихся после войны в живых) было гораздо меньше довоенного уровня, то, достигнув в начале 60-х гг. возраста вступления в брак и детородного возраста, среди детей военного времени оказалось зафиксированным меньшее количество браков и, естественно, волна рождаемости пошла на спад.

Если в начале 60-х гг. уровень рождаемости составлял 22–24‰, то в конце 60-х гг. этот показатель был в пределах 16‰. Нижняя точка этой волны приходится на 1975–1977 гг., когда показатель рождаемости составил 15,7‰. В абсолютных величинах ситуация выглядит следующим образом: в 1960 г. родилось 200 218 человек, в 1965 г. – 153 865, в 1970 г. – 146 676 человек. Меньше всего в период 60–80-х гг. родилось в 1969 г. – 142 652 человека.

1983–1986 гг. – высшая точка следующего гребня демографической волны: в 1983 г. родилось 173 510 человек, в 1986 г. – 171 611 человек. Это самые высокие показатели после 1963 г. Этот рост коррелирует с высоким уровнем рождаемости до 1963 г., так как именно на период начала 80-х гг. приходится вступление в брачный и детородный возраст родившихся в конце 50-х – начале 60-х гг. Правда, в пересчете на 1 000 населения сам гребень уже стал меньших размеров, чем до 60-х гг. В 1983 г. коэффициент рождаемости составил 17,6‰, в 1986 г. – 17,1‰.

Конец 80-х гг. опять характеризуется спадом волны рождаемости, т. е. после некоторого подъема рождаемости в Республике Беларусь дважды (в начале 60-х и конце 80-х гг.) происходил резкий спад рождаемости по сравнению с предшествующими годами. Эта тенденция демографического развития нашей страны, хотя и усугубленная в 90-х гг. социально-экономическим кризисом, отражает и последствия последней мировой войны. Поэтому для белорусского народа Великая Отечественная война в его демографическом поведении продолжается и ныне, когда в активный репродуктивный возраст вступают внуки детей, родившихся в годы войны, что выражается в регулярном снижении уровня рождаемости (с 1989 г. ежегодно на 1,1–0,5 промиллевого пункта).

Демографические процессы этого периода протекают в сложных социальных, политических, экономических и экологических условиях, накладывающих на них влияние и их отражающих. Из них большая часть демографической волны приходится на дестабилизирую-

щие последствия развала СССР (1985–1990), как единого демографического пространства. Сначала важное место в этих процессах занимали последствия экологической катастрофы на Чернобыльской АЭС, о чем свидетельствует более 9-тысячное падение рождаемости за один постчернобыльский год – 1987 г. Затем свою лепту внесли политические последствия 1990–1991 гг., связанные с проблемами формирования суверенных постсоветских государств, сказавшиеся на снижении рождаемости в Беларуси за эти два года более чем на 21 тыс. человек.

Первые годы становления суверенной Беларуси в демографическом развитии характеризуются следующими негативными процессами. Один из них – падение рождаемости за 1992–1997 гг. более чем на 42 тыс. человек. Второй – в 1994 г. в демографических процессах Республики Беларусь сложилось отрицательное сальдо естественного движения населения, которое с тех пор характеризует главенствующую и ныне тенденцию превышения смертности по сравнению с ее возмещением рождаемостью. И третий – сокращение численности населения Беларуси. До 1994 г. рост численности населения Республики Беларусь обеспечивало положительное сальдо миграции – исход русскоязычного населения из среднеазиатских, закавказских и прибалтийских регионов в относительно спокойную от политических бурь в Беларусь. Но со второй половины 1990-х гг. этот маятник миграции перестал быть положительным.

Последняя демографическая волна роста рождаемости, охватывающая 12-летний период, приходится на 2004–2015 гг. и характеризуется почти 30-тысячным ее ростом, или на 34,5%, – с 88 512 человек в 2003 г. до 119 028 человек в 2015 г. Одновременно в этот период происходило и сокращение уровня смертности, составившее 21,7% – с 146 655 человек в 2002 г. до 120 470 человек в 2019 г. На наш взгляд, эти позитивные демографические процессы были связаны с реализацией мероприятий пронаталистской политики, определенных Законом Республики Беларусь 2002 г. «О демографической безопасности в Республике Беларусь».

При этом самые неблагоприятные показатели естественного прироста населения в начале XXI в. выпадают на области, которые так и не сумели достичь довоенной численности – Витебскую, Могилевскую и Гродненскую области Беларуси, а также Минскую область, которая на «мгновение» (1993–1994) превысила довоенную численность населения. Так, отрицательное сальдо естественного прироста по Витебской области в 2002 и 2003 гг. составило 8,9 и 8,4‰ соответственно. По Минской области этот показатель в 2002 и 2003 гг. составил

минус 8,7 и 8,0‰ соответственно, по Могилевской области – минус 7,3 и 7,1‰ соответственно и по Гродненской области – минус 6,8 и 6,9‰.

И ныне в Минской области по сравнению с довоенным периодом жителей меньше на 149,0 тыс. человек, в Гродненской – на 280,8 тыс. человек, в Могилевской – на 426,3 тыс. человек и в Витебской – на 646,4 тыс. человек. Витебской и Могилевской областям характерны не только самые высокие абсолютные показатели демографических потерь, но и высокие проценты сокращения численности населения областей – 37,4 и 30,3% соответственно. Высокий показатель отрицательного сальдо естественного движения населения этих областей коррелирует с их высокими потерями демографического потенциала во время Великой Отечественной войны.

Современное демографическое развитие уже суверенной Беларуси в условия распада СССР – также прямое следствие демографических тенденций Великой Отечественной войны. И эти потери даже сравнимы. Так, накануне принятия Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности» в 2001 г. состоялось на 33,7 тыс. рождений меньше, чем в самом трудном военном 1943 г., в 2002 и 2003 г. – на 36,6 тыс. меньше.

Кроме того, эти процессы связаны с новыми явлениями в миграции. Постсоветское («суверенное») существование бывших советских республик и националистические тенденции в большинстве новых независимых государствах вызвали миграцию из этих стран некоренного населения (населения нетитульной нации). Среди иммигрантов почти половину составляют этнические белорусы, а также дети и внуки тех жителей Беларуси, которые когда-то, в том числе и в результате эвакуации, покинули разоренную тогда белорусскую землю. А выталкивающие факторы в отдельных странах СНГ и Балтии «способствовали» их возврату на историческую Родину.

Бывшие республики СССР четко разделились на две группы – принимающие и отдающие население (мигрантов). Если в предшествующие периоды до середины 1980-х гг. миграция главным образом определялась экономическими процессами, то во второй половине 1980-х гг. в течение нескольких постчернобыльских лет ведущими стали «экологические» факторы. На рубеже 1990-х гг. ведущими стали политические факторы – в отличие от предшествующих эпох произошло деление мигрантов по этническому признаку: принимающими стали славянские республики, отдающими – неславянские, что ярко проявляется прежде всего на миграционных процессах в Беларуси.

Если с 1950 по 1990 г. Беларусь имела отрицательное сальдо миграции с нынешними новыми независимыми постсоветскими госу-

дарствами, то в 1991–1994 гг. миграционное сальдо Беларуси стало положительным. Причем эта тенденция в миграционных процессах еще далека от завершения, так как более миллиона этнических белорусов, а большинство из них выехало отсюда в результате военного лихолетья, проживают за пределами Беларуси, и прежде всего в регионах, где националистический угар еще не утих. Именно поэтому, несмотря на то, что Вторая мировая война для Беларуси завершилась 80 лет назад, ее последствия в демографическом плане все еще несут нам негативные демографические результаты.

И правнуки тех, кто воевал и отдал жизнь за родину, внуки родившихся в годы военного лихолетья должны осознавать, какие современные демографические последствия породила Великая Отечественная война. А задача государства создать благоприятные условия для этих правнуков и праправнуков, чтобы обострившиеся демографические проблемы современной Беларуси не привели к еще большей трагедии – исчезновению белорусского социума. К сожалению, за 1994–2023 гг. страна столкнулась с самым громадным уменьшением численности населения за послевоенный период – более чем на один миллион жителей. В этом уменьшении значительное место занимают 20-е гг. Так, если за 2010–2019 гг. численность населения Республики Беларусь уменьшилась на 90,4 тыс. человек, то только за один – 2020 г. ее численность сократилась на 94,1 тыс. человек. Всего же за период после последней переписи численность населения Беларуси уменьшилась на 257,4 тыс. человек [65–66]. Это означает, что если ежегодная убыль населения за последнее межпереписное десятилетие составляла 9 036 человек, то за годы после переписи 2019 г. эта убыль стала почти в 5,9 раза большей – 53 207 человек. Это привело к снижению численности населения страны до 9 155 978 человек на начало 2024 г. Такого уменьшения численности населения (более чем на четверть миллиона за короткий срок) не было за всю историю суверенного развития Республики Беларусь.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, принятая в апреле 2024 г. Всебелорусским народным собранием, особое внимание уделяет проблемам демографического развития Беларуси. Концепция выделяет в депопуляции внешние источники угроз национальной безопасности в демографической сфере – это проведение иностранными государствами политики, направленной на стимулирование эмиграции населения Республики Беларусь. Активизация миграционных процессов, нерегулируемая иммиграция в страну представляют потенциальную угрозу и реальный вызов национальной безопасности Республики Беларусь.

3.4. О миграционном сальдо Беларуси

Миграция среди демографических процессов занимает особое место. Ее сложность связана не только с противоречивостью самой миграции и ее взаимосвязью с социально-политическими и социально-экономическими процессами и явлениями, а также с использованием информации о миграционных процессах различными силами во внутриполитической борьбе или ограничений на публикацию информации о масштабах миграции. Миграция является объектом анализа статистической, экономической, демографической, социологической, философской, географической, юридической, исторической и политологической наук.

Демографические процессы на территории, входящей ныне в состав Республики Беларусь, уже в XIX в. характеризовались значительным ростом его численности как за счет высокой рождаемости, снижения уровня смертности, так и положительного сальдо миграции. Роль миграции Беларуси в демографических процессах частично отражают данные таблицы 3 за период, начиная с 1914 г., которые характеризуют разные его тенденции. Она показывает, что в абсолютном большинстве своем Беларуси было характерно отрицательное сальдо миграции.

Таблица 3 – Расчет сальдо миграции в демографических процессах
Беларуси в 1914–2022 гг. (в современных границах, тыс. человек)

Год	Численность населения	Естественный прирост	Сальдо миграции (+; –)	Год	Численность населения	Естественный прирост	Сальдо миграции (+; –)
1914	7 575,1	117,7	20,0	1969	8 915,0	76,7	6,7
1915	7 612,8	–24,7	–572,0	1970	8 999,2	77,7	–28,2
1916	7 036,5	–54,5	–27,6	1971	9 046,3	80,6	–10,9
1917	6 954,4	–58,3	–53,8	1972	9 118,1	75,9	–11,9
1918	6 842,3	–26,4	–203,9	1973	9 182,4	70,8	–1,8
1919	6 612,0	–10,0	34,7	1974	9 251,4	73,7	–7,9
1920	6 636,7	10,6	46,4	1975	9 317,2	66,8	–23,5
1921	6 693,7	105,8	139,2	1976	9 360,5	65,5	–19,8
1922	6 938,7	139,3	105,0	1977	9 406,2	64,4	–7,1
1923	7 183,0	187,5	59,8	1978	9 463,5	64,4	4,1
1924	7 430,0	180,8	–6,8	1979	9 532,5	61,0	–1,7
1925	7 604,0	180,1	–8,1	1980	9 591,8	59,0	12,1
1926	7 776,0	190,4	1,2	1981	9 662,9	65,8	8,4
1927	7 967,1	182,2	–37,2	1982	9 736,1	65,5	–1,0
1928	8 112,1	176,3	–62,9	1983	9 800,6	75,7	–6,9
1929	8 225,5	161,9	–71,9	1984	9 869,4	64,5	–4,9

Окончание таблицы 3

Год	Численность населения	Естественный прирост	Сальдо миграции (+; -)	Год	Численность населения	Естественный прирост	Сальдо миграции (+; -)
1930	8 315,5	173,9	-77,0	1985	9 929,0	59,3	-1,9
1931	8 412,4	179,8	-27,5	1986	9 986,4	74,3	-17,9
1932	8 564,7	177,4	-53,3	1987	10 042,8	63,0	-16,1
1933	8 688,8	173,3	-55,3	1988	10 089,7	60,5	1,6
1934	8 770,8	134,2	-100,5	1989	10 151,8	50,0	-12,9
1935	8 804,5	131,8	-122,8	1990	10 188,9	32,6	-31,7
1936	8 813,5	126,6	-97,8	1991	10 189,8	17,4	-8,9
1937	8 842,3	151,1	-122,3	1992	10 198,3	11,3	25,0
1938	8 871,3	153,7	-116,2	1993	10 234,6	-11,2	20,1
1939	8 908,6	137,4	-	1994	10 243,5	-19,4	13,7
1940	9 046,0	125,0	-12,5	1995	10 210,4	-32,6	0,5
1941	9 183,4	-340,8	-1014,0	1996	10 177,3	-37,6	2,2
1942	7 828,6	-829,7	-60,0	1997	10 141,9	-47,1	-1,8
1943	6 937,9	-349,2	-295,1	1998	10 093,0	-44,7	-3,2
1944	6 293,6	-44,3	14,5	1999	10 045,2	-49,1	1,3
1945	6 263,4	-46,7	229,5	2000	10 002,6	-41,2	-1,4
1946	6 540,0	91,7	537,7	2001	9 956,7	-48,6	3,1
1947	7 169,9	115,2	99,2	2002	9 900,4	-57,9	1,6
1948	7 384,3	121,1	78,9	2003	9 830,7	-54,7	-15,0
1949	7 584,3	150,7	-25,2	2004	9 762,8	-51,1	-16,8
1950	7 709,8	135,3	-63,2	2005	9 697,5	-76,3	11,0
1951	7 781,1	137,1	-169,5	2006	9 630,4	-41,7	-26,4
1952	7 748,7	126,9	-182,2	2007	9 579,5	-29,4	-21,1
1953	7 693,4	114,3	-122,1	2008	9 542,4	-26,0	-11,1
1954	7 785,6	131,4	-59,8	2009	9 513,6	-25,8	-4,0
1955	7 757,2	136,3	-13,0	2010	9 500,0	-29,1	15,5
1956	7 850,2	143,6	-83,8	2011	9 481,2	-25,9	7,1
1957	7 910,0	142,8	-91,2	2012	9 465,2	-10,6	-5,4
1958	7 961,6	154,0	-68,8	2013	9 463,8	-7,3	5,9
1959	8 046,7	142,1	-41,4	2014	9 468,2	-3,0	7,4
1960	8 147,4	146,2	-62,7	2015	9 480,9	-1,0	13,7
1961	8 233,3	140,6	-40,7	2016	9 498,4	-1,6	10,1
1962	8 335,2	124,6	-26,4	2017	9 504,7	-16,8	10,5
1963	8 435,4	115,6	-72,9	2018	9 491,8	-26,0	13,1
1964	8 479,8	107,8	-31,4	2019	9 429,3	-32,6	-29,9
1965	8 557,8	95,7	0,7	2020	9 410,3		-19,3
1966	8 655,7	95,1	-9,5	2021	9 349,6		-60,7
1967	8 761,8	86,2	-10,5	2022	9 255,5		-94,1
1968	8 838,7	83,7	-8,3	2023	9 200,6		-54,9
Примечание – Данные до 1970 г. приводятся на основе источника [43, с. 12–14]. Данные о миграционном сальдо за 2020–2023 гг. – расчетные.							

О сложности и проблемах учета миграции свидетельствует и история демографических исследований в Беларуси, когда в начале 1960-х гг. пионеры белорусской демографии (тогда в НИИЭМП при Госплане БССР – ныне это НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь) столкнулись с независимыми от них трудностями в характеристике миграционных процессов республики. Так, в монографии А. А. Ракова «Население БССР» (1969) информация по миграции была частичной – миграционное движение населения Беларуси было изложено в межреспубликанском разрезе только по городской местности. Работа А. Н. Пешковой «Миграция населения Белоруссии» (1973) была опубликована под грифом ДСП (Для служебного пользования). Кандидатская диссертация по проблемам миграции Л. Е. Тихоновой «Социально-экономические аспекты миграции населения БССР» (1982) также была представлена с грифом ДСП.

Поэтому в предыдущей таблице некоторые данные приведены как расчетные и за первое 30-летие (1914–1943). Вроде бы положительное сальдо миграции Беларуси за 2010–2018 гг., основанное на данных текущего миграционного учета Белстата, является недостаточно точным. Это подтверждается существенным расхождением сопоставления данных белорусско-российского миграционного обмена. По данным Белстата Беларусь в миграционном обмене имеет положительное сальдо, Росстат же фиксирует в несколько раз большую величину российского миграционного сальдо.

После принятия в 2002 г. закона «О демографической безопасности в Республике Беларусь» демографическая информация стала доступной для общественности, что способствовало выходу исследований на более глубокое осмысление демографических процессов в стране. Но в конце второго десятилетия исследователи встретились со сложностью анализа демографических проблем, ибо национальной статистикой вновь возведены искусственные преграды для научного сообщества. Эти сложности умножились тем более, что сами по себе миграционные процессы и проблемы сложны и противоречивы. Имеется в виду не только вообще миграция как явление, а белорусская миграция. И первая проблема – это определение реальных масштабов миграции. Демографическая ситуация в Республике Беларусь уже почти три десятилетия характеризуется устойчивой тенденцией уменьшения численности населения. И хотя в первые полутора десятилетий нового столетия в результате активной социальной политики в репродуктивной сфере в Беларуси наблюдался рост рождаемости, тем не менее, тенденция уменьшения численности населения страны была очевидна. Это, на наш взгляд, связано с повышением степени

влияния на демографическую ситуацию Беларуси миграционных процессов.

Из трех важнейших демографических показателей (рождаемость, смертность, миграция) главными направлениями политики преодоления депопуляции в Беларуси является обеспечение роста рождаемости. На подъем рождаемости и направлены все демографические мероприятия в стране. Проблема повышения рождаемости как главное направление в демографической политике является ведущей в социальной политике. В 2003–2015 гг. здесь наметились позитивные результаты. Но рост отрицательного сальдо миграции не компенсировался даже ростом рождаемости, что подтверждает значимость проблемы миграции как одной из существенно значимой в демографической политике Республики Беларусь.

Отметим, что в отношении масштабов прежде всего положительного или отрицательного сальдо белорусской миграции существуют разночтения. Белорусские аналитики, ссылаясь на данные текущего национального статистического учета, констатировали, что миграционные процессы Беларуси характеризуются положительным сальдо.

Так, в одном из номеров журнала «Экономический бюллетень» (2015. № 9) Минэкономики Республики Беларусь в статье заведующей Центром социально-демографических исследований НИИ Минтруда и соцзащиты Республики Беларусь Н. И. Красовской «Современная демографическая политика Республики Беларусь: тенденции и приоритеты» утверждалось, что в течение последних 20 лет имеется положительный миграционный прирост [67].

К сожалению, и в моей статье «Миграция в Беларуси: тенденции и проблемы оценки», опубликованной в этом же журнале, но кардинально отредактированной и в связи с чем смысл оказался искаженным, проскользнула непонятная для читателей фраза «вместе с тем отрицательный естественный прирост, который компенсируется миграцией, выдвигает миграционную проблему на первый план в демографической политике республики» [68, с. 33].

Мною же утверждалось существенно иное: «но рост миграции не компенсируется даже ростом рождаемости, что выдвигает проблему миграции, на наш взгляд, на ведущее место в демографической политике Республики Беларусь». Но о том, что отрицательный естественный прирост компенсируется миграцией, речи не велось. А это существенно отличается от «отредактированного».

Ситуация в миграционных процессах Беларуси периода суверенного развития последнего тридцатилетия заставляет усомниться о размерах положительного сальдо миграции, отражаемой националь-

ной статистикой. Текущая статистика постоянно давала информацию о положительном сальдо белорусской миграции за эти годы. Но кроме данных текущего учета существуют и материалы переписей населения. И прошедшие национальные переписи населения опровергают выводы о белорусском положительном миграционном сальдо. Наоборот, итоги переписей выявляют, что Беларусь имеет устойчивое отрицательное сальдо миграционного обмена с другими странами. И миграционная статистика других стран, к примеру, России, имеющей наибольший миграционный оборот с Беларусью, свидетельствует об отрицательном сальдо миграции Беларуси.

Так, по данным текущего статистического учета миграционное движение Республики Беларусь за период между переписями населения (1999–2009) составило прирост в 54,5 тыс. человек. Перерасчет динамики движения населения после переписи 2009 г. за период 2000–2008 гг. выявляет отрицательное миграционное сальдо в 97,0 тыс. человек. Такая же ситуация была характерна и для оценки тенденций в миграционном движении Республики Беларусь и в предыдущий межпереписной период (1989–1999).

В предисловии отмечалось, что наибольшая численность населения в истории Беларуси составляла 10 367,5 тыс. человек (на начало 1994 г.), которой международная статистика оперирует и ныне (после двойного пересчета) в национальной статистике наивысшей численностью населения страны на начало 1994 г. считается 10 243,5 тыс. человек. За межпереписные 1989–1999 гг. уменьшение численности населения Беларуси составило 106,6 тыс. человек, а за период 1999–2009 гг. – 541,4 тыс. человек.

С еще более значительным уменьшением численности населения Республики Беларусь страна столкнулась после переписи 2019 г. Так, если за последнее десятилетие между национальными переписями численность населения Республики Беларусь сократилась на 90,4 тыс. человек, то только за один 2021 г. это сокращение оказалось существенно значительным – 94,1 тыс. человек. На начало 2024 г. численность населения Беларуси составила 9 156,0 тыс. человек, т. е. за почти три десятилетия численность населения страны уменьшилась более чем на миллион человек – на 1 087,5 тыс. человек [65]. Это означает, что темпы и размеры этого уменьшения в последние годы значительно увеличились, т. е. в период после переписи среднегодовое уменьшение численности населения оказалось в несколько раз большим, чем за предыдущие межпереписные годы.

Такого уменьшения численности населения не было за всю демографическую историю суверенного развития Республики Беларусь.

И наряду с падением уровня рождаемости свою лепту внес и рост отрицательного сальдо миграции. Показательной является тенденция изменения роли составляющих демографических процессов в этом уменьшении численности населения страны. Так, за период 1989–1998 гг. структура людских потерь Республики Беларусь за счет естественного и механического движения населения составляла соответственно 76,3 и 23,7%, а за период 1999–2008 гг. эта пропорция составила 58,1 и 41,9% (рисунок 3). Это означает, что в новом десятилетии сокращение численности населения Республики Беларусь по сравнению с предшествующим десятилетием за счет естественной убыли выросло в 3,8 раза, а за счет миграционных потерь рост составил 8,8 раза. Это свидетельствует, что существенным фактором современного демографического развития Беларуси стал рост влияния отрицательного сальдо миграции на депопуляционные процессы. И именно это выдвигает миграционную проблему на первый план в демографической политике страны.

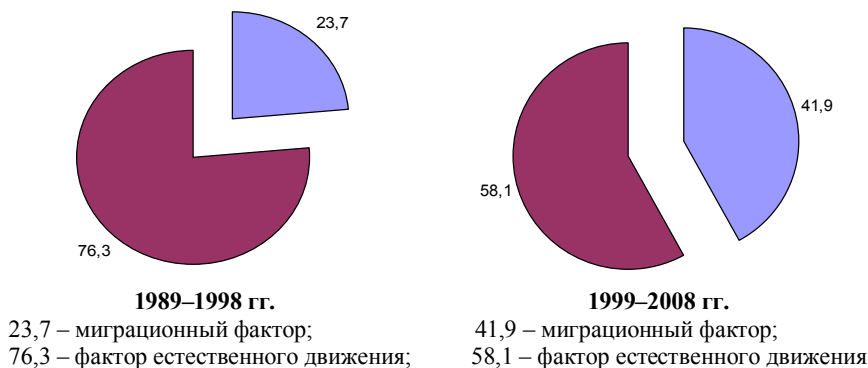

Рисунок 3 – Соотношение факторов снижения численности населения Республики Беларусь по данным переписей населения Беларуси 1989, 1999 и 2009 гг., %

Данная ситуация свидетельствует о сложности проблемы определения масштабов и тенденций белорусской миграции в целом, а значит и выборе основных направлений демографической политики. Это подтверждают и данные миграционного движения между Россией и Беларусью за последнее десятилетие (2010–2019), анализ которого предлагается ниже.

Вывод разработчиков Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь, что страна имеет положительное

сальдо внешней миграции, является ошибочным. Данная ситуация свидетельствует о сложности проблемы определения масштабов белорусской миграции в целом, а значит, и выборе основных направлений демографической политики. Наносит вред научной разработке направлений выхода Беларуси из очередного витка депопуляции «закрытие» (или скрытие) статистики демографической информации.

О том, что есть проблемы в определении белорусского миграционного сальдо, свидетельствуют сопоставимые статистические данные миграционного движения между Россией и Беларусью, приводимые Росстатом и Белстатом за последние годы. По данным текущего статистического учета Белстата (Национального статистического комитета Республики Беларусь) величина международной миграции Республики Беларусь за годы XXI в. постоянно характеризуется положительным сальдо. К примеру, по этим данным за 2010–2019 гг. Республики Беларусь в белорусско-российском миграционном обмене имеет положительное сальдо миграции, составившее 279 444 человека. Анализ данных российской статистики о величине безвозвратной белорусско-российской миграции дает совсем иную тенденцию, они не совпадают – и не совпадают на значительную величину. Российские данные за период 2010–2019 гг. выявляют, что Россия в миграционном обмене с Беларусью имеет положительное сальдо в 60 396 человек (таблица 4), т. е. разница составляет более 88 тыс. человек.

Таблица 4 – Сравнительная характеристика миграционного белорусско-российского обмена по данным текущего статистического учета Национального статистического комитета Республики Беларусь и Федеральной службы государственной статистики России [69, с. 210–212] за 2010–2019 гг., человек

	Данные Белстата			Данные Росстата		
	Прибыло	Выбыло	Прирост	Прибыло	Выбыло	Прирост
2010	9 268	4 237	5 031	4 894	2 899	1 995
2011	9 666	4 953	4 713	10 182	2 622	7 560
2012	8 560	5 493	3 067	17 878	11 156	6 722
2013	9 150	4 378	4 772	12 012	9 456	2 556
2014	9 131	4 669	4 462	14 486	8 709	5 777
2015	7 837	5 137	2 700	14 087	11 053	3 034
2016	6 611	5 912	699	10 899	10 655	244
2017	6 025	6 125	–100	17 059	7 760	9 299
2018	7 040	6 732	308	15 024	10 004	5 020
2019	10 440	8 148	2 292	14 879	10 445	4 434
2010–2019	83 728	55 784	27 944	131 400	84 759	46 641

Вышеизложенный анализ масштабов миграции на основе материалов переписей населения 1989–2019 гг., а также сопоставление данных белорусской и российской статистики о миграции между Беларусью и Россией только за 2010–2019 гг. не дают оснований утверждать о белорусском положительном миграционном сальдо. В этой противоречивой информации, на наш взгляд, за верные можно принять показатели Белстата о численности прибывших из Российской Федерации в Республику Беларусь, а в отношении численности прибывших из Беларуси в Российскую Федерацию – показатели Росстата, ибо и те и другие базируются на данных органов внутренних дел своих стран, фиксирующих реальное их **прибытие**.

Что касается сведений о выбытии в ту или другую страну, то часто мы имеем дело с намерением переехать в эту другую страну. Реальное оформление их в странах прибытия может затянуться надолго, а может и не состояться, но в стране выбытия они уже числятся как эмигрировавшие. Поэтому показатели о численности безвозвратной белорусско-российской миграции за 2010–2019 гг. будут следующие: прибыло на постоянное место жительства в Беларусь из России – 83 728 человек (данные Белстата), а в Россию на постоянное место жительства из Беларуси прибыло 131 400 человек (данные Росстата). Это значит, что Россия имеет в миграционном обмене положительное сальдо более чем на 47,6 тыс. человек, а Беларуси – на эту величину отрицательное сальдо. По российским данным отток населения из Беларуси в российском направлении постоянно растет: самый минимальный этот показатель (4 894 человека) зафиксирован в 2010 г., а самый высокий (17 059 человек) пришелся на 2017 г. При этом данные белорусско-российского выбытия 2010 г. (4 237 человек) оказались близкими с данными российско-белорусского прибытия (4 894 человека). Эта разница при сравнении данных 2017 г. белорусско-российского выбытия (6 125 человек) и российско-белорусского прибытия (17 059 человек) оказалась почти трехкратной (в 2,8 раза).

Если взять белорусские данные текущего статистического учета выбытия граждан Беларуси в Россию, то они зафиксировали показатели в 55 784 человек, т. е. более чем в полтора раза меньшие, чем по российским показателям прибытия белорусских граждан на постоянное место жительства в Россию. Кроме разрыва времени между отъездом из одной страны, т. е. из Беларуси, и оформлением документов как прибывших в другую страну, т. е. в Россию, есть и другие факторы такого значительного превышения численности прибывших граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные

Росстата) по сравнению с выбытием граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Белстата). Это величина белорусской трудовой миграции, которая по аналитическим расчетам в различные периоды колебалась от миллиона (2007–2008) до 600 тыс. человек в 2013–2019 гг. белорусских граждан, занятых на российском рынке труда, о чем речь в другом разделе.

Важным аспектом проблемы анализа масштабов, структуры и сфер приложения труда различных видов белорусско-российской миграции населения является демографическая структура мигрантов. По данным текущего статистического учета Белстата в Беларусь из России на постоянное место жительства переезжают этнические (или родившиеся ранее на территории Беларуси) белорусы старших (пенсионных) возрастов, а в Россию из Беларуси переезжает трудоспособное население в активном репродуктивном возрасте. Это негативно сказывается на демографических процессах в Беларуси: резко растет удельный вес нетрудоспособного населения и сокращается репродуктивная база демографического потенциала Беларуси.

Существенные изменения национального состава белорусского и русского этносов своих государств отражают материалы переписей населения Республики Беларусь и Российской Федерации. В численности населения Беларуси на протяжении всего послевоенного времени русский этнос является традиционно вторым – после белорусов. Вместе с тем за годы суверенного развития последних 30 лет численность русского этноса в Беларуси сократилась с 1 342 099 человек в 1989 г. до 706 718 человек в 2019 г., или в 1,9 раза, при общем уменьшении численности населения белорусского государства на 7,27%. При этом удельный вес этнических русских в национальной структуре Беларуси за 1989–2019 гг. снизился с 13,22 до 7,51%.

Аналогичные изменения происходили и в этническом составе населения России. Так, за период 1989–2010 гг. уменьшение численности белорусов в населении России было более высоким, чем русских в Беларуси – с 1 206 222 человек в 1989 г. до 208 046 человек в 2021 г., или почти в 5,8 раза. Вместе с тем в отношении численности белорусов в Российской Федерации по материалам ее последней переписи населения имеется несколько величин. Одна из них 208 046 человек дана в итоговых показателях Национального состава населения Российской Федерации [69]. Другая величина – 206 046 человек дает суммирование численности белорусов по регионам (таблица 5).

Таблица 5 – Характеристика распределения численности белорусского этноса по федеральным округам Российской Федерации по переписи населения 2021 г., человек

Федеральные округа	2010 г.	2021 г.	2021 г. к 2010 г., %
Российская Федерация *, всего	521 443	206 046	39,51
Центральный федеральный округ (ЦФО)	139 342	55 673	40,00
Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)	151 015	58 577	38,80
Южный федеральный округ (ЮФО)**	66 417	22 453	33,81
Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)	9 217	2 902	31,49
Приволжский федеральный округ (ПФО)	62 540	22 188	35,48
Уральский федеральный округ (УФО)	74 038	20 616	27,85
Сибирский федеральный округ (СФО)***	47 831	15 693	32,81
Дальневосточный федеральный округ (ДФО)	27 326	7 944	29,07
* Показатель 2021 г. указан на основе суммы регионов источника [70], что на 2 000 человек меньше соответствующего показателя колонки 1 – всего по Российской Федерации.			
** Включена численность населения Республики Крым и г. Севастополя в 2014 г. – 21 694 человека, что на эту величину существенно выше общего показателя 2010 г.			
*** Включена численность населения Республики Бурятия и Забайкальского края, ранее (в 2010 г.) входивших в Уральский федеральный округ.			

Разница итогового показателя и региональной суммы составляет ровно 2 тыс. человек. Третий и четвертый показатели численности белорусов взяты из другой таблицы этого пятого тома на основе данных вариантов ответов населения Российской Федерации на вопрос «Ваша национальная принадлежность», где всего белорусов на основании показателя о национальной принадлежности ответили 210 495 респондентов, в том числе: единственный или первый ответ о национальной принадлежности – 207 708 человек.

Таким образом, материалы переписи населения Российской Федерации в отношении численности белорусского этноса дают следующие величины: 206 046 человек, 207 708, 208 046 и 210 495 человек, расхождение между которыми составляет 2,16%, что вписывается в допустимую статистическую погрешность в 3–5%. Из них за основу мы берем величину в 206 046 человек, которая характеризует итоги регионального распределения в России белорусского этноса, что отражено материалами региональных итогов переписи населения Российской Федерации.

В российских приграничных с Республикой Беларусь областях численность белорусов в их этнической структуре по данным переписей составила: в Смоленской области в 2021 г. – 5 311 человек против 12 012 человек в 2010 г., в Псковской области – соответственно 3 101 и 6 772 человек, а также в Брянской области – 2 106 и 5 510 человек. Это значит, что в приграничных с Беларусью российских областях, как и целом по Российской Федерации, происходит сокращение численности белорусов. Но оно несколько меньшее, чем по соответствующим федеральным округам: суммарно в Брянской и Смоленской областях – 57,9%, а по ЦФО – 60,0%. Соответственно, в Псковской области численность белорусов уменьшилась на 54,1%, в то время как в целом по СЗФО – 61,2%. Именно в этих двух из восьми российских федеральных округов проживает большинство этнически белорусов – 55,45%.

По итогам последней российской переписи населения в приграничных областях с Республикой Беларусь в их национальной структуре и в 2011–2020 гг. сокращение численности этнических белорусов составило 2,3 раза. Наибольшее сокращение белорусского этноса наблюдается в Брянской области – в 2,6 раза, а наименьшее отмечено в Псковской области – в 2,2 раза. Наибольшая численность белорусов в этнической структуре граничащих областей зафиксировано в Смоленской области – 5 311 человек, где это уменьшение составило 2,26 раза. В целом же в Российской Федерации сокращение численности белорусов гораздо большее, чем в российских приграничных областях, – в 2,51 раза.

Большинство белорусов связали свое местожительство и трудовой деятельности с СЗФО, где их численность по данным переписи 2021 г. составила 58 577 человек (в 2010 г. – 151 015 человек). Из них свою судьбу связали с Санкт-Петербургом – 15 545 человек, Калининградской областью – 11 360 человек, Республикой Карелии – 9 372 и Ленинградской областью – 7 527 человек. Из 55 673 человек белорусов ЦФО в Москве и столичной области они составили 17 632 и 15 673 человек соответственно. Это самые большие величины белорусов в регионах России. Из остальных округов наибольшая численность белорусов составила: в Республике Крым ЮФО – 8 672 человек, т. е. более трети белорусов этого округа. В населении СКФО самая меньшая численность белорусов, проживающих в европейской части России в Ставропольском крае, – 2 240 человек. При этом по численности белорусов в этом крае сосредоточена наибольшая белорусская диаспора округа – 77,2%. В ПФО наибольшая белорусская диаспора сосредоточена в Республике Башкортостан – 3 753 человек, или 16,9%. В УФО

наибольшая численность этнических белорусов занято в нефтяной промышленности.

При этом за последнее десятилетие XX в. и первое десятилетие XXI нынешнего столетия в национальной структуре Беларуси численность русского этноса снизилась в 1,9 раза. А за последнее десятилетие (2009–2019) численность русского этноса в Беларуси немного увеличилась – на 0,23%. В это же время ситуации с белорусским этносом в национальном составе России характерен тренд постоянного роста этого уменьшения: за 1989–2002 гг. – на 49,29%, за 2002–2010 гг. – на 54,95% и за 2010–2021 гг. – в 2,5 раза (таблица 6).

Таблица 6 – Численность белорусского и русского этносов по материалам переписей населения Республики Беларусь и Российской Федерации, человек

Годы переписи	Российская Федерация		Республика Беларусь	
	Русские	Белорусы	Белорусы	Русские
1989	119 865 946	1 206 222	7 904 623	1 342 099
1999			8 159 073	1 141 731
2002	115 889 107	807 970		
2009			7 957 252	705 084
2010	111 016 649	521 443		
2019			7 990 719	706 718
2021	116 488 289	208 046		

Причем, во-первых, по данным российского миграционного учета Россия имеет большую разницу положительного сальдо миграции, чем по данным белорусского миграционного учета. Во-вторых, на российском рынке труда наблюдаются высокие уровни трудовых мигрантов из Беларуси, которые после их адаптации в России трансформируются в безвозвратную миграцию.

В последние годы растет численность эмигрировавших белорусов в западном направлении. По информации Европейского статистического комитета численность граждан Беларуси, получивших в 2014 г. вид на жительство в европейских странах, составила 80 тыс. человек. По общим количественным показателям это больше, чем граждан России (73 тыс. человек), но меньше, чем граждан Украины (302,8 тыс. человек). Правда, в сопоставимых величинах от численности населения стран эмиграции процент граждан Беларуси, ставших в 2014 г. резидентами стран Европейского сообщества, оказался больше, чем аналогичный украинский показатель – 0,84 и 0,67% соответственно.

Таким образом, как реальная направленность, так и иммиграционные ориентации белорусского населения свидетельствуют, что за последние четверть века в постсоветском социуме сформировалось молодое поколение с новым менталитетом, которое в миграционной компоненте меньше ориентируется на постсоветское пространство. Российский рынок труда пополняет поколение 1975–1990 гг. рождения. Молодое же поколение, воспитанное в новых социально-экономических и политических реалиях, ориентируется на западный вектор миграции, что отражается в значительной величине такой разновидности миграции, как «беглые». Из России в Беларусь возвращается поколение 1950–1960-х гг. рождения. Миграция молодого и зрелого поколения из Беларуси с одной стороны и возврат старшего поколения с другой стороны усугубляет депопуляционные процессы Беларуси. Характеристика российско-белорусской миграции отражена во второй части монографии – белорусы в этнической структуре Союзного государства.

3.5. Миграция и лингвистические процессы в Беларуси

В российском «Демографическом обозрении» (2022. № 9 (4)) опубликована статья под претенциозным названием «Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 года в Белоруссии на основе анализа изменений в этнолингвистическом составе населения». В этом «анализе» на основе данных о доле белорусского, русского и отдельных этнических языков, используемых населением на работе и в быту, сформулированы выводы: об **аномальной** динамике данных переписи; о влиянии на эту аномальность политического заказа, т. е. намеренных искажений [71]. Оценка изменений лингвистических тенденций Беларуси тесно связана с миграционным как внешним, так и внутренним движением. Однако учета этого существенного миграционного движения в данной статье не обнаруживается.

Хотя в разрезе отдельных территориально-административных единиц (областей и столицы) имеются определенные значимые различия лингвистических показателей по переписям 2009 и 2019 гг., но в целом по стране эти тенденции в плане использования языка на работе и в быту существенно не изменились. Об этом свидетельствуют и приведенные в статье автора данные материалов переписей. Так, доля населения Республики Беларусь, считающего русский язык родным за период 2009–2019 гг. выросла на 0,8 процентного пункта (с 41,5 до

42,3%). Выросла и доля населения, считающего белорусский язык родным за этот же период на 0,9 процентного пункта (с 53,2 до 54,1%). Естественно, и первое и второе не может считаться аномальной динамикой.

Не относятся к аномальной динамике и тенденции использования русского и белорусского языков и в быту. Так, доля среди всего населения, использующего преимущественно русский язык в быту, за 2009–2019 гг. выросла на 1,2 процентного пункта (с 70,2 до 71,4%). Правда, несколько большим (2,6 процентного пункта) выглядит рост доли населения, использующего белорусский язык в быту, за этот же период – с 23,4 до 26,0%. Но и эта разница показателей за межпереписной период в 1,4 процентного пункта не представляется аномальной динамикой. При этом из двух конституционно признанных государственных языков доминирует (и существенно – почти в 3 раза!) в обыденном общении русский язык.

Такие же тенденции и в отношении признания белорусским этносом русского и белорусского языков как родного. Так, доля белорусов, считающего родным русский язык, за 2009–2019 гг. выросла на 1,1 процентного пункта – с 37,0 до 38,1%. Причем прежде за межпереписной период 1999–2009 гг. этот рост был существенно значимым – 22,7 процентного пункта. Несколько меньшим в 2009–2019 гг. отмечен рост у белорусов, считающих родным языком белорусский, на 0,4 процентного пункта – с 60,8 до 61,2%. Аналогично переписью населения отмечен рост использования в быту белорусским этносом русского языка на 1,2 процентного пункта – с 69,8% в 2009 г. до 71,0% в 2019 г. Использование в быту белорусским этносом белорусского языка увеличилось на 2,4 процентного пункта – с 26,1 до 28,5%. Где же, по утверждению автора статьи, следует «целенаправленное административное воздействие на данные переписи с целью получения политического “удобного” итога»?

«Аномальность» в понимании этого автора как результат административного воздействия отражает «идеологические установки и запросы государства, отдельных его институтов и даже отдельных переписчиков. В этом отношении официальные результаты переписи показали, якобы, полное соответствие идеологическим запросам данного периода» – периода «мягкой белорусизации». Но в чем она проявилась? По мнению А. С. Соколова, в значительном увеличении среди населения, а также среди белорусов (цитируем) «доли белорусского языка как родного, причем весьма существенное, зафиксировано только в Брестской области и г. Минске, т. е. в регионах, где

эта доля в 2009 г. была самая низкая¹. Для белорусского языка, как домашнего, ситуация аналогична – рост доли населения зафиксирован только в двух регионах – Могилевской области и г. Минске², где также в 2009 г. данный показатель был низким среди всех регионов». Однако несмотря на разброс лингвистических показателей по регионам, в целом по стране аномальных изменений по переписи 2019 г. в сравнении с 2009 г. использования всем населением и белорусским этносом как русского, так и белорусского языка не выявлено. Во всех перечисленных показателях в качестве родного языка и в быту виден рост с минимальным показателем 0,4 процентного пункта, а с максимальным – 2,6 процентного пункта [72]. А это никак не подтверждает вывод автора о лингвистической аномальности.

Но самим выводам статьи «Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 года в Белоруссии на основе анализа изменений в этнолингвистическом составе населения» характерна аномальность. С одной стороны, лингвистические результаты переписи населения Республики Беларусь за 2019 г., использования белорусского языка в быту, а также признания в качестве родного А. С. Соколов считает «искусственно завышенными», «искаженными» и «политически» мотивированными. С другой стороны, им констатируется, «что результаты переписи не показывают реальных **изменений** (выделено нами. – А. З.) численности и распределения языков населения Белоруссии». Это противоречие между гипотезой «с одной стороны», а также и констатацией «с другой стороны» и характеризует аномальность анализа самого автора статьи.

Методологическая несостоятельность его выводов об аномальности состоит в том, что, во-первых, этот «анализ» не учитывает качественных изменений в этнической структуре населения регионов. Им этническая структура регионов рассматривается с неизменными духовными ценностями, будто сопоставляется одно и то же население и 2009 и 2019 гг. Так, этот неучет подтверждается ссылкой «в Гомельской области, где в 2009 г. среди польского населения в среднем на 14 женщин детородного возраста приходился 1 ребенок в возрасте 0–9 лет, а в 2019 г. – уже 5 детей **на тех же** (выделено нами. – А. З.) 14 женщин». Утверждение автора, что «смена этнической самоидентификации вообще не характерна», свидетельствует об отождествлении автором лингвистической аномальности социальной структуры и

¹ Правда, после Минска этот показатель был также низким и в Витебской области, чего автором цитируемой статьи не отмечено.

² Этот рост отмечен и в Гродненской области, но автор этого не указывает.

в 2009 и в 2019 гг., состоящих из одних и тех же респондентов. По нашему мнению, это разные качественные социальные структуры, что связано с миграционными процессами. Миграционный оборот населения регионов еще не означает, что духовная составляющая прибывшего и выбывшего населения, в том числе и белорусского этноса, идентична, что это одни и те же женщины.

Во-вторых, эта методологическая несостоятельность состоит и в отсутствии системности, т. е. односторонности анализа. Выводы этим автором основаны на данных седьмого раздела Итогов переписи населения Республики Беларусь 2019 г. «Население отдельных национальностей по лингвистическим характеристикам» [72]. А ведь на этническую структуру регионов и лингвистические характеристики существенно влияют незначительно учитываемые в рассматриваемом анализе и материалы переписи по миграции населения (раздел 9 Итогов переписи) в зависимости от сроков проживания. Не вникая в масштабы процессов миграции, сложно осознать сущность других социальных процессов. Не только сложно, но даже ошибочны другие оценки, о чем свидетельствуют критикуемые нами эти выводы. Но автор аномальности не считает, что отдельным этносам не характерна миграционная подвижность: «миграция в Белоруссию русских и белорусов из других стран СНГ происходила в 1990-е и 2000-е годы, а в 2010-х ее масштабы были заметно ниже».

Действительно, миграционные потоки в направлении из других стран в Беларусь несколько снизились по сравнению с 1990–2000 гг., но тем не менее они были значительными. И в последнем десятилетии они несколько увеличились. Так, за период 2010–2019 гг. по данным текущего учета миграции прибыло в Беларусь 224 440 человек, в том числе из государств постсоветского пространства – 180 209 человек, стран дальнего зарубежья – 44 231 человек. Наибольшая численность мигрантов прибыла из России – 83 728 человек. Из Украины прибыло 42 974 человека, среднеазиатских государств – 23 154, Казахстана – 10 493, стран Балтии – 8 910, стран Закавказья – 8 390 и Молдовы – 2 560 человек [66; 73–75]. И не учитывать эту величину иммигрантов нельзя.

По данным переписи населения Республики Беларусь за 2019 г. за период после предыдущей переписи по непрерывности проживания по месту постоянного жительства не с рождения, т. е. мигранты, их численность составила 4 317 432 человека, в том числе по регионам: Брестская область – 606 164 человек, Витебская – 534 785, Гомельская – 605 874, Гродненская – 475 951, Минская – 743 687, Могилевская – 440 103 и в г. Минске – 910 868 человек, т. е. прирост за меж-

переписное десятилетие численности населения по непрерывности проживания по месту постоянного жительства не с рождения составил 597 076 человек. Из них наибольшая численность отмечена в столичной агломерации г. Минске – 167 148 человек и Минской области – 127 783 человека. Затем идет Брестская область – 123 068 человек. Кстати, автор статьи об «аномальных» результатах переписи эту аномальность обнаружил среди белорусов, где (извините, опять цитирую) «доли белорусского языка как родного, причем весьма существенное, зафиксировано только в Брестской области и г. Минске, т. е. в регионах, где эта доля в 2009 г. была самая низкая». Прирост численности населения за межпереписной период 2009–2019 гг. по непрерывности проживания по месту постоянного жительства не с рождения составил по: Гомельской области – 82 339 человек, Гродненской области – 48 843 и Могилевской области – 53 682 человека. В Витебской области переписью 2019 г. по сравнению с переписью 2009 г. зафиксировано уменьшение численности населения по непрерывности проживания по месту постоянного жительства не с рождения на 5 787 человек. Хотя, конечно, среди более полумиллионного (534 785 человек) населения данной когорты этой области есть и внешние и внутренние мигранты со стажем жительства менее 10 лет.

На лингвистические особенности территориально-административных единиц Республики Беларусь как страны, в которой государственным языком наряду с национальным является и русский язык, оказала внешняя миграция. Из государств, ранее входивших в состав Советского Союза, по переписи 2019 г. наибольший прирост населения (33,5%) приходится на столичную агломерацию (г. Минск и Минскую область) – 239 629 человек, затем на южные области Беларуси: Гомельскую (17,2%) – 123 214 человек и Брестскую (14,7%) – 105 260 человек. По постсоветским государствам крупнейшими миграционными донорами Республики Беларусь за 2010–2019 гг. являются Российская Федерация – 407 810 человек, Казахстан – 67 463, Украина – 144 254 и страны Балтии – 37 069 человек. Из среднеазиатских постсоветских государств внешняя миграция составила 31 263 человека, из которых значительным донором является Узбекистан (12 544 человека). Прирост закавказской внешней миграции составил 19 639 человек, почти половина которой приходится на Азербайджан – 9 170 человек.

Из стран вне бывшего СССР наибольший миграционный прирост населения на постоянное место жительства – более половины (50,7%) приходится на столичную агломерацию – 24 452 человека. Среди остальных регионов миграция из стран вне бывшего СССР приходится

на западные области (29,5%) – Гродненскую (7 223 человека) и Брестскую (7 014 человек).

Это означает, что кроме материалов переписи о существенном влиянии на изменения в этнолингвистической структуре населения подтверждают и данные текущего миграционного движения о масштабах миграции регионов за межпереписные 2010–2019 гг. (таблицы 7 и 8).

Таблица 7 – Итоговые данные суммарного миграционного движения (по прибытию) населения регионов Республики Беларусь за 2010–2019 гг. по данным текущего статического учета, человек

Год	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская
2010	11 482	10 313	10 903	9 189	40 829	21 814	7 146
2011	31 369	29 220	31 760	25 181	39 944	36 096	19 816
2012	29 526	31 372	30 646	25 822	37 657	36 208	21 073
2013	33 023	31 149	30 180	26 655	44 663	39 989	19 787
2014	36 923	34 825	32 789	29 590	44 419	46 034	23 236
2015	38 044	35 640	37 196	30 704	53 220	54 279	24 937
2016	37 886	33 017	32 478	28 164	49 469	47 623	23 798
2017	38 878	32 185	34 719	29 590	50 517	47 428	24 043
2018	37 261	31 561	35 693	29 436	55 048	47 497	24 926
2019	38 389	32 138	35 878	31 000	62 562	50 079	25 194

Таблица 8 – Итоговые данные суммарного миграционного движения (по выбытию) населения регионов Республики Беларусь за 2010–2019 гг. по данным текущего статического учета, человек

Год	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская
2010	13 018	9 953	10 191	10 029	23 443	23 630	11 109
2011	32 386	29 644	32 202	26 118	21 765	38 304	23 067
2012	30 605	31 899	30 397	26 674	26 829	34 683	21 897
2013	35 914	31 867	30 873	28 315	29 331	36 851	21 552
2014	37 590	34 188	33 247	30 560	33 713	39 312	23 484
2015	41 129	36 406	37 912	32 396	37 247	43 913	26 523
2016	39 774	34 436	34 540	29 999	39 665	40 609	25 472
2017	39 357	34 350	37 210	30 550	45 180	40 391	26 448
2018	39 149	33 394	37 521	29 949	44 794	40 744	26 509
2019	39 007	33 721	37 730	30 940	53 305	40 462	26 205

За этот период региональная структура населения Республики Беларусь только за счет миграции обновилась наполовину (на 4 551 774 че-

ловека), в том числе по тем регионам, которые автор оценил «искусственно завышенными», «искаженными» и «политически» мотивированными. В столице миграционный оборот населения составил 833 600 человек (в том числе по прибытию нового населения 478 328 человек и выбытию прежнего населения 355 272 человек). В Брестской области миграционный оборот населения составил 680 650 человек (в том числе по прибытию нового населения 332 721 человек и выбытия прежнего населения 347 929 человек), т. е. на Брестчине относительные показатели миграционного движения зафиксированы более высокие, чем в городе Минске. При этом миграционный оборот населения Брестской области с зарубежными странами, что важно для изменений этнолингвистической структуры, и смертность (выбытие) населения нами здесь не рассматриваются.

Именно миграционные процессы в целом по стране, в которой Конституцией законодательно провозглашены два государственных (белорусский и русский) языка, обеспечивают лингвистическую стабильность в Республике Беларусь. Эта стабильность заключается в пропорциональном росте (на 0,8 процентного пункта) того населения, которое считает русский язык родным, и соответствующем росте доли населения, считающего белорусский язык родным (на 0,9 процентного пункта). Также более высокий миграционный прирост населения столицы и Брестской области способствовал выравниванию некоторой диспропорции, сложившейся до 2009 г. Но это не означает аномальность.

Конечно, вероятно, существуют проблемы с полнотой полученной переписью информации: ряд респондентов оказались переписью не охваченными. Возникает вопрос по поводу утверждения Белстата, что в переписи «приняло участие 95% населения страны», соответственно 5% в ней не участвовало. Но бездоказательно утверждать о тенденциях лингвистических процессов идеологическими установками и запросами государства, отдельных его институтов и даже отдельных переписчиков. Тем более, что особенностью переписи 2019 г. было использование передовых методик и технологий, отвечающих духу цифровой экономики. В частности, 22% населения страны прошли перепись по интернету, 28% – на стационарных мобильных участках и 48% – по месту жительства, 2% отказались от участия. На 2 023 989 прошедших перепись по интернету никакие действия отдельных государственных институтов и переписчиков влияния оказать не могли. И только идеологическая позиция интерпретатора материалов переписи позволяет видеть это. Но насколько это соответствует действительности?

М. Булгаков назвал вопросы крови самыми сложными, что в научном плане отражают и этнические аспекты. Эти тенденции характеризуют исторический процесс национальной самоидентификации близких по общей судьбе славянских народов Беларуси и России, что подтверждается и материалами переписи населения Республики Беларусь о лингвистических проблемах. В Беларуси по материалам последних двух национальных переписей тенденции в плане использования языка на работе и в быту существенно не изменились. Так, доля населения Республики Беларусь, считающего русский язык родным за период двух последних переписей населения выросла на 0,8 процентного пункта. Выросла и доля населения, считающего белорусский язык родным за этот же период на 0,9 процентного пункта.

Таким образом существенных изменений использования русского и белорусского языков в бытовом обиходе за это десятилетие также не произошло. Об этом свидетельствуют такие данные. Среди всего населения страны доля использующего преимущественно русский язык в быту за этот же период выросла на 1,2 процентного пункта. Несколько большим (на 2,6 процентного пункта) выглядит рост доли населения, использующего белорусский язык в быту за этот период. Но, во-первых, этот разница показателей за межпереписной период в 1,4 процентного пункта статистически не представляется аномальной динамикой. И, во-вторых, все же больший (хоть и незначительный) рост доли населения, использующего белорусский язык, не свидетельствует о якобы идеологических установках. Но тем не менее из двух государственных языков по-прежнему доминирует (и существенно!) в обыденном общении русский язык.

Повторим, что такие же тенденции существуют и в отношении признания белорусским этносом русского и белорусского языков как родного. Так, доля белорусов, считающих родным русский язык за период между двумя переписями выросла на 1,1 процентного пункта. Причем прежде за межпереписной период 1999–2009 гг. этот рост был существенно значимым – 22,7 процентного пункта. Несколько меньшим в 2009–2019 гг. отмечен рост у белорусов, считающих родным языком белорусский, – на 0,4 процентного пункта. Аналогично переписью отмечен рост использования в быту белорусским этносом русского языка – на 1,2 процентного пункта. Использование в быту белорусским этносом белорусского языка увеличилось – на 2,4 процентного пункта. Во всех перечисленных показателях в качестве родного языка и в быту виден рост – с минимальным показателем 0,4 процентного пункта, а с максимальным – 2,6 процентного пункта, что также вписывается в допустимые статистические отклонения.

Отдельные белорусские аналитики, прежде всего преподаватели белорусского языка, считают, что «смена этнической самоидентификации [людям] вообще не характерна». На наш взгляд, использование того или иного языка тесно связано, во-первых, с миграционными процессами, масштабы и направления которых не только существенно меняют количественную структуру респондентов даже одного этноса, но и отражаются во влиянии измененной их окружающей непосредственной социальной среды. Особенно это относится к близким по своим социокультурным ценностям этносам, которыми являются русские и белорусы. Во-вторых, его использование зависит и от политических процессов, формирующих непосредственную социальную среду функционирования этих респондентов, влияние которой отражает процесс этнической самоидентификации и даже ее смену.

Не вникая в миграционные процессы белорусско-российского обмена населением, масштабы которых в последнем десятилетии несколько увеличились, сложно осознать сущность и других социальных процессов, а лингвистических процессов в особенности. На лингвистические тенденции использования в быту того или иного языка в Республике Беларусь влияет законодательство страны, в которой государственным языком наряду с национальным является и русский язык, чему способствовала и внешняя миграция.

По постсоветским государствам крупнейшими миграционными донорами Республики Беларусь по переписи 2019 г. на основании места рождения являются Российская Федерация – 407 810 человек, Казахстан – 67 463, Украина – 144 254 и страны Балтии – 37 069 человек. Из среднеазиатских постсоветских государств внешняя миграция составила 31 263 человека, значительным донором Республики Беларусь которой является Узбекистан (12 544 человека). Прирост закавказской внешней миграции составил 19 639 человек, почти половина которой приходится на самое крупное по численности население этого региона – Азербайджан (9 170 человек).

Так, за период 2010–2019 гг. численность прибывшего в Беларусь населения составила 224 440 человек, в том числе: из государств постсоветского пространства – 180 209 человек, стран дальнего зарубежья – 44 231 человек. Наибольшая численность белорусских иммигрантов с постсоветского пространства прибыла из России – 46,46%, затем с Украины – 23,85%, что существенно сказывается на использование русского языка. Остальные 30% из среднеазиатских государств, Казахстана, стран Балтии и Закавказья, Молдовы, чтобы адаптироваться в Беларуси, также ориентируются на русский язык. И не учитывать их влияния на использование языка нельзя. И весьма веро-

ятно, что эти мигранты прибыли в Беларусь только со знанием русского языка. Тем более, что по сравнению с другими государствами постсоветского пространства основным законом страны – Конституцией Республики Беларусь провозглашены два государственных языка: белорусский и русский. Это законодательно обеспечивает лингвистическую стабильность в Республике Беларусь и мигрирующего населения. И это контрастирует с лингвистической ситуацией в других постсоветских государствах и прежде всего с приграничной Украиной и странами Прибалтики.

На белорусском этносе эти лингвистические аспекты ярко отражаются и материалами российской переписи населения. В предыдущем разделе мы приводили этнические итоги переписи населения Российской Федерации, которые свидетельствуют о значительном сокращении в национальной структуре России этнических белорусов. Тем не менее, анализируя тенденции лингвистических процессов в отражении миграции, интерес представляют тенденции признания этносами России родного языка (таблица 9).

Таблица 9 – Сравнительная характеристика признания этносами России родным языком титульного этноса

Этносы	Численность, человек	Считают родным языком титульного этноса, человек	Удельный вес, %
Азербайджанцы	474 576	393 446	82,90
Армяне	946 172	675 048	71,35
Белорусы	207 708	45 153	21,74
Грузины	112 765	76 116	67,50
Казахи	591 970	400 685	67,69
Киргизы	137 780	115 781	84,03
Латыши	8 516	3 210	37,69
Литовцы	13 230	5 056	38,22
Молдаване	77 509	45 233	58,36
Таджики	350 236	302 622	86,41
Туркмены	41 338	35 584	86,08
Узбеки	323 278	269 303	83,30
Украинцы	884 007	294 952	33,37
Эстонцы	7 859	2 816	35,83
Башкиры	1 571 879	1 319 650	83,95
Татары	4 713 669	4 073 253	86,41
Чеченцы	1 674 854	1 644 313	98,18
Чуваши	1 067 139	800 100	74,98
Примечание – Источник [70].			

Среди титульных этносов постсоветских государств в национальной структуре Российской Федерации белорусы, считающие родным языком белорусский, имеют самый низкий показатель – 21,74%. Впрочем, белорусская перепись 2019 г., как отмечено в этом разделе выше, выявила, что доля белорусов, считающих родным белорусский язык, за 2009–2019 гг. снизилась. Касаясь лингвистической ситуации белорусов в Российской Федерации, это в 4 раза меньше, чем считают родным языком своих наций проживающие в России этносы среднеазиатских постсоветских государств (84,83%) и кавказских стран (74,64%). При этом наибольшие соответствующие лингвистические показатели среди среднеазиатских в России этносов – таджиков и туркмен (более 86%), а среди кавказских этносов – у азербайджанцев (82,9%). Еще больший удельный вес считающих родным языком язык своих национальностей среди крупнейших российских этносов (86,82%). Самым высоким этот показатель отмечен последней переписью Российской Федерации у чеченцев – 98,18%. Высокий этот лингвистический показатель у татар (86,41%), башкир (83,95%) и чувашей (74,98%).

Несколько выше, чем у белорусских россиян, считающих родным язык своих наций, у представителей этносов постсоветских европейских государств. Так, среди российских наций этот лингвистический показатель у представителей прибалтийских стран – 37,43% (литовцев – 38,22%, латышей – 37,69% и эстонцев – 35,83%), украинцев – 33,37%. И самый высокий этот лингвистический индикатор среди европейских бывших советских государств у молдаван – 58,36%.

Для белорусского этноса в Российской Федерации характерно самое большое снижение за постсоветские годы численности белорусов в национальной структуре страны. В то же время Российская Федерация имеет значительное (более чем в 3 раза) положительное для России миграционное сальдо белорусско-российского обмена населением. В этих противоречивых тенденциях российские белорусы имеют среди российских этносов самый низкий лингвистический показатель признания родным языком своего белорусского языка. Этот малый удельный вес белорусского этноса в России при более высоком миграционном белорусско-российском сальдо, отражаемой российской статистикой по сравнению с белорусской миграционной статистикой, вероятно, связан с существенными процессами самоидентификации.

3.6. Краткие выводы

Особое место в современных демографических процессах Беларуси занимает вынужденная миграция в крупнейших на ее территории военных событиях XX в. Прежде всего они нанесли громадные демографические потери, выразившиеся в гибели белорусского населения. Также результатом этих войн стала массовым явлением насильственная миграция, появление на территории Беларуси большого количества беженцев, а также белорусских беженцев на других территориях СССР. Миграционные процессы на территории современной Беларуси в послереволюционное двадцатилетие протекали на историческом фоне, оказавшем негативное влияние на ее демографические процессы – снижение рождаемости, повышенную смертность, сокращение продолжительности жизни, рост заболеваний, ухудшение здоровья населения и т. д.

Итоги Первой мировой войны сказались и на потерях белорусских территорий, разъединении белорусского народа, проведении на отторгнутых территориях насильственной колонизации и окатоличивания, а также худших на западных землях по сравнению с восточной частью демографических процессах. Начало Второй мировой войны вынудило советское правительство начать освободительный поход, приведший к воссоединению белорусского народа и воссоединению восточных и западных территорий Беларуси.

В годы Великой Отечественной войны Белорусская ССР понесла самые громадные в истории белорусского народа демографические потери, как прямые, так и косвенные. К прямым демографическим потерям Беларуси относятся прежде всего безвозвратные демографические потери. В них включены полуторамиллионная эвакуация жителей Беларуси из восточных областей; гибель белорусов-военнослужащих на фронтах войны, партизан и подпольщиков; гибель мирного населения на оккупированной территории как в результате боевых действий, так и фашистского геноцида и зверств армии крайовой («акавцев»); снижение уровня рождаемости в 1942–1945 гг. по сравнению с довоенным временем; повышенная смертность среди населения (которая в расчете на 1000 человек населения в военное время была примерно в 2 раза выше, чем в довоенное и послевоенное время) из-за голода, прекращения деятельности системы охраны здоровья; угон в плен и в рабство белорусской молодежи. Также к демографическим потерям относится послевоенная передача Польше правительством Советского Союза почти миллионной Белостокской области с Белостоком и ряда районов Брестской и Гродненской областей

с 200 тыс. этнических белорусов; репатриационные процессы между Польшей и Беларусью в 1945–1948 гг., сказавшиеся прежде всего на демографических процессах в Гродненской области.

Всего за годы Великой Отечественной войны демографические потери Беларуси составили более 3,5 млн человек, т. е. каждого третьего. В результате за послевоенную демографическую историю три области Беларуси (Витебская, Гродненская и Могилевская) так и не сумели по численности населения выйти на довоенный уровень. На начало 2024 г. в них проживает меньше, чем 83 года назад: в Витебской области – на 646,4 тыс. человек, Гродненской области – на 280,8 тыс. человек и Могилевской области – на 426,3 тыс. человек.

Значимость миграции Беларуси в современных демографических процессах отражает показатель миграционного сальдо. По белстатовским данным текущего статистического учета Беларуси за период с 1990 г. характерно его положительное сальдо. Однако расчеты на основе итоговых материалов переписей населения выявляют, что Беларусь имеет отрицательное сальдо миграции. При этом каждая последующая перепись населения страны выявляет, что численность населения значительно сокращается, а доля миграционного фактора в снижении численности населения растет. В 1989–1998 гг. соотношение миграционного фактора и фактора естественного движения в сокращении численности населения Беларуси составляло соответственно 23,7 и 76,3%. В 1998–2008 гг. оно составляло уже 41,9 и 58,1%.

Демографическое развитие Беларуси с начала текущего десятилетия характеризуется беспрецедентным сокращением численности населения. Если за период между национальными переписями (2009–2019) численность населения Республики Беларусь сократилась на 90,4 тыс. человек, то только за один 2021 г. это сокращение оказалось более значительным – 94,1 тыс. человек. А за годы после последней переписи численность населения страны уменьшилась на 257,4 тыс. человек, что связано с миграционными потерями. Такого (более чем на четверть миллиона за столь короткий срок) уменьшения численности населения не было за всю демографическую историю суверенного развития Республики Беларусь.

Глава IV. МИГРАЦИОНИСТИКА БЕЛАРУСИ В ЛИЦАХ

4.1. О миграции в Беларуси: от колонизации до индустриализации

Довнар-Запольский Митрофан Викторович (14 июня 1867 г. – 30 сентября 1934 г.) родился в городе Речице тогдашней Минской губернии (в настоящее время – Гомельской области), где ныне ему установлен памятный бюст. Он является одним из крупнейших ученых Беларуси, Украины, России конца XIX – начала XX вв. в области социальной, экономической и политической истории Беларуси, России, Украины, Литвы, Польши, их истории от периода ранних веков до первой четверти XX в.

Начальное образование получал в учебных заведениях Барановичей, Речицы, Мозыря, Пловдива (Болгария). Обучался в Первой Киевской (классической) мужской гимназии, из которой был исключен в апреле 1888 г. за два месяца до выпуска за чтение запрещенных российской цензурой книг, привезенных им из Болгарии. Аттестат о среднем образовании получил в 1889 г. во Второй Киевской гимназии после сдачи экзаменов экстерном.

В 1889 г. он был принят на историко-филологический факультет Киевского университета святого Владимира с освобождением от оплаты за учебу и назначением стипендии имени святых Кирилла и Мефодия как уже имевшего ряд публикаций по этнографии, фольклористике и истории. В период обучения в университете в 1891 г. им была издана первая монография «Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия», за которую был награжден золотой медалью. В 1892 г. Русским географическим обществом был награжден серебряной медалью за работу «Крестьянские игры в Минской губернии». За время обучения в университете им было опубликовано более трех десятков работ (статей, заметок и рецензий) по древней истории белорусской земли, характеризующих период славянской колонизации современной Беларуси.

В 1894 г. окончил университет с золотой медалью и оценкой ГЭК: «обладает редкостным для его возраста объемом познаний, замечательным трудолюбием и выдающимися природными дарованиями». При этом ввиду неблагонадежности ему было запрещено преподавание на территории Киевской учебной округа, в результате чего он был вынужден переехать в Москву. В 1895–1997 гг. работал в Московском архиве Министерства юстиции, учителем в одной из частных московских гимназий. С 1899 г. – приват-доцент по кафедре русской

истории, которой руководил профессор В. О. Ключевский историко-филологического факультета Московского университета.

В 1901 г. в Киевском университете св. Владимира защитил магистерскую диссертацию «Государственное хозяйство Великого Княжества Литовского при Ягеллонах», изданную в Киеве и получившую премию имени П. Батюшкова. Прочитанная им вступительная лекция «Исторический процесс русского народа в русской историографии» (в 1902 г. была опубликована в журнале «Русская мысль») в Киевском университете св. Владимира, куда М. В. Довнар-Запольский был определен приват-доцентом кафедры русской истории, содержащая тезис о возврате «назад к марксизму», вызвала бурную одобрительную реакцию у студентов и неприятие профессуры. В 1902 г. ему было присвоено ученое звание ординарного профессора этой кафедры, а чуть позже он стал ее заведующим.

В 1904 г. Министерством внутренних дел М. В. Довнар-Запольскому была запрещена педагогическая деятельность. В 1905 г. им была защищена докторская диссертация на тему «Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в.». В 1905 г. в 9-м томе серии настольных и дорожных книг для русских людей «Россия: Полное географическое описание нашего отечества» были им (в соавторстве) опубликованы статьи «Исторические судьбы Верхнего Поднепровья и Белоруссии и культурные их успехи» и «Распределение населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии по территории, его этнографический состав, быт и культура» [76]. Им были введены в научный оборот материалы первой российской переписи населения 1897 г. в отношении расселения белорусов. Позже они легли в основу разработанной им карты расселения белорусов, а также касались процесса колонизации белорусских земель и миграционного движения населения.

В том же году основал в Киеве Высшие женские курсы, а в 1906 г. им были открыты Киевские коммерческие курсы, преобразованные в 1907 г. в Киевский коммерческий институт (первое учебное заведение экономического профиля в Российской империи). Вплоть до 1917 г. он являлся бессменным директором этого института, заведовал в нем кафедрой народного хозяйства, был председателем социологического кружка. В советское время вуз был известен как Киевский институт народного хозяйства, а ныне это Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетьмана. Рядом с вузом имеется улица имени Довнар-Запольского.

В предреволюционные годы М. В. Довнар-Запольский – один из инициаторов создания в Киеве двух новых высших учебных заведе-

ний: Института географии, а также Института археологии, в котором стал его первым директором. Начавшаяся Первая мировая война и оккупация немецкими и австрийскими войсками Украины вынудили М. В. Довнар-Запольского стать мигрантом: Киевский коммерческий институт и университет в 1914–1917 гг. были эвакуированы в Саратов. Позже он преподавал в университетах Керчи, Харькова, Баку, Минска и Москвы. Был инициатором создания и руководителем ряда высших учебных заведений и одновременно вел активную научно-педагогическую деятельность, подготовил плеяду выдающихся ученых. Он также автор романа и ряда пьес, рассказов и переводов, проявил себя и как дипломат и как экономист-практик.

После окончательного установления советской власти в восточных и центральных территориях Украины и Беларуси продолжил заниматься научной и преподавательской деятельностью уже в советских высших учебных и научных заведениях. В 1920 г. по его инициативе в г. Керчи был открыт филиал Симферопольского университета – Боспорский университет, который он возглавил как ректор.

В 1920–1922 гг. работал в должности профессора Харьковского университета, был преподавателем Киевского института народного хозяйства, консультантом Наркомата внешней торговли УССР. В 1922–1925 гг. – первый проректор Бакинского университета и профессор кафедры истории хозяйства. Одновременно он – профессор Бакинского политехнического института и начальник Управления промышленности и торговли Наркомата Азербайджанской АССР, основатель и директор сельскохозяйственного и торгово-промышленного музея Азербайджана.

В 1918 г. М. В. Довнар-Запольский стал заниматься организацией создания первого белорусского университета. Ему удалось получить согласие перейти на работу в Белорусский университет 36 профессоров из университетов Москвы, Петрограда, Киева, Варшавы и Дерпта (Юрьева), составивших его костяк. Его кандидатура рассматривалась в качестве его ректора, но семейные проблемы – уход жены (в романе М. Булгакова «Белая гвардия» его первая жена Надежда Ильинична стала прототипом одной из героинь), гибель сыновей (один из которых похоронен в Гомеле в братской могиле коммунаров), которые ранее публично отказались от «отца-реакционера, черносотенца, врага пролетариата», конфликт с левореволюционным студенческим комитетом Киевского коммерческого института, студенческие обструкции в Киевском университете, напряженные отношения с преподавателями, фальсификации, которые стали постоянными атрибутами его дальнейшей жизни, и необоснованные обвинения М. В. Довнар-

Запольского в сотрудничестве с царским режимом затруднили его возвращение в Беларусь, хотя руководство республики настаивало на его приезде.

А готовился он основательно. М. В. Довнар-Запольский в июне 1918 г. в «Белорусском эхе» опубликовал статьи «Государственное строительство в Белоруссии и межнациональные отношения» и «Культурно-строительная работа и народничество в Белоруссии». Но главное, он подготовил и опубликовал в ноябре 1918 г. научно-публицистический очерк «Асновы дзяржаўнасці Беларусі» («Основы государственности Беларуси») [77], явившимся первой попыткой обоснования исторической закономерности государственного самоопределения белорусского народа на основе анализа исторических, экономических и этнографических факторов. В нем выдвинута теория о древней белорусской государственности, представленной Полоцким и Туровским княжествами, а позднее Великим княжеством Литовским, Русским и Жемойтским и иных (земель).

В 1924 г. еще до возвращения в Беларусь М. В. Довнар-Запольский как «выдающийся представитель науки» заочно был избран действительным членом Института белорусской культуры (Инбелкульт). В сентябре 1925 г. М. В. Довнар-Запольский в Минске, где он за короткое время написал свои крупнейшие работы, вел активную редакционно-издательскую деятельность, а его личность была в центре внимания партийного руководства республики и всей научной общественности.

С начала октября 1925 г. по октябрь 1926 г. М. В. Довнар-Запольский на научно-преподавательской работе в Минске: профессор кафедры истории Беларуси педагогического факультета БГУ, где преподавал курс истории народного хозяйства России на факультете права и хозяйства; действительный член Инбелкульт, председатель его историко-археографической комиссии, занимался изучением социальной динамики Беларуси; сотрудник Госплана БССР: член экономической и промышленной секций Госплана БССР, руководитель РИО при Госплане БССР, издавал журнал «Социалистическое Строительство», бюллетень Госплана БССР и еженедельник «Народное хозяйство БССР».

Им подготовлено к печати исследование «Народное хозяйство Белоруссии 1861–1914 гг.» [78], а также завершена подготовка обобщенного фундаментального труда «История Белоруссии», в котором рассмотрены пути, пройденные белорусским народом от эпохи первобытнообщинного строя до начала 1920-х гг. Эта подготовленная к печати, но так и не изданная при его жизни монография (она была из-

дана только в 1994 г. в издательстве «Белорусская энциклопедия», а повторно вышла в 2005 г. в издательстве «Беларусь» [40]), стала предметом критики и гонений автора «как выражающая позицию белорусского национального демократизма и в корне искажающую историю Белоруссии». Вопрос о Довнар-Запольском ежемесячно (с января до июля 1926 г.) рассматривался на Бюро ЦК КП(б)Б. И несмотря на попытки в мае–июне 1926 г. председателя Госплана БССР С. Карпа, а также руководства БГУ и Инбелкульта отменить решение партийных органов о выдворении М. В. Довнар-Запольского из Белоруссии, закрытое заседание Бюро ЦК КП(б)Б постановило «организовать его отъезд из пределов БССР не позднее 1 июня 1926 г., а также принять меры по закупке библиотеки» ученого.

После передачи Инбелкульту большей части личной библиотеки осенью 1926 г. М. В. Довнар-Запольский перебрался в Москву, где в качестве профессора Сельскохозяйственной академии имени К. Тимирязева читал курс экономической географии, вел курс истории торговли в Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, был избран действительным членом Института истории АН СССР, являлся сотрудником НИИ пушнинно-мехового хозяйства Народного комиссариата внешней торговли СССР, где изучал промышленную кооперацию и кустарно-художественные промыслы.

В 1928 г. в Минске состоялось торжественное заседание секции истории Белорусской академии наук, посвященное 45-летию научной деятельности М. В. Довнар-Запольского. Историками Москвы и Ленинграда кандидатура М. В. Довнар-Запольского была выдвинута для избрания действительным членом Академии наук СССР. Президиум Академии наук Украины выступил с предложением об избрании М. В. Довнар-Запольского ее почетным членом. Были и неоднократные обращения к руководству БССР известных ученых с высокой оценкой его деятельности. Но тогдашние республиканские партийные руководители Белоруссии и Украины заблокировали эти предложения.

Несмотря на то, что в связи с утерей фактологической базы (около 15 тыс. томов и ценнейших архивных материалов, переданных Инбелкульту, а по сути дела конфискованных), в Москве М. В. Довнар-Запольским было опубликовано около десятка статей. Из них последней значительной работой М. В. Довнар-Запольского явился «Экономический очерк БССР. Сельское хозяйство, промышленность, торговля», опубликованный в 5-м томе Большой Советской Энциклопедии в рамках статьи «Белорусская ССР».

«Вершиной» гонений и преследования ученого стала публикация в сентябре 1934 г. статьи его бывшего ученика А. Оглоблина (в этом

плане фамилия красноречивая, как удар оглоблей) с критикой деятельности своего учителя и обвинениями его в национализме и фашизме, что вызвало сердечный приступ 30 сентября 1934 г. Но тем не менее газета «Известия» сообщила о его кончине.

Творческие достижения М. В. Довнар-Запольского были признаны современниками, не потеряли они своего значения и в настоящее время. По мнению лондонской *The Slavonic Review* (1929), имя М. В. Довнар-Запольского в числе семи (число семь отвечает древнегреческой научной традиции «семь мудрецов») белорусских ученых, с которыми должен считаться ученый мир Славистики.

Вклад М. В. Довнар-Запольского в отечественную миграционную историю состоит в том, что прежде всего миграционная компонента связана с его периодизацией истории Беларуси, легшая в основу колонизации славянскими племенами и их расселением по территории нынешней Беларуси. На основе материалов всероссийской переписи населения 1897 г. им составлена этническая карта белорусов, охватывающая не только бывшие губернии Северо-Западного края, но и ряд современных (северно-западных) областей России и (северных) областей Украины. Позже они легли в основу проведения границ, на которых настаивала белорусская сторона, между западными территориями Украинской и Белорусской ССР, присоединенными осенью 1939 г.

Кроме того, он отмечает высокие масштабы белорусской миграции в период между отменой крепостного права и Первой мировой войной в деле заселения Востока и Сибири: «в конце 80-х и 90-х гг. XIX в. белорусское население просачивалась в Сибирь сперва весьма небольшими группами. Но уже в половине 900-х гг. белорусский переселенец занял едва не самое видное место среди переселяющихся в Сибирь: только 4 губернии (Могилевская, Минская, Витебская и Смоленская) за 20-летие 1896–1915 гг. дали 7-ю часть переселенческого движения за этот период всей России, и белорусское переселенческое движение превзошло переселенческое движение из центрально-промышленных губерний» [40, с. 345].

Им дана попытка социологического анализа интеллектуальной миграции этнических белорусов. Причины белорусской «утечки мозгов» на рубеже XIX–XX вв. Довнар-Запольский объяснял преобладанием в этнической структуре городского населения восточных губерний Беларуси евреев, а в западных — поляков и немцев, которые в этих регионах ограничивали возможность белорусам реализовать свой творческий потенциал. Неудивительно, что на рубеже XIX–XX вв. вплоть до 1917 г. в городах белорусских губерний этнических белорусов

проживало меньше, чем в Петрограде, Москве и Одессе, что является последствиями их миграции.

Дореволюционные и послереволюционные демографические изыскания М. В. Довнар-Запольского сыграли определяющую роль в обосновании им социально-экономической политики Белорусской ССР. Выявив факт аграрной перенаселенности, свидетельствующий об опережающих темпах роста численности населения, Довнар-Запольский делает вывод о несоответствии этим темпам уровня индустриального развития, объясняя высокую миграционную подвижность населения советской Белоруссии в освоении и заселении Сибири. Из этих фактов провидческим звучит вывод Довнар-Запольского о большом уроне для хозяйства и будущих демографических процессов Беларуси – утрата здорового демографического потенциала («здорового середняка»). Высокая миграционная подвижность, аграрная перенаселенность стали теми объективными факторами обоснования М. В. Довнар-Запольским как членом Президиума Госплана БССР и членом его промышленной секции необходимости индустриализации.

Начав заниматься научной деятельностью еще во время учебы в Мозырской гимназии, М. В. Довнар-Запольский оставил большое научное наследие – свыше 200 научных трудов. Среди них: «Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия» (1891); «Из истории литовско-польской борьбы за Волынь» (1896); «Западно-русская сельская община в XVI веке» (1897); «Литовские упоминки татарским ордам: Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 гг.» (1898); «Исторический процесс русского народа в русской историографии» (Русская мысль. 1902); «Колонизация славянами Восточно-Европейской равнины до половины XIII в.»; «Карта древней Руси в XI–XIII веках» (Книги для чтения по русской истории. 1904); «Из истории общественных течений в России» (1905); «Русская история в очерках и статьях» (1909, коллективная); «История русского народного хозяйства» (1911. Т. 1); «Обзор хозяйственной жизни России» (Академия коммерческих знаний. 1913. Вып. 6); «Исторические судьбы Верхнего Поднепровья и Белоруссии и культурные их успехи»; «Распределение населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии по территории, его этнографический состав, быт и культура» (Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семенова, под общ. рук. П. П. Семенова и В. И. Ламанского. 1905. Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия); «Исследования и статьи: этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность» (1909. Т. 1); «Асновы дзяржаўнасці Беларусі» (Основы го-

сударственности Беларуси. 1919); «Народное хозяйство Белоруссии, 1861–1914 гг.» (1926); «Белорусская ССР и Западные области РСФСР» (Экономическая география СССР. 1926); «Соціально-эканамічная структура Літоўска-Беларускай дзяржавы ў XVI–XVII стагоддзях» (Гістарычна-археалагічны зборнік. 1927. № 1); «СССР по районам, Западный район» (Белорусская ССР и Западные области РСФСР. 1928); «Гісторыя Беларусі» (1994); «История Белоруссии» (2005).

4.2. Выходец из белорусской земли – лауреат Нобелевской премии по экономике 1971 г. о демографических процессах

Нобелевский лауреат по экономике Саймон **Кузнец** (30 апреля 1901 г. – 8 июля 1985 г.) родился в семье торговца мехами Абрама и Полины (урожденной Фридмен) Кузнец в Пинске, а когда ребенку исполнилось два года, отец с семьей перебрался в Харьков. Он был средним из трех детей. Когда мальчику было 6 лет, его отец уехал в Соединенные Штаты, собираясь вызвать туда семью, как только устроится сам. Однако начавшаяся Первая мировая война, а вслед за ней революция и Гражданская война нарушили эти планы. После окончания местной гимназии Кузнец поступил на юридический факультет Харьковского университета, где преподавались и экономические дисциплины. После двух лет учебы он начал работать в статистическом отделе Центрального совета профсоюзов при правительстве Советской Украины и вскоре был назначен руководителем одной из секций бюро статистики труда. В 1921 г. в сборнике «Материалы по статистике труда на Украине» была напечатана первая статья Саймона под названием «Денежная заработная плата рабочих и служащих фабрично-заводской промышленности г. Харькова в 1920 г.».

После того как по условиям советско-польского договора 1921 г. Пинск отошел к Польше и родившиеся на этой территории могли получить польское гражданство, семья Семена Кузнец перебралась в Польшу, а оттуда в 1922 г. Семен и его младший брат Соломон эмигрировали в США. Их отец к тому времени сменил фамилию на американский манер – Смит («кузнец»), а Семен и за рубежом сохранил свою оригинальную фамилию. Высшее образование С. Кузнец завершал в Колумбийском университете в Нью-Йорке. В 1923 г. он получил степень бакалавра, а в 1924 г. – степень магистра по экономике. В аспирантуре Колумбийского университета С. Кузнец занимался под руководством американского экономиста У. К. Митчелла, крупного специалиста в области теории циклов и анализа конъюнктуры. Их со-

трудничество продолжалось впоследствии в Национальном бюро экономических исследований (НБЭИ). В 1926 г. С. Кузнец получил степень доктора наук, защитив диссертацию по теме «Циклические колебания: розничная и оптовая торговля в Соединенных Штатах в 1919–1925 гг.». В этой небольшой по объему, но весьма глубокой по содержанию работе, подготовленной под руководством У. Митчелла и опубликованной с его предисловием в 1926 г., содержалась попытка дать эмпирическое объяснение закономерностей экономического развития, представив его изменения через накопление статистической информации.

После успешного завершения учебы в аспирантуре Кузнец в течение полутора лет работал в качестве научного сотрудника в Совете по исследованиям в области социальных наук (СИСН). Результатом этой работы стала монография «Столетняя динамика производства и цен», опубликованная в 1930 г. По приглашению У. К. Митчелла, возглавлявшего НБЭИ, С. Кузнец стал штатным сотрудником бюро, затем – руководителем программы по исследованию национального продукта и дохода. Его работа в НБЭИ продолжалась до 1960 г. Исследования Кузнеца по подсчету размера и компонентов национального дохода и их изменений во времени стали его наиболее крупным вкладом в экономическую науку. Хотя работы в данной области в США отставали от аналогичных исследований в Великобритании, Германии, Швеции и начались только в 30-х гг., наибольший прогресс в области анализа национального дохода был достигнут именно в Соединенных Штатах и не в последнюю очередь благодаря работам Кузнеца [79]. Центр тяжести в его первой книге лежал на исследовании внутренней взаимозависимости между действующей тенденцией в изменении национального дохода и колебаниями различной продолжительности, воздействующими на нее. Здесь впервые был определен срок в 20 лет, или так называемый «цикл Кузнеца» (термин введен в оборот английским экономистом, Нобелевским лауреатом 1979 г. У. А. Льюисом) – период чередования быстрого и медленного роста темпов технического прогресса, населения и национального дохода.

Эти наблюдения стали предвестниками более поздних работ Кузнеца и других ученых, в которых доказывалось наличие широко амплитудных и тесно связанных между собой колебаний с периодом около 20 лет во многих сферах экономической жизни США, Англии и других стран. Эти сферы включали рост народонаселения, внешнюю и внутреннюю миграцию, структуру инвестиций внутри отдельной страны и потоки капитала на мировых рынках, платежный баланс и динамику денежной массы. Выявление «волн Кузнеца» имело гро-

мадное значение для анализа долгосрочного экономического роста. Оно показало, что для выявления долговременных тенденций необходимо учитывать существенно более продолжительные периоды наблюдения, нежели обычный экономический цикл от 5 до 10 лет. Сам Кузнец предлагал при исследовании экономического роста исходить из периода наблюдений порядка 50 лет.

Работая над проблемой измерения национального продукта и дохода, Саймон собрал, проанализировал и систематизировал из сотен разнообразных источников все доступные в то время статистические данные за длительный период времени [80]. Результатом стало составление таблиц национального дохода и его основных компонентов. Решение этой задачи потребовало разработки методики определения национального дохода, соответствующей терминологии и концепции, лежащей в основе счета. Первый отчет Кузнеца по национальному доходу США «Национальный доход в 1929–1932 гг.» был опубликован министерством торговли в 1934 г. За ним последовала серия публикаций НБЭИ о национальном доходе США, охватывающих большой исторический период, начиная с 1869 г. В их числе монографии «Национальный доход и формирование капитала в 1919–1935 гг.» (1937) и «Товарный поток и формирование капитала» (1938), но самым значительным оказался двухтомник «Национальный доход и его структура в 1919–1938 гг.» (1941), написанный в соавторстве с Л. Эпстейн и Э. Дженкс.

Будучи последовательным учеником У. К. Митчелла, С. Кузнец тем не менее весьма скептически относился к его абстрактно-теоретическим моделям экономики, свойственным эконометрическим работам, отдавая предпочтение эмпирическим исследованиям, основанным на тщательно выверенных разнообразных статистических данных. Свою задачу экономиста он видел в описании реального экономического мира и его объяснении таким образом, чтобы это имело ощутимую пользу для тех, кто делает экономическую политику. Поэтому оценки национального дохода в понимании Кузнеца были важнейшими показателями перемен в экономической жизни. Его целью было расширение, насколько это возможно, спектра оценок, постепенный переход от анализа чисто рыночного производства к тем видам человеческой деятельности, которые неподвластны рынку. Кузнец всегда подчеркивал зависимость предлагаемых им решений от системы общественных ценностей в данном месте и в данный момент времени, от природы семьи, от организации промышленной жизни и государства. Он был чрезвычайно осторожен в оценке любых эмпирических данных, подвергая полученные результаты всесторонней

проверке и предостерегая от чрезмерного доверия к голым цифрам. Главной целью его исследований являлась исчерпывающая интерпретация экономического роста и циклических колебаний.

Разработка методов подсчета национального дохода основывалась у Кузнец на единой теоретической концепции взаимозависимости между вычисленным объемом национального выпуска продукции за определенный отрезок времени (1 год) и соответствующим этому объему уровнем благосостояния. Он тщательно исследовал связь между благосостоянием и доходом при решении таких эмпирических проблем, как вклад в доход видов деятельности, находящихся за пределами рынков, изменение объема выпуска различной продукции, не получившей стоимостной оценки. С. Кузнец анализировал состояние общественного сектора, стремясь к последовательности в обработке данных по движению промежуточных продуктов. Он внес ясность в общие представления о валовом и чистом продуктах страны, разработал методы их подсчета.

Саймон Кузнец обеспечил статистическую базу для кейнсианского подхода к макроэкономике. Применяя метод «двойного счета» национального дохода, он измерял его с двух позиций: вначале с точки зрения совокупного спроса (сумма затрат на потребительские товары и услуги, инвестиции и государственные расходы), затем со стороны предложения (сумма заработной платы, прибыли и ренты). Этот метод подсчета национального дохода наполнил конкретным эмпирическим содержанием кейнсианскую теорию. Характерно, что занимаясь анализом и описанием долгосрочных тенденций развития, Кузнец всегда избегал делать какие-либо прогнозы.

Начиная с 1930 г., когда С. Кузнец пригласили преподавать статистику в Пенсильванском университете, он неизменно совмещал исследовательскую работу в НБЭИ с преподавательской деятельностью. Кузнец снискал славу блестящего лектора и талантливого педагога. Студентов подкупали его неиссякаемый интерес к излагаемому предмету, аналитический талант, четкость изложения материала, глубокая эрудиция. Его бывшие ученики отмечают также способность Кузнец вовлекать своих слушателей непосредственно в процесс исследования. «Не надо было слишком долго заниматься в его классе, – вспоминает Нобелевский лауреат 1993 г. Роберт Фогель, – чтобы открыть в этом тихо говорящем среднего телосложения человеке мощный интеллект, эрудицию не только в области экономики, но и в истории, демографии, статистике и естественных науках. Его курс по экономическому росту включал историю технологических изменений на протяжении нового времени, демографию и теорию народонаселения,

использование данных о величине национального дохода для сравнительного изучения экономического роста и распределения дохода».

В 1931 г. С. Кузнец стал профессором экономики и статистики Пенсильванского университета, позднее – заместителем директора Бюро планирования и статистики при министерстве военной промышленности (1944–1946). В 40–50-е гг. он продолжил в НБЭИ ретроспективный анализ национального дохода США, начиная с 1869 г. Результаты были изложены в опубликованной в 1946 г. книге «Национальный продукт с 1869 г.».

Основные исследования Кузнеца в области экономического роста были выполнены после Второй мировой войны. В 1949 г. он был назначен председателем Комитета по экономическому росту в СИСН и возглавил работу над масштабным проектом по сравнительному изучению роста национального дохода для различных стран за определенный период. Вместо формальной модели, описывающей механизм экономического роста, он поставил задачу выявить на основе эмпирических данных идентичные для разных стран факторы, определяющие их экономический рост, установить значение каждого из них и их внутреннюю взаимосвязь. В осуществлении этого проекта Кузнецу помогала группа аспирантов и исследователей из СИСН, а также Университета Джонса Гопкинса в Балтиморе, профессором которого С. Кузнец был с 1954 по 1960 г., и Гарвардского университета, где он стал профессором экономики в 1960 г. и оставался на этой должности вплоть до выхода в семидесятилетнем возрасте, в 1971 г. на пенсию.

В исследовании национального дохода Кузнец исходил из так называемого аналитико-исследовательского метода экономического развития. Он понимал его как последовательное движение от измерения к оценке, затем, через классификацию и интерпретацию эмпирических данных, к построению теоретической концепции. Программа исследований Кузнеца состояла из трех частей. Первоначально в статье «К теории экономического роста» была определена природа исследуемого предмета и предлагался план исследований. С. Кузнец полагал, что в качестве объектов наблюдения должны выступать не географические регионы или промышленные районы, а целые страны. Он считал, что общая теория экономического роста должна быть универсальной и объяснять как механизм развития передовых промышленных стран, так и причины, мешающие развитию отсталых стран, она должна была, по его мнению, охватывать страны как с рыночной, так и плановой экономикой, как большие, так и малые страны, как развитые, так и развивающиеся; объяснять влияние на экономический рост внешнеэкономических связей, а также и таких внеэко-

номических факторов, как войны, интервенции и т. п. Что касается стратегии исследований, то Кузнец был убежден, что сколько-нибудь детализированные или конкретные теории экономического роста бесполезны, пока не будет проделана трудоемкая, но необходимая работа по сбору фактического материала [81].

Практическая реализация этих планов – второй и главный элемент программы Кузнецов – вылилась в ряд историко-экономических и статистических исследований роста населения и национального продукта и сопровождающих этот рост структурных изменений в экономике. Продолжая воссоздание длинных рядов национального валового продукта и связанных с ним экономических показателей для США, начатое в вышеупомянутой книге «Национальный продукт с 1869 г.», С. Кузнец и руководимая им группа продолжили сбор данных об экономическом росте и структурных изменениях в экономике большого количества стран. Ключевыми публикациями в этой области стали серия из десяти знаменитых статей под общим названием «Количественные аспекты экономического роста наций», публиковавшихся в журнале «Экономическое развитие и изменения в культуре» с октября 1956 по январь 1965 г., и итоговые труды «Современный экономический рост» (1969) и «Экономический рост наций» (1971).

Главный вывод этих эмпирических исследований состоял в том, что рост агрегированного продукта страны неизбежно предполагает глубокие структурные преобразования в экономике, эти преобразования затрагивают многие аспекты экономической жизни. В работах Кузнецов был сделан упор на анализе следующих факторов: численность, возрастной состав и территориальное распределение населения, отраслевая и профессиональная структура занятости, структура дохода с точки зрения факторов производства, структура выпуска, распределение занятий внутри семьи и на рыночную деятельность, прогресс в технологии, профессиональный уровень рабочей силы, организация промышленности и государственное регулирование (включающее отношение правительств и общественности к экономическому росту), международная торговля и миграция товаров, капитала и рабочей силы. Изменения этих факторов являлись, по мнению Кузнецов, необходимым условием экономического роста, и, раз начавшись, они влияли на последующее экономическое развитие страны.

Центральной проблемой долгосрочной перспективы было для Кузнецов превращение таких факторов, как динамика населения, изменения в технологии, промышленной структуре и рыночных формах, в эндогенные переменные, в то время как в других экономических моделях они рассматривались в качестве экзогенных (вызываемых

внешними причинами переменных). В исследовании проблем экономического роста С. Кузнецу принадлежит приоритет в разработке следующих тем: 1) изменения в темпах роста за 100-летний период и их связь с динамикой населения и экономическими циклами; 2) сбережения и прирост основного капитала; 3) отношение между структурными изменениями и ростом производительности; 4) распределение роста и дохода; 5) сравнительный анализ национального дохода и роста по странам.

Исследования С. Кузнеца на базе широкого охвата многолетних эмпирических статистических данных, ранее не подвергавшихся анализу, о темпах роста нескольких стран дали возможность установить ряд эмпирических закономерностей, прежде всего для США, а затем и для других стран. Было выявлено, в частности, что в основе процесса экономического роста лежат длительные структурные сдвиги, определяемые разнообразными факторами, действующими в промышленных секторах.

Немалое внимание Кузнец уделил выявлению источников ошибок при сравнительном анализе экономики стран с различным уровнем экономического развития. Например, он полагал, что если в промышленно развитых странах может быть допущена завышенная оценка уровня и величины валового продукта в результате неверного подсчета объема товаров и услуг, то уровень национального продукта в развивающихся странах может быть, наоборот, недооценен из-за различий в степени развития рыночного механизма. Он обращал внимание на то, что уровень валютного курса также может ввести в заблуждение относительно покупательной силы по отношению ко всем товарам и услугам, а непосредственное сопоставление цен может запутать еще больше. Стремясь преодолеть эти сложности, Кузнец апробировал разнообразные методы количественной оценки. Он стремился обобщить результаты исследования тенденций развития в экономической структуре, распределении расходов и доходов, введя классификацию стран по уровню национального дохода на душу населения.

Эмпирические исследования находили логическое завершение во множестве теоретических гипотез Кузнеца, которые составили третий элемент его исследовательской программы. Установив, что в долгосрочном аспекте доля накоплений в национальном продукте страны растет неодинаково с ростом национального дохода, Кузнец предложил объяснение, предвосхитившее теорию жизненного цикла сбережений. Он выдвинул остающееся по сей день общепризнанным объяснение того, почему в отраслевой структуре занятости всегда на-

блюдается сначала сдвиг от добывающей промышленности в сторону обрабатывающей, а затем в сторону сферы услуг. С. Кузнец предпринял попытку объединить существующие представления о самых общих основах и причинах экономического роста на основе исторического опыта. Этому посвящен ряд его работ, в частности, глава «Общие принципы современного экономического роста» в книге «Современный экономический рост» и статья «Движущие силы экономического роста: что показывает история» (1981).

С начала 50-х гг. Кузнец изучал проблему распределения в различных ее аспектах, включая ее связь с экономическим ростом и экономическими циклами. В работах «Количественные аспекты», «Участие групп с наивысшим доходом в накоплении прибыли» и особенно «Современный экономический рост» С. Кузнец показал, что повышение процентного объема акционерного капитала в общем объеме производства и снижение прибыли на инвестированный капитал повышают долю труда в национальном доходе. Детально проанализировав данные по динамике национального дохода в 10 странах, он выявил тенденцию уменьшения неравенства в распределении дохода между физическими лицами в периоды бума. С. Кузнец, однако, предостерегал придавать данному наблюдению характер закономерности, подчеркивая, что наличие большого числа исключений не позволяет сделать общие выводы по этой проблеме.

В одной из своих последних крупных работ «Рост и структурные изменения», опубликованной в 1979 г., С. Кузнец рассматривал индустриальное развитие Тайваня, начиная с 1895 г. Он пришел к выводу, что за быстрым темпом роста (до 10% в год) стоят продолжительные разрушительные процессы, вызывающие структурные сдвиги в экономике и сопутствующие им институциональные изменения, а также изменения в условиях труда и жизни. Кузнец подчеркивал важность учета соответствующих демографических процессов. Примером такого рода изменений в данном случае служило быстрое уменьшение рождаемости.

Значителен вклад Кузнеца в исследование роли накопления и инвестиций, а также прироста капитала и технологических изменений в процессе экономического роста. Особенно тщательно эти проблемы были проанализированы в работе «Капитал в американской экономике: его формирование и финансирование», в которой содержался историко-статистический анализ основных тенденций экономического развития США за почти 100-летний период как движение капитала. С. Кузнец продемонстрировал, что за длительный период стабильность процесса накопления определяет долю капиталовложений в

экономике. Он выработал систему измерения предельной капиталоемкости. Показывая, что относительный объем акционерного капитала обычно возрастает в ходе экономического развития, но доля акционерного капитала в прибыли при этом с течением времени уменьшается, Кузнец отмечал, что вклад капитала в рост национального производства относительно невелик. Одним из первых он раскрыл роль «человеческого капитала» в качестве фактора экономического роста, заявив, что «самым большим капиталом страны являются ее люди с их мастерством, опытом и побуждениями к полезной экономической деятельности».

В качестве крупного авторитета в области проблем экономического развития С. Кузнец неоднократно привлекался к международным исследовательским проектам. В 1953–1963 гг. он являлся председателем Проекта Фалька по экономическому развитию Израиля и с 1963 г. почетным председателем Института экономических исследований Мориса Фалька (Израиль), а в 1961–1970 гг. председателем Комитета по экономике Китая в рамках СИСН.

В 1971 г. Саймону Кузнецу была присуждена Премия памяти Альфреда Нобеля по экономике «За эмпирически обоснованное истолкование экономического роста, которое привело к новому, более глубокому пониманию как экономической и социальной структуры, так и процесса развития». В речи на презентации член Шведской королевской академии наук Б. Улин сказал: «Кузнец постоянно стремился дать количественное определение экономических величин, имеющих значение прежде всего для уяснения процессов социальных изменений. Он оперировал огромным статистическим материалом, подвергая его столь глубокому и тщательному анализу, что тот искрился мыслью и проливал совершенно новый свет на проблему экономического роста». В своей Нобелевской лекции «Современный экономический рост: находки и мышления» Саймон Кузнец дал емкую характеристику своего вклада в разработку современной концепции экономического роста. В экономической литературе Запада Кузнец оценивается как один из крупнейших после Кейнса теоретиков, внесших значительный вклад в экономическую мысль XX ст.

Саймон Кузнец был женат с 1929 г. на Эдит Хандлер, также работавшей в НБЭИ. Они имели дочь Джудит и сына Пола, преподавателя экономики в Университете Индианы, а также четырех внуков. Кузнец умер в Кембридже (штат Массачусетс).

Научные заслуги Кузнеца были признаны международной научной общественностью. Он являлся президентом Американской экономической ассоциации (1954), Американской статистической ассо-

циации (1949), почетным членом и членом Ассоциации по экономической истории, Международного эконометрического общества, Международного статистического института, Королевского статистического общества (Великобритания), Американского философского общества, Британской академии наук (член-корреспондент), Шведской королевской академии наук. Он имел почетные ученые степени многих университетов, в том числе Гарвардского, Принстонского, Колумбийского, Пенсильванского.

Лауреат Нобелевской премии по экономике 1971 г. Саймон (Семен) Смит Кузнец, чьи корни находятся в Беларуси и Украине, многие экономические проблемы рассматривал, исходя из демографических процессов. Особый интерес представляет его концептуальный подход к проблемам демографического развития, развития человеческого и трудового капитала. Его эмпирическое истолкование экономического роста привело к более глубокому пониманию как экономических и социальных структур, так и процесса развития. В этом плане особенно важными являются его идеи взаимосвязи демографического развития и экономического роста с качеством человеческого потенциала, а также новых подходов поиска оптимума демографического развития. С. Кузнец на основе эмпирических количественных данных выявил «длинные волны» экономического роста – 20-летние периоды чередования быстрого и медленного роста научно-технического прогресса, численности населения и национального дохода (лауреат Нобелевской премии по экономике 1979 г. А. Льюис их назвал «циклами Кузнеца»). Причем, с точки зрения С. Кузнеца, эти факторы являются эндогенными (внутренними), а не экзогенными (внешними) переменными. В своих работах он сделал упор на анализе следующих факторов: численность, возрастной состав и территориальное распределение населения, отраслевая и профессиональная структура занятости, структура дохода с точки зрения факторов производства, структура выпуска, распределение занятий по работе внутри семьи и рыночная деятельность (последний аспект под влиянием С. Кузнеца был более детально исследован нобелевским лауреатом 1992 г. Г. Беккером), прогресс в технологии, профессиональный уровень рабочей силы, организация промышленности и государственное регулирование (включая отношение правительств и обществ к экономическому росту), международная торговля и миграция товаров, капитала и рабочей силы, изменение которых является необходимым условием экономического роста. Одновременно они непосредственно влияют и на ход последующего экономического развития страны. С. Кузнец показал, что взаимосвязанные 20-летние

изменения проявляются на общехозяйственном уровне и движении душевого национального дохода, потребления, инвестирования.

Им сформулирован закон для экономического развития стран «третьего мира», получивший название «закон Кузнец»: в первые десять лет развития неравенство в распределении доходов будет резко возрастать, а затем появится тенденция к их выравниванию. Прошедшие более двух десятилетий постсоветского существования изменения в построении новых экономических отношений на этом пространстве подтвердили этот вывод выходца из Беларуси. Его теоретическая трактовка колебаний экономики основана на взаимодействии экономических и демографических факторов. Одним из первых он раскрыл роль «человеческого капитала», заявив, что «самым большим капиталом страны являются его люди с их мастерством, опытом и побуждениями к полезной экономической деятельности» [82]. С. Кузнец полагал, что если рост (или в его терминологии «возрастание») численности населения не сопровождается уменьшением капитала, приходящегося на одного работника, и если отношение «капитал – продукт» (капиталоемкость) остается неизменным, то рост населения приведет к возрастанию душевого продукта. Это связано с тем, что такой рост предполагает: во-первых, более полное использование еще неразработанных ресурсов, во-вторых, большую степень мобильности рабочей силы и, в-третьих, возрастание запаса опыта.

Вероятность того, что в возрастающем населении численность талантливых людей превысит соответствующую численность в невозрастающем населении, будет неизмеримо больше. В этой связи ориентация постсоветских государств, количественный демографический потенциал которых постоянно уменьшается, на использование своего преимущества, созданного еще в советский период, – высокого интеллектуального фактора трудового потенциала, в условиях дальнейших инерционных негативных демографических тенденций может, к сожалению, не иметь объективных оснований. Эти преимущества возрастающего населения ни в коей мере, считает С. Кузнец, не относятся к развивающимся странам, где чрезвычайно быстрое возрастание населения наталкивается на хроническую нехватку капитала и где это возрастание приводит к уменьшению душевого дохода. «Однако даже и в развитых странах, – замечает при этом С. Кузнец, – возникают сомнения относительно того, перевешивают ли преимущества роста населения издержки этого роста в виде большего давления на ограниченные ресурсы, на медленно изменяющуюся организационную структуру и внешний баланс». С. Кузнец приходит к идее некоего оптимально-рационального темпа роста населения, хотя устано-

вить его невозможно. «Совершенно очевидно, – отмечает он, – что в любой стране, какой бы развитой она ни была, может наблюдаться слишком высокий рост населения, так что его положительные последствия для увеличения производительности труда могут перевешиваться его издержками. Но какие темпы роста считать слишком высокими – этого мы сказать не можем не только в целом, но очень часто и в специфических случаях».

Об этом С. Кузнец писал еще в 1960 г., когда мир столкнулся с самыми высокими темпами прироста численности населения (период «демографического взрыва») и мировое научное сообщество высказало свою озабоченность сохранением этой тенденции! Этот вывод важен и при анализе сложившейся демографической ситуации в Беларуси, Украине и России. Но наша озабоченность совсем иного плана – озабоченность уменьшением численности населения страны. Развивалась С. Кузнецом и проблема оптимума, впервые поднятая шведским экономистом Кнутом Векселлем, рассматривавшим оптимальную численность населения как идеальное равновесие между числом людей и возобновляемыми ресурсами земли. Правда, по сравнению с большинством западных политиков, она рассматривалась им в ином и ученом плане. Критикуя концепцию ограничения роста численности населения, С. Кузнец отмечает, что «новейшая специальная (и популярная) литература особо подчеркивает отрицательные стороны и опасности роста населения – истощение невозобновляемых ресурсов, ухудшение условий накопления капитала, организационных возможностей общества и т. п. <...> Я же предлагаю рассмотреть положительный вклад населения, полагая, что он, в конце концов, должен перевесить отрицательный эффект»; «главный вопрос нашей дискуссии, как и большинство исследований в области отношений между демографией и экономикой, остается открытым». Проблема оптимума, рассматриваемая С. Кузнецом, анализировалась белорусским демографом доктором экономических наук Я. И. Рубиным в работе «Оптимум населения: что за этим понятием?» (Минск, 1979) [83].

«Мы не знаем, – говорил на II Всемирной конференции по народонаселению в Белграде в 1965 г. С. Кузнец, – как много – слишком много и как мало – слишком мало. У нас нет даже приблизительных эмпирических данных для того, чтобы взвешивать различные положительные и отрицательные стороны роста населения. Хотя мы, возможно, способны отличить выигрыш от проигрыша, мы редко знаем характер функции, которая связывает их с различными значениями роста населения», но «это не означает, что нельзя получить гораздо больших знаний о количественных соотношениях между демографи-

ческими тенденциями и экономическим ростом путем систематического изучения данных, относящихся к широкому диапазону времени и пространства. В самом деле, экономисты, пренебрегая демографическими аспектами... в количественных исследованиях экономики, и демографы, пренебрегая экономическими аспектами... в количественных исследованиях населения, незаслуженно ограничили систематический количественный анализ взаимоотношений между этими двумя группами тенденций; а объем данных можно увеличить, чтобы обеспечить гораздо более широкую основу для в общем надежных выводов».

4.3. Институционализация демографии в Беларуси

Раков Андрей Андреевич (7 октября 1931 г. – 17 октября 2011 г.). Родился в городском поселке Тереховка (тогда районный центр) ныне Добрушского района Гомельской области (Республика Беларусь). Доктор экономических наук (1985), профессор (1990). Он принадлежал к числу тех ученых, чьими усилиями и талантом была возрождена демографическая наука в Советском Союзе и была создана белорусская демография. В последние годы он работал главным научным сотрудником в Институте экономики Национальной академии наук Республики Беларусь. Свой 80-летний юбилей отпраздновать он не успел – за несколько дней до него Андрей Андреевич был госпитализирован.

А. А. Раков родился 7 октября 1931 г. в поселке Тереховка – тогда Тереховского района – ныне Добрушского района Гомельской области вблизи границ Беларуси, России и Украины, где ныне находится монумент Дружбы народов трех братских государств. Его отец, танкист погиб под Таганрогом в 1943 г. на фронте. После окончания в 1949 г. Тереховской средней школы поступил на философское отделение Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, которое закончил с отличием в 1954 г. Во время учебы являлся сталинским стипендиатом, активно участвовал в общественной жизни – был избран секретарем комитета комсомола БГУ.

После окончания БГУ А. А. Ракову предложили возглавить один из райкомов комсомола г. Минска, но он отказался, к тому времени его больше интересовала научная работа нежели общественная деятельность. К тому же возникли и проблемы в семейной жизни – развод с супругой. Нужно отметить, что во второй половине 50-х гг. философское образование в республике было свернуто и в связи с его

отказом работать в комсомоле у молодого выпускника возникли проблемы с занятостью. Но А. А. Раков как житель из сельской глубинки нашел свой интерес в аграрном секторе экономики. Он окончил аспирантуру БГУ по специальности «политическая экономия», защитив в 1960 г. кандидатскую диссертацию. С 1957 по 1961 г. работал младшим, затем старшим научным сотрудником в Институте экономики сельского хозяйства. Работая в этом институте, Андрей Андреевич занимался исследованием форм материального стимулирования в аграрном секторе экономики. В кандидатской диссертации «Экономический закон распределения по труду в колхозах» обосновал систему дополнительного стимулирования труда работников сельского хозяйства, разработал принципы дифференцированной оплаты труда руководителей и специалистов колхозов в зависимости от размеров хозяйств, плодородия почв (бонитета) и их валового дохода.

На рубеже 1950-х – 1960-х гг. А. А. Раков как философ по базовому университетскому образованию и экономист с научной степенью находился в творческом раздумье. Его интересовали и социологические и демографические проблемы. В эти годы в стране началось возрождение социологического знания. И научные исследования материального стимулирования труда работников сельского хозяйства, которые вел А. А. Раков, он тесно связывал с социологическим подходом. И вообще он был приверженцем широкого социологического подхода к изучаемым процессам, что прежде всего проявилось в исследованиях демографических проблем Беларуси. В этот же период возобновилось и научное изучение демографических проблем Беларуси. Сначала этот процесс носил эпизодический характер. Систематические научные исследования в области демографии начались после проведения Всесоюзной переписи населения 1959 г., когда появилась соответствующая информационная база. И с начала 1960-х гг. А. А. Раков связал свою научную деятельность с возрождающейся демографией.

Этот интерес к демографическим проблемам был вызван рядом объективных социальных, экономических и политических причин. Во-первых, к концу 1950-х гг. в трудоспособный возраст вступило население, родившееся в годы Великой Отечественной войны. А так как рождаемость, особенно в европейской части СССР, в военный период была низкой, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в трудоспособный возраст вошло меньшее по численности поколение, то возникли проблемы обеспечения рабочей силой промышленных предприятий и призыва в ряды Вооруженных сил СССР. Возникли и проблемы комплектования старших классов в средней школе и занятости препода-

вателей. И прежде всего в демографических исследованиях были заинтересованы плановые органы.

В 1963 г. в ведущем идеологическом журнале «Коммунист» (№ 17) было опубликовано письмо Бронислава Яковлевича Смулевича «О двух забытых областях марксистской социологии» [84]. Этими «забытыми» областями науки оказались социальная гигиена и демография. Это письмо Б. Смулевича и материалы совещания, организованного для его обсуждения, имели исторический резонанс и способствовали возрождению демографии в СССР в 1960-е гг. Можно сказать, что после своей реабилитации бывшего белоруса, переселившегося в столицу СССР, а также реабилитации социологии была реабилитирована и демография.

Его старший коллега по университету бывший партийный работник (а в 1961–1963 гг. А. А. Раков работал лектором Минского обкома Компартии Белоруссии), возглавивший Научно-исследовательский институт экономики и экономико-математических методов планирования (НИИЭМП) при Госплане БССР Виталий Федосович Медведев, позже избранный член-корреспондентом АН БССР, пригласил А. А. Ракова возглавить демографические разработки в руководимом им институте. С 1963 по 1981 г. А. А. Раков в этом институте (ныне – Научно-исследовательский экономический институт (НИЭИ) Министерства экономики Республики Беларусь) работал заведующим отделом населения и трудовых ресурсов.

В НИИЭМП при Госплане БССР под руководством А. А. Ракова, ставшего на длительные годы признанным лидером белорусской демографии, плодотворно работали Л. И. Маськов, А. Н. Пешкова, Я. И. Рубин, Л. Е. Тихонова, Л. П. Шахотько и др. Именно эти ученые осуществили прорыв в науке в деле развития демографической тематики. Последние трое впоследствии стали известными докторами наук в области демографии. Собственно демографическими, пионерскими стали работы сотрудников этого отдела в выпускаемых НИИЭМП при Госплане БССР ежегодных сборниках научных трудов «Проблемы трудовых ресурсов и народонаселения», главным редактором которых был А. А. Раков. Сборник задумывался как прообраз первого демографического журнала в Советском Союзе, который до сих пор в Беларуси так и не удалось организовать. В 1970–1976 гг. в этих сборниках был опубликован ряд содержательных статей ведущих ученых республики: А. А. Ракова, Я. И. Рубина, Б. А. Манак, З. А. Юк, Л. И. Маськова, Л. П. Шахотько, Л. Е. Тихоновой, А. Н. Пешковой, А. В. Богдановича, С. А. Польского, М. А. Криволаповой, А. Е. Гончаренко, М. М. Коробенковой, А. М. Матвеевой, С. Л. Чер-

ныша, Т. И. Адуло и др., – ставших первым вкладом в разработку актуальных теоретических и практических демографических проблем белорусского общества.

В 1960–1970-е гг. сотрудники отдела населения и трудовых ресурсов института под руководством А. А. Ракова исследовали проблемы соотношения экономического развития и демографических процессов в целом, а также отдельных демографических проблем, таких как рождаемость, смертность, миграция. Одновременно началась разработка системы демографических моделей и математических программ по народонаселению в целом по республике и в разрезе отдельных областей и г. Минска, составлялись региональные прогнозы населения. В других подразделениях института стали анализироваться проблемы урбанизации, развития больших и малых городов, сельского расселения, развития и размещения производительных сил Белоруссии и областей.

В 1960-х гг. под руководством А. А. Ракова и при его непосредственном участии были разработаны методики расчета балансов трудовых ресурсов городов и административных районов, которые использовались при решении проблем территориальной занятости населения, размещении производительных сил Белорусской ССР. Им была обоснована необходимость сокращения оргнабора и переселения из БССР в другие регионы СССР. В начале 1970-х гг. А. А. Раков разработал социально-демографическое обоснование развития столицы Белоруссии, позволившее ускорить работы по проектированию и строительству Минского метрополитена. Разработанная в 1960–70-е гг. под его руководством система демографического прогнозирования применялась не только в Беларуси, но и в других республиках Советского Союза.

Свидетельством высокого уровня демографических исследований в Беларуси, которые осуществлялись под руководством А. А. Ракова, явилось проведение в Бресте по линии Министерства высшего и среднего специального образования СССР с участием МГУ им. М. В. Ломоносова и Центра МГУ по изучению проблем народонаселения 1-й Всесоюзной научной школы по проблемам народонаселения «Управление процессами развития народонаселения в развитом социалистическом обществе» (27 мая – 2 июня 1979 г.). Наряду с ведущими демографами Советского Союза свой доклад «Проблемы развития и функционирования трудовых ресурсов села на современном этапе» представил и А. А. Раков.

Его доклады также были представлены в работе и следующих Всесоюзных демографических уже не школ, а семинаров по проблемам

народонаселения: 2-го – в Одессе (1982), 3-го – в Йошкар-Оле (1988) и последнего 4-го – в Ашхабаде (1991), а также и на исторических международных научных конгрессах. Это VII Международный социологический конгресс (Варна, 1970), Третья Всемирная конференция по народонаселению (Бухарест, 1974), Международная научная конференция демографов социалистических стран «Преобразования в народонаселении и общественная политика» (Варшава, 1977) и Международная демографическая конференция в Китае (Пекин, 1979).

Причем, в Бухаресте Андрей Андреевич в силу организационных обстоятельств, по сути дела, взял на себя лидерство всей советской демографии. Дело в том, что делегации были рассажены по алфавитному принципу и белорусская делегация располагалась в первых рядах. А когда началось голосование по наиболее спорным демографическим вопросам, а руководство всей советской делегации оказалось оторванной от других делегаций советских республик, то возникла проблема – как голосовать. И именно от того, как голосовала белорусская делегация, по алфавиту сидевшая в первых рядах, голосовали и делегации других советских республик, сидевшие в дальних рядах мирового демографического форума. Позже оказалось, что именно такая консолидированная позиция сводной советской делегации, тон которой определил А. А. Раков и которую поддержали и демографы других социалистических стран, позволила принять позитивные документы бухарестского конгресса, который отразил Всемирный план действий в области народонаселения, в разработке которого как член рабочей группы по его разработке входил и Андрей Андреевич.

После Бухарестской конференции по народонаселению в деле развития ее идей в июле 1976 г. в Минске на базе НИИЭМП при Госплане БССР был проведен Международный симпозиум «География населения», идеологом и главным методологом которого выступил А. А. Раков. Вообще на таких научных мероприятиях Андрей Андреевич работал наиболее эффективно. Он был настолько сильно увлечен наукой, что во время поездок по Казахстану, где проходила одна из всесоюзных конференций по демографии, возил с собой трехтомник «Капитала» Маркса.

На таких конференциях, когда собирались единомышленники, между ними всегда находилось много общего. Наиболее тесные творческие контакты у Андрея Андреевича установились с ведущими демографами и трудовиками Советского Союза, с которыми связали его не только научные интересы, но и дружба. Это ведущие российские ученые: Дмитрий Игнатьевич Валентей, Леонид Леонидович Рыбаковский, Александр Яковлевич Кваша, Андрей Гаврилович Волков,

Татьяна Ивановна Заславская, Владимир Георгиевич Костаков, Анатолий Васильевич Топилин, а также украинские демографы и трудовики: Валентина Сергеевна Стешенко, Владимир Павлович Пискунов, Владимир Васильевич Оникиенко, Александр Ульянович Хомра, Элла Марленовна Либанова, Сергей Иванович Пирожков. Эти творческие связи и дружба оказали большую помощь в подготовке кадров демографов для Беларуси. Из них наиболее тесные отношения, перешедшие в тесную дружбу, у Андрея Андреевича установились с Леонидом Леонидовичем Рыбаковским. Мы шутили, объясняя их отношения общностью их «рыбьих» фамилий, а также что их фамилии начинались на одну букву, и их имена дополнялись отчеством имен отцов.

Высокий уровень демографических разработок НИИЭМП объясняется прежде всего тем, что работы ученых института были ориентированы на практические запросы Госплана БССР в деле обоснования перспектив развития и размещения производительных сил страны, что требовало и соответствующих теоретических исследований. И это сочетание теоретических разработок и требований социально-экономической практики выступило основой высокого качества демографических исследований, осуществленных под руководством А. А. Ракова.

Сфера научных исследований А. А. Ракова – разносторонняя и многогранная: экономическая теория, социальная и экономическая демография, демографическая социология. Значительным является его творческое наследие: он – автор более 350 научных трудов, в том числе: 4 единоличных монографий, соавтор более 10 коллективных монографий, свыше 20 брошюр, многих статей в энциклопедических изданиях. Это монографии: «Материальное стимулирование труда в колхозах» (1963), «Население БССР» (1969), «Белоруссия в демографическом измерении» (1974), «Демографические основы народнохозяйственного планирования» (1990), «Трудовой потенциал Белорусской ССР в условиях интенсификации» (1988, в соавторстве); «Состояние и тенденции демографического развития Беларуси» (2003, в соавторстве), «Демографические проблемы социума: состояние и тенденции развития в Республике Беларусь» (2005, в соавторстве), «Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: социологический анализ» (2001, в соавторстве), «Миграция населения Республики Беларусь» (2008, в соавторстве), «Человеческий потенциал белорусской деревни» (2009, в соавторстве); монографии с грифом ДСП: «Демографические перспективы села Белорусской ССР» (1976, в соавторстве) и «Демографическое прогнозирование для целей эко-

номического планирования (Белорусская ССР)» (1969, в соавторстве). А. А. Раков – один из авторов первого в СССР «Демографического энциклопедического словаря» (1985) и первой в Республике Беларусь «Социологической энциклопедии» (2003). В 2014 г. издана посмертная монография «Демографические ритмы и перемены: к познанию белорусского социума» (редактор-составитель А. Г. Злотников). Особенно приятно, что в последней его монографии имеются четыре раздела, написанные на основе наших совместных статей.

Важной вехой в развитии национальной демографии является его объемная и фундаментальная монография «Население БССР» (1969) [85], поскольку она была первой работой по региональной демографии и потому стала настольной книгой для специалистов этого профиля всего Советского Союза. В ней целостно освещалось демографическое состояние одной из советских республик (БССР). Именно эта работа положила начало (в терминологии советских времен) региональным аспектам демографического развития СССР. С нее начинается собственно демографическая наука современных независимых государств на постсоветском пространстве, ибо кроме богатого фактологического материала она содержала и интересные суждения научного и практического плана, стала источником не только информации, но и методологии и методики современного демографического анализа. Именно эта работа А. А. Ракова позволила белорусской демографической науке занять достойное место в советской науке.

В этой насыщенной богатым систематизированным фактологическим материалом работе А. А. Раковым впервые дана комплексная социально-экономическая характеристика демографических процессов страны за полувековую историю: характеристика процессов воспроизводства населения и миграционных процессов, половозрастной структуры, профессионального и национального состава населения, его размещения по территории, включая важнейший демографический фактор – распределение населения по городской и сельской местностям. Эти явления представлены не только в укрупненном плане, но и по различным региональным общностям. Вместе с тем в этой работе (но это не вина автора, а беда ученых, не имевших тогда возможности обнародовать собранные данные) анализ отдельных демографических процессов, в частности миграции, был неполным, так как эти данные тогда были закрытыми. Конечно, А. А. Раков и другие ученые, исследуя миграционные процессы, находили выход: на основе данных об уровнях рождаемости и смертности, а также численности населения областей, отдельных городов и районов на начало года, делали расчеты об объемах миграции – положительном

или отрицательном сальдо миграционного движения тех или иных регионов.

В этой работе А. А. Раковым был сделан важный, являющийся актуальным и ныне экономико-социологический вывод: «Чтобы избежать напряженности трудового баланса в республике в 1980 г. и в последующие годы, уже сейчас надо иметь в виду, что сохранение существующих темпов экономического развития БССР диктует необходимость существенного повышения прироста производительности труда за счет технического прогресса». Этот вывод о необходимости перехода к интенсивному развитию экономики существенно отличается от предложений более чем сорокалетней давности М. В. Довнар-Запольского, ратовавшего за экстенсивный путь белорусской экономики. Значительный рост трудового потенциала в начале XX в. и экономического потенциала того времени требовали экстенсивного развития, чтобы обеспечить занятость населения. Напряженность с трудовым потенциалом в последней трети XX в. требовала уже интенсивного развития белорусской экономики. Но, несмотря на разные выводы, и А. А. Раков и М. В. Довнар-Запольский в своих обоснованиях для Госплана БССР исходили из одной методологической установки – сложившихся тенденций в демографических процессах страны.

В 1974 г. была издана небольшая работа А. А. Ракова «Белоруссия в демографическом измерении» [34]. Правда, на полках книжных магазинов она не появилась, хотя и вышла не только для того периода, но и для последующих и нынешних времен большим тиражом – 14 500 экз., потому что была издана «Библиотекой газеты “Голас Радзімы”», выпускающей для соотечественников (белорусской диаспоры), живших за границей. Она стала знаменательной вехой в отечественной демографической мысли – именно из нее ученым и специалистам всего мира стало известно о существовании в Беларуси демографической науки. В теоретическом плане ее ценность состоит прежде всего в том, что в ней была применена методология построения непрерывного ряда численности населения Белорусской ССР, включая и военный период, исчисления людских (прямых и косвенных) потерь Беларуси в Великой Отечественной войне. Именно эта небольшая работа определила неформальное лидерство А. А. Ракова среди членов советской делегации в 1974 г. на Бухарестской Всемирной конференции по народонаселению. Потому и сегодня эта работа бесценна, особенно в борьбе с теми, кто пытается преуменьшить исторические заслуги белорусского народа в жестокой схватке с фашизмом.

В начале 1980-х гг. изучением демографических проблем стали заниматься в Институте экономики АН БССР, куда с 1981 г. перешел работать из НИИЭМП в созданный отдел демографии А. А. Раков. Под его руководством этот академический институт стал центром исследований методами математической статистики влияния на демографические процессы разнообразных социально-экономических факторов, в том числе на миграционные, развития региональных систем расселения. В этот период А. А. Раковым в ИСИ АН СССР была защищена докторская диссертация по специальности «Экономика народонаселения и демография» на тему «Демографическое прогнозирование в системе планирования социального и экономического развития» (1985). Ее основополагающие идеи позже (1990) были изложены им в монографии «Демографические основы народнохозяйственного планирования». Эти работы имеют наиболее существенное отношение к исследованиям демографических процессов в Беларуси и поэтому являются действительно пионерскими. В них представлены концепция «демографизации», обосновывающая необходимость демографического прогнозирования как неотъемлемого элемента экономического и социального планирования, и ее возрастающая роль в планировании и управлении. Эта концепция вытекает из роли демографического фактора в общественном развитии, ставшая ныне сердцевинной социально-экономических программ страны. В целях всестороннего и более полного учета этого фактора развита идея о планировании потребностей специфических социально-демографических групп (семьи, молодежи, женщин, пенсионеров). А. А. Раковым рассматривается методологическая неправомерность «вычленения» законов народонаселения из общей системы экономических законов.

В этих работах А. А. Ракова обобщен опыт разработки демографических прогнозов, систематизирована и уточнена их классификация, раскрыта их структура и указаны их основные направления, дано методологическое обоснование демографических перспектив Беларуси. А. А. Раковым исследована взаимосвязь и взаимообусловленность демографических и социально-экономических факторов на республиканском, отраслевом и региональных уровнях, выдвинута идея о принципах построения баланса населения по возрасту и полу, общественно-экономическим группам и характеру деятельности как инструмента совершенствования демографической диагностики и демографической политики. В методологическом плане для понимания современных демографических тенденций ценным (и предупреждающим) являлся прогноз отрицательного сальдо естественного прироста населения в середине 1990-х гг.

Последнее десятилетие научной деятельности XX в. А. А. Ракова было связано с институционализацией социологии в Беларуси, развития социологии демографии. В 1990 г. был создан Институт социологии НАН Беларуси. Его директор академик Е. М. Бабосов пригласил А. А. Ракова возглавить отдел социальной демографии и занятости населения. Сюда же переместился и центр исследований демографических проблем в Беларуси. Именно в этот период, период становления суверенного государства под руководством А. А. Ракова была осуществлена разработка ряда научных национальных программ по народонаселению и трудовым ресурсам, в основе которых лежали основные концептуальные положения лидера белорусской демографии.

В начале XXI в. по решению Президиума НАН Беларуси центр исследований демографических процессов возвращается из института социологии в институт экономики академии. Здесь сначала был создан отдел по проблемам демографии, затем преобразованный в Центр демографии и человеческого развития НАН Беларуси, который и возглавлял А. А. Раков. Это, во-первых, отражало объективную потребность в необходимости вести фундаментальные демографические (включая и прикладные) исследования. Во-вторых, это свидетельствовало о росте значения демографии для различных сторон жизнедеятельности обществ. Обострение демографических проблем выявило, что без их глубокого научного осмысления немыслимы разработки ни одной значимой социально-экономической программы развития, ни одного крупного государственного проекта. Без уяснения демографической ситуации, тенденций демографического развития, разработки демографических прогнозов, различных аспектов демовоспроизводственного процесса (репродуктивного и миграционного поведения населения, гендерных проблем, семейной политики и т. д.) невозможно обеспечить научно обоснованное развитие социума, различных сфер жизнедеятельности общества. Демографические исследования необходимы для нужд не только экономики, но и обороны, бизнеса, торговли, просвещения и здравоохранения и т. д. Это А. А. Раков обосновывал в докладной записке об организации Центра демографии и человеческого развития института экономики НАН Беларуси.

Свою роль в этом сыграло принятие в 2002 г. Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь», обозначившего вектор развития демографических проблем, в разработке которого участвовало и научное подразделение, руководимое А. А. Раковым. Для разработки этого закона А. А. Раков привлек всех ведущих специалистов страны в области демографии. В концепции

демографической безопасности был сделан акцент на роли миграционных процессов, и особенно трудовой миграции в социально-экономическом развитии, ее влиянии на состояние национального рынка труда. В послесловии к книге П. Эберхардта «Демографическая ситуация на Беларуси: 1898–1989» (1997) – «Колькі нас і што нас чакае?» [45] А. А. Раков акцентирует внимание на новых сторонах белорусской миграции в переходном обществе.

В Центре демографии и человеческого развития института экономики НАН Беларуси разрабатывалась стратегия развития демографического потенциала и социального капитала, организационно-правовые механизмы взаимодействия экономико-демографических и социально-демографических факторов, обеспечивающих национальную и демографическую безопасность Республики Беларусь, роль миграционных процессов в социально-экономическом развитии Балтийского региона, влияние миграции населения на состояние регионального рынка труда Беларуси (на примере сельскохозяйственных регионов).

Но, к сожалению, Центр демографии и человеческого развития в институте экономики НАН Беларуси просуществовал недолго, и это, видимо, негативно сказалось здоровье и состоянии А. А. Ракова. В последние годы А. А. Раков работал ведущим научным сотрудником этого бывшего центра, который был преобразован в отдел. Направления его научной деятельности расширились за счет сужения исследований по демографической проблематике. В эти годы А. А. Раков занимался теоретико-методологическими и прикладными проблемами в области экономики, социологии и экологии, проблемами развития человеческого капитала, исследовал демографические последствия аварии на Чернобыльской АЭС, проблемы демографической политики и безопасности, качества населения, демографической трансформации воспроизводства и миграции населения в переходном обществе и т. д.

Работая почти полвека (без двух лет) в различных научных институтах Беларуси, А. А. Раков возглавлял научные подразделения, сыгравшие ведущую роль в исследованиях вопросов демографии и трудовых ресурсов республики. Через его школу прошли почти все белорусские демографы. Практически все ведущие белорусские демографы в тот или иной период своего становления работали в коллективах, возглавляемых А. А. Раковым, а следовательно, представляли его демографическую школу. Им подготовлено около 20 кандидатов наук, несколько докторов наук, в том числе ученых для Китая, Сирии, Палестины. Под руководством А. А. Ракова защитили докторские диссертации Л. П. Шахотько (1997) и Л. Е. Тихонова (2002).

В его отделе в НИИЭМП при Госплане БССР была защищена первая кандидатская диссертация в Беларуси по демографической проблематике Я. И. Рубиным (1969), который также первым (1980) из белорусских ученых защитил докторскую диссертацию по демографии [86]. Сам А. А. Раков в разные годы был членом ряда специализированных Советов по защите докторских диссертаций – в институте экономики НАН Беларуси, институте социологии НАН Беларуси, институте градостроительства и архитектуры, а также институте искусства.

Наряду с научными исследованиями профессор А. А. Раков преподавал курс демографии на географическом факультете, и также сначала на философско-экономическом, а позже на факультете философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

В последние годы жизни и научной деятельности Андрей Андреевич активно занимался пропагандой демографических знаний. Он был постоянным участником «Круглых столов» по актуальным проблемам демографии и трудовому потенциалу, социальной политики, проводимых ведущей газетой Беларуси «СБ – Беларусь сегодня». Он был постоянным консультантом публикаций по демографическим проблемам популярного в стране еженедельника «Обозреватель». Заслуживают внимания опубликованные им в последние годы крупные социологические статьи по демографии в журнале «Социология», исходившего из контовского положения, что демография есть социология. Последняя его статья опубликована посмертно в последнем номере этого ведущего социологического журнала за 2011 г.

Только за последние два года своей жизни Андрей Андреевич Раков принял участие с докладами на Шестых Валентеевских чтениях (апрель 2010 г.) – доклад «Демографические трансформации в Беларуси в XIX – XXI веках», Всероссийской научно-практической конференции «Демографические перспективы России и задачи демографической политики» (апрель 2010 г.) – доклад «Демографическая политика суверенной Беларуси», Всероссийской научно-практической конференции «Демографическое развитие России: задачи демографической политики и усиления социальной поддержки населения» (апрель 2011 г.) – доклад «Тенденции демографического развития Беларуси в 2006–2010 годах», секции «Демографические факторы инновационного развития России: возможности и ограничения», проводимой Центром народонаселения экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках IV Международной научной конференции «Инновационное развитие экономики России: институциональная среда». А. А. Раков в эти последние два года принял участие

и в трех конференциях в Украине, а также более десяти конференций в Республике Беларусь.

Работая почти полвека в научной сфере, Раковым демографические процессы рассматривались в системной взаимосвязи – рождаемости, брачности, смертности, продолжительности жизни и миграции. Разносторонность и энциклопедичность знаний (он одновременно был философом, социологом, экономистом и демографом) проявилась в еще одной стороне. А. А. Раков – соавтор трех монографий по проблемам развития культуры: «Социология современной культуры» (2005), «Культура и время. О некоторых проблемах их взаимодействия и развития в историческом пространстве» (2010), а также «Синхронно со временем: актуальные проблемы развития белорусского театра» (на белорусском языке, 2010). В них А. А. Раковым дан глубокий социологический и экономический анализ различных аспектов развития национальной культуры.

Проявление этой стороны его таланта в социологии культуры не было случайным. Мало кому известно, что в середине 1950-х гг. А. А. Раков «приложил» свою руку к гимну Белорусской ССР. Дело в том, что в качестве текста гимна были избраны стихи его покойного тестя М. Н. Климовича. Но в том тексте («Мы, белорусы, с братскою Русью, вместе искали к счастью дороги. В битвах за волю, в битвах за долю, с ней добывали мы стяг перемоги»), который Михаил Николаевич написал еще в 1944 г., были политически неприемлемые для новых исторических условий строки с именем Сталина. Многие маститые белорусские поэты, в частности Я. Колас, обращались к вдове Климовича, предлагая себя в качестве соавторов помочь отредактировать текст гимна, но та, верная памяти мужа, хотела оставить приоритет за ее Михасем. И ее зять, Андрей Раков талантливо внес небольшие изменения, отредактировав и убрав неприемлемые в новых исторических условиях строки с именем Сталина.

Среди увлечений А. А. Ракова наряду с поэзией следует отметить его любовь к шахматам, что отвечает его многогранной натуре и объясняет по утверждению Т. Парсонса природу социального взаимодействия, которое характеризует не только научное творчество А. А. Ракова, но и его личностные качества.

4.4. Истоки институционализации социологии демографии в Беларуси

Шахотько Людмила Петровна родилась 15 июля 1940 г. во Ржеве. С 1955 г. в Минске. Высшее образование получила на географическом факультете Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина (1957–1962). В 1961 г. стала дипломантом республиканского конкурса студенческих научных работ («Население Копыльского и Узденского районов»). Кандидат экономических наук (1972), доктор социологических наук (1997), профессор (2000). Кандидатская диссертация защищена в 1971 г. в Белорусском государственном институте народного хозяйства им. В. В. Куйбышева (ныне Белорусский государственный экономический университет) – тема «Социально-экономическое исследование рождаемости в Белорусской ССР» (специальность «статистика»). Докторская диссертация на тему «Социально-демографические процессы на территории Беларуси в период трансформации экономической системы» (специальность «Социальная структура, социальные институты и процессы») была защищена в специализированном Совете Института социологии НАН Беларуси.

По окончании университета получила распределение в Научно-исследовательский институт экономики и экономико-математических методов планирования (НИИЭМП) при Госплане БССР (ныне – Научно-исследовательский экономический институт (НИЭИ) Министерства экономики Республики Беларусь), где с 1962 по 1981 г. работала в отделе населения и трудовых ресурсов, исследуя репродуктивные процессы в БССР, на основе материалов которых в 1971 г. защитила кандидатскую диссертацию.

С 1981 г. перешла на работу в систему Академии наук БССР, где до 1990 г. занималась исследованиями демографических проблем сначала в Институте экономики, а затем (1991–1994) в Институте социологии. С 1994 по 2000 г. Л. П. Шахотько – заместитель директора по науке, руководитель отдела демографических исследований и занятости населения в НИИ статистики при Министерстве статистики и анализа Республики Беларусь. С 2001 г. до конца жизни (23 октября 2016 г.) в Институте экономики АН Беларуси, где была заведующим Центра демографии и человеческого развития, затем главным научным сотрудником. В последнем десятилетии XX в. она – ответственный разработчик Национального отчета о человеческом развитии 1995 г. «Беларусь лицом к человеку» и отчета 1999 г. «Беларусь: ретроспектива и перспектива», а также национального доклада о поло-

жении детей и женщин 1995 г. «Дети и женщины Беларуси: сегодня и завтра», подготовленных по инициативе ООН, руководитель Национального атласа Беларуси.

Одновременно с 1975 г. Л. П. Шахотько преподавала в Белорусском государственном экономическом университете, в Межотраслевом институте повышения квалификации, в Институте повышения квалификации руководящих работников легкой промышленности; с 1998 г. – в должности профессора в Белорусском коммерческом университете управления, в Академии управления при Президенте Республики Беларусь и в Белорусском педагогическом университете имени Максима Танка. Читала курсы «Общая теория статистики», «География населения», «Статистика населения», «Демография», «Методы демографического прогнозирования», «Экономическая социология».

Научная деятельность Л. П. Шахотько была связана с исследованием проблем народонаселения, рождаемости, развития семейно-брачных отношений, миграции, социально-демографических аспектов воспроизводства населения на территории Беларуси.

В монографии «Воспроизводство населения Белорусской ССР» ею дан всесторонний анализ демографических процессов, рассматривая в комплексе рождаемость и брачность, здоровье и продолжительность жизни, смертность и миграцию. Возглавляемый ею отдел в НИИ статистики сыграл важную роль в проведении в 1999 г. первой переписи населения суверенной Беларуси в деле совершенствования методологии демографической статистики, прежде всего миграционных процессов с учетом современных тенденций развития Республики Беларусь и мировых стандартов. В 1997–1998 гг. Л. П. Шахотько руководила выполнением темами «Методологические вопросы разработки программы белорусской переписи населения 1999 г.», «Разработка сценариев демографического развития Республики Беларусь до 2015 г.» и др.

Под ее руководством в НИИ статистики исследована роль миграционных процессов в социально-экономическом развитии Балтийского региона, влияние миграции населения на состояние регионального рынка труда Беларуси (на примере сельскохозяйственных регионов). Особенно ценными для демографической науки и пользователей являются методологические разработки Л. П. Шахотько по выходным итогам и обобщению материалов переписи населения 1999 г., представленных Министерством статистики и анализа Республики Беларусь прежде всего по миграционной тематике. На основе этих материалов она вместо господствующего мнения на основе текущего ми-

миграционного учета о том, что Беларусь имеет положительное сальдо миграционного прироста, выявила обратное: «чистая миграция за 1989–1998 годы составила минус 25,3 тыс. чел. В результате по переписи 1999 г. на территории Беларуси проживало на 106,6 тыс. чел., или на 1%, меньше, чем по переписи 1989 г.» [87, с. 33].

С конца 1990-х гг. основной областью научных исследований Л. П. Шахотько стали миграционные процессы [88]. В докторской диссертации значительное место уделено миграционному движению в современных демографических процессах и воспроизводстве населения [89]. Ожидаемые депопуляционные процессы ускорены и усугублены последствиями катастрофы на ЧАЭС и самое главное – экономическими и социально-политическими трансформациями 1990-х гг. На этой основе (вместе с А. А. Раковым) обоснована необходимость перехода от экстенсивного типа развития экономики к интенсивному – «необходимо учитывать и заблаговременно готовить хозяйство республики к нормальному функционированию в изменившихся условиях».

В монографии «Модель демографического развития Республики Беларусь» [90] обоснована необходимость проведения активной государственной демографической политики по поддержке позитивных изменений в демовоспроизводстве: «погасить убыль населения можно, изменив тенденции развития всех трех его составляющих в комплексе: рождаемости, смертности и миграции».

В Институте экономики НАН Беларуси Л. П. Шахотько выполняла ряд крупных научных проектов по государственной комплексной программе научных исследований «Экономика и общество» в 2006–2010 гг., государственной программе научных исследований «История, культура, общество, государство», руководила рядом НИР по грантам Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований. Она активно участвовала в разработке программных документов по демографическому развитию Беларуси и, в частности, Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь» (2002), обозначившего вектор решения демографических проблем. Она была экспертом всех разрабатываемых с 2002 г. государственных республиканских программ демографической безопасности.

Она являлась почетным членом Белорусской статистической ассоциации (БСА), членом Независимого совета по миграции стран СНГ и Балтии, членом рабочей группы экспертов по разработке нормативов «качества жизни» Консультативного Совета органов отраслевого сотрудничества Исполнительного комитета СНГ, членом Европей-

ской Ассоциации по демографическим исследованиям (EAPS), членом редакционных коллегий журналов «Демография и социальная экономика» (Украина) и «Социальная политика и социология» (Россия), членом специализированного Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при Институте экономики НАН Беларуси. Под ее руководством защищено более десяти кандидатских диссертаций.

В студенческие годы Л. Шахотько увлекалась парашютным спортом, а в последние годы ее хобби стал фотешоп. Ее дети продолжают материнское дело. Старшая дочь Ирина защитила кандидатскую диссертацию по миграции. Сын Дмитрий проводит исследования на демографическом поприще и после ухода из жизни матери завершил и издал в 2018 г. (совместную) монографию Л. П. Шахотько «Домохозяйство, семья и семейная политика в Беларуси».

За выполнение совместного научного исследования «Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина» Л. П. Шахотько присуждена премия Академий наук Украины, Беларуси и Молдовы (2006).

Она – автор более 400 научных работ, в том числе опубликованных в Российской Федерации, Украине, Молдове, Чехии, Германии, Нидерландах, Финляндии и Швейцарии, среди которых 4 единоличные монографии, более 10 коллективных монографий, статьи в энциклопедических изданиях. Единоличные монографии: «Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы)» (1975), «Воспроизводство населения Белорусской ССР» (1985) [91], «Население Республики Беларусь в конце XX века» (1996) [92], «Модель демографического развития Республики Беларусь» (2009); коллективные монографии «Домохозяйство, семья и семейная политика в Беларуси» (2018), «Миграция населения Беларуси» (1999), «Миграционная ситуация в странах СНГ» (1999), «Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии» (1999), «Белорусское пограничье: транснациональное сотрудничество и фронтёрская миграция» (2002), «Нелегальная миграция: факторы роста и пути решения» (2002); «Тенденции заболеваемости, смертности, продолжительности жизни населения Республики Беларусь» (2003). Основные зарубежные публикации: *Die sozial-demografische Orientierung der Jugend in der Hauptstadt Minsk der republik Belarus (Wiebrubland) (Hilftn fur die junge Generation Berlin.* 1999); *Belarus (Migration in the CIS 1997–1998.* Geneva, 1999); *Economy of family and demographic situation in Belarus (European Population Conference 2001.* Helsinki, 2001).

В процессе анализа новых тенденций на рубеже 1980–1990-х гг. она исследовала весь спектр миграционных проблем Беларуси. Это кардинальное изменение (рост) масштабов, интенсивности и их направленности, связанных с распадом СССР как единого социально-политического, экономического и демографического пространства. Ею акцент в конце 1980-х гг. прежде всего был сделан на специфике международной миграции населения, связанной с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, когда Беларусь столкнулась с таким принципиально новым явлением, как экологическая миграция. За период с 1986 по 2000 г. с загрязненных территорий республики было эвакуировано более 24 тыс. человек, переселено 111 тыс., что активизировало внутриреспубликанские миграционные процессы.

В связи с политическим кризисом, а также этническими и конфессиональными конфликтами на советском и постсоветском пространстве, отмеченных Л. П. Шахотько, выросло число переселенцев, беженцев и нелегальных мигрантов на территории Беларуси. В процессе международной миграции Беларусь столкнулась с проблемой беженцев, когда из бывших советских республик прибыло около 32 тыс. вынужденных мигрантов, но при этом «законодательная база Беларуси была не готова к тому, чтобы обеспечить этим людям реальную защиту». В этой связи она акцентирует внимание на разнонаправленных факторах, как притягивающих мигрантов в Беларусь, так и выталкивающих их из других регионов постсоветского пространства. «Население, которое ранее свободно переезжало по территории СССР, удерживали на местах не только экономические факторы (разъединение валютных систем, обнищание населения и в результате нехватка средств для переезда, отсутствие иметь жилье, опасения по поводу возможных трудностей с трудоустройством), но и административные – проблемы с гражданством, боязнь поддерживать связь с родственниками, сложностями с исчислением стажа работы и получением пенсии и т. д. Эти же силы притягивали бывших жителей Беларуси на родину».

Положительное сальдо белорусской миграции обусловлено прежним региональным расселением белорусов в республиках СССР, что в условиях распада СССР характеризует этническую миграцию или процесс их реэмиграции. Л. П. Шахотько отмечает, что «наиболее активно белорусы возвращались из Армении – практически все... Из Грузии и Азербайджана выехал каждый третий, из Таджикистана и Туркменистана – каждый пятый, из стран Балтии – каждый седьмой, из Молдовы и Казахстана – каждый десятый, из России – каждый двадцатый, а из Украины только каждый тридцатый белорус, живший

там в 1989 г. Следует учитывать, что белорусы выезжали не только в Беларусь, но и также в другие славянские государства – Россию и Украину». Это положительное сальдо миграции характеризует Беларусь, как единственную страну постсоветского пространства, где не было межнациональных конфликтов и где «спад экономического развития был несколько меньшим, чем по СНГ, важным явилось и то, что после референдума 14 мая 1995 г. в Беларуси русский язык получил статус второго государственного, что способствовало повышению привлекательности для русскоязычного населения».

Как социолог, Л. П. Шахотько отмечает изменение миграционной мотивации – вместо этнополитических причин ведущими (причем, уже миграции из Беларуси) становятся экономические и социальные факторы. «Выезд за границу (уезжают в основном в страны с наиболее высоким уровнем жизни населения) можно рассматривать как поиск нашими соотечественниками более обеспеченного материального положения для себя и своей семьи... Так, за 2000–2004 гг. примерно треть чистой миграции имела направление в США, чуть меньше трети – в Германию, немногим более четверти – в Израиль. Все другие страны вместе составили всего 8,4%». В условиях, когда Республику Беларусь охватил глубокий экономический кризис, а также значительного облегчения возможностей выезда и въезда в страну, стали широко практиковаться коммерческие и туристические (также связанные с коммерческими интересами) поездки в Польшу, Турцию, Китай, Германию, Италию, Болгарию, Францию и другие страны.

Наряду с вынужденной и заместительной миграцией Л. П. Шахотько коснулась и проблем трудовой миграции, которая по данным тогдашнего текущего учета, по ее мнению, была незначительной. Особо ею была выделена женская миграция, часть которой связана с их сексуальной эксплуатацией. Важное место в ее анализе миграционных проблем занимает рост интеллектуальной миграции, среди которых более половины «остепененных», особенно молодежи. География интеллектуальной утечки характеризуется заметным приоритетом стран с высокоразвитой наукой: Франция, Германия, Великобритания, США, Израиль, некоторые страны Восточной Европы. При этом ею отмечается, что структура потоков научной эмиграции не соответствует структуре общей миграции населения Беларуси. Интенсивное выбытие специалистов создает серьезные сложности не только для будущего белорусской науки, но и экономики страны в целом. Ею сделан вывод, что рост эмиграционного потока ученых и специалистов «ухудшает качественные характеристики трудовых ресурсов,

наносит урон интеллектуальному уровню, что практически не поддается количественной оценке».

И самый главный вывод Л. П. Шахотко в отношении проблем миграции: сложившиеся количественные и качественные составляющие миграционных процессов в Республике Беларусь не могут быть источником решения социально-демографических и экономических проблем. В отношении качественных составляющих миграции ею отмечается значительная возрастная разница выбывающего и прибывающего населения. В эмиграции населения высокая доля в наиболее активном репродуктивном возрасте, а в иммиграции – значительная доля населения старше трудоспособного возраста. Первый поток не способствует росту демовоспроизводственных процессов, а второй поток ложится бременем на систему социального обеспечения.

4.5. Исследования миграционистики в современной белорусской науке

Одной из важнейших особенностей исследования демографического развития является то, что наиболее пристальное внимание уделяется миграционным процессам. Это обусловлено как их более значительными объемами в демографических процессах, так и сложными многочисленными взаимосвязями с внутренними и внешними факторами функционирования и развития социальных, политических, экономических, экологических и повседневно-бытовых сфер. Если процессы рождаемости, продолжительности жизни и смертности в большинстве своем являются юридически состоявшимися фактами, то миграционное движение населения, о чем мы констатировали в предисловии, в юридическом признании таковым сталкивается с весьма сложными препятствиями. Существенно важной из них в научном плане в советской демографии были публикации в 60-х – 80-х гг. прошлого столетия по этим проблемам под грифом ДСП – «Для служебного пользования». И это отражалось на сложностях их исследования.

Результаты исследований разноплановых проблем белорусской миграции, несмотря на административные сложности, отражались в работе научных конференций, публикациях их материалов, статей в журналах и сборниках, диссертациях, монографиях.

Первой кандидатской диссертацией по проблемам миграции в истории Беларуси стала работа А. Н. Пешковой «Миграция населения Белорусской ССР» на соискание ученой степени кандидата географи-

ческих наук по специальности 25.00.24 в 1968 г. Второй – моя кандидатская диссертация по проблеме, именуемой ныне в теории миграции как релопакт (от термина *relopaction*, которым называется человек, поменявший место жительства или работу), по экономическим наукам, точнее по приграничным – экономика и социология, по специальности 09.00.09 «Прикладная социология» в 1978 г. на тему «Социально-экономические проблемы регулирования текучести рабочих промышленности (на материалах промышленности городов Белорусской ССР)». Следующей была диссертация Л. Е. Тихоновой на тему «Социально-экономические аспекты миграции населения БССР» на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.18 в 1982 г. Эти диссертации были защищены вне Беларуси в связи с отсутствием в ней соответствующих ученых советов. Диссертация А. Н. Пешковой была представлена к защите в Ростовском-на-Дону государственном университете. Упомянутые две другие диссертации были защищены в Институте социологических исследований АН СССР. При этом диссертации А. Н. Пешковой и Л. Е. Тихоновой защищались под грифом «Для служебного пользования», что свидетельствует о препонах, стоящих перед демографической наукой.

Первой монографией в Беларуси по проблемам миграции населения было издание в 1973 г. под грифом «ДСП» Научно-исследовательским институтом экономики и экономико-математических методов планирования при Госплане БССР работы А. Н. Пешковой «Миграция населения Белоруссии» [93] на основе защищенной ею пять лет тому назад кандидатской диссертации. В ней были рассмотрены особенности миграционных процессов в республике, характеризующиеся стабильно растущим отрицательным миграционным сальдо. В 1960–1980-х гг. миграционные процессы были не менее злободневными социально-экономическими проблемами, чем ныне. Другим аспектом проблемы миграции был рост оттока населения из сельской местности. Основная сложность анализа миграционных процессов состояла в том, что, во-первых, в отношении показателей миграции еще сохранялся служебный характер статистической информации. На публикацию конкретных данных по проблемам миграции требовалось специальное разрешение Главлита. И, во-вторых, статистика тогда в отношении миграции была неполной – информация имела только по городской местности.

Анализ защищенных диссертаций по миграционной тематике в истории современной Беларуси изложен в статье А. В. Селиванова «Белорусские диссертационные исследования по вопросам миграции» [94].

Им осуществлен анализ более сорока защищенных кандидатских и двух докторских диссертаций, которые в той или иной степени затрагивают и миграционную проблематику. Из них 21 диссертационное исследование выполнено по историческим наукам, в том числе две докторские. Из этих докторских диссертаций отметим исследование периода от присоединения белорусских территорий после разделов Речи Посполитой (с 1772 г.) до отмены крепостничества и крестьянского восстания К. Калиновского. Ее автор В. В. Швед защитил диссертацию «Грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.)» в 2001 г. Имеет частичное отношение к анализу миграционных проблем Беларуси и диссертация гражданки Казахстана А. Жаркеновой, защищенная в специализированном белорусском докторском ученом совете в 2016 г. на тему «Социально-демографическое развитие населения Северного Казахстана во второй половине XX – начале XXI в.».

Кандидатские диссертации по историческим наукам по различным аспектам проблем миграции на территории Беларуси охватывают столетний период белорусского средневековья – 1440–1530 гг. (А. В. Казаков), XIX в. (Д. Ч. Матвейчик, А. В. Тихомиров), межвоенный период – 1921–1941 гг. (А. И. Буча, В. А. Йоцюз, Н. В. Кузьмич, С. В. Лапанович, О. В. Марченко, О. Н. Мярчук, Д. М. Толочко), послевоенный (Н. В. Барабаш, А. Ф. Великий, С. В. Шабельцев), конец XX – начало XXI ст. (А. Н. Рагимов, С. Л. Сукума). Материалы ряда этих диссертаций по историческим наукам использованы в монографии при характеристике миграционных процессов соответствующих исторических периодов Беларуси. Значительный интерес среди этих работ для понимания современных проблем миграционных процессов Беларуси представляют исследования периода последнего десятилетия XX – начала XXI в.

По экономическим наукам в белорусских специализированных ученых советах было защищено 8 диссертаций. По политическим и юридическим наукам было защищено по 4 работы. Еще 3 работы по миграционной тематике в Беларуси были защищены по филологическим наукам, 2 – по социологическим наукам и 1 – по географическим наукам. Самая ранняя защищенная диссертация в белорусских специализированных ученых советах датируется 1994 г. – это исследование А. В. Тихомирова «Белорусская эмиграция: 90-е годы XIX в. – 1917 г.» на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 «Отечественная история». Последняя защищенная диссертация, связанная с миграционной тематикой – это исследование И. Е. Ядченко «Языковая реализация гибридной иден-

тичности в дискурсе мигрантов» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 «Теория языка» (декабрь 2021 г.).

К сожалению, из обстоятельного анализа А. В. Селиванова о белорусских диссертационных исследованиях по миграционистике выпали три докторские диссертации. Первая из них – диссертация Л. П. Шахотко, защищенная в 1997 г. в специализированном Совете по защите диссертаций Института социологии НАН Беларуси, на тему «Социально-демографические процессы на территории Беларуси в период трансформации экономической системы» (специальность «Социальная структура, социальные институты и процессы»). И две работы, защищенные в ученом совете Белгосуниверситета по географическим наукам. Это диссертации брестского ученого К. К. Красовского «Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ и прогноз» (2006) и заведующей кафедрой географического факультета БГУ Е. А. Антиповой «Сельское расселение Беларуси: территориальная структура и геодемографическое развитие» (2008), ибо расселенческие процессы обусловлены и тесно связаны с миграцией.

В предыдущем разделе отмечалось, что в докторской диссертации Л. П. Шахотко [95] значительная роль отведена миграционному движению в современных демографических процессах и воспроизводстве населения. Ею сделан вывод, что сложившиеся количественные и качественные составляющие миграционных процессов в Республике Беларусь не могут быть источником решения социально-демографических и экономических проблем. В отношении качественных составляющих миграции ею отмечается значительная возрастная разница выбывающего и прибывающего населения. В белорусских эмиграционных процессах высокая доля приходится на население в наиболее активном репродуктивном возрасте, а в иммиграции – преобладает население старше трудоспособного возраста.

К. К. Красовский в докторской диссертации [96], а также в монографиях «Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ» (2004) и «Урбанистическая эволюция Беларуси» (2009), исследуя сложный и многоаспектный характер проблемы урбанизации, показывает, что этот процесс определяется конкретными социально-экономическими, политическими и управленческими условиями. На протяжении второй половины XX в. урбанизация на территории Беларуси шла экстенсивным путем (прежде всего за счет миграции) на основе индустриализации. Индустриализация способствовала концентрации экономической деятельности в немногих быстрорастущих

городах, и рост численности населения этих городов был реакцией на развитие промышленности.

Е. А. Антипова в своей диссертации [97], исходя из того что Беларусь в результате значительных миграционных масштабов «село – город» из типично аграрной страны превратилась в урбанизированную страну, констатирует, что в экономическом и демографическом аспектах сельское население страны трансформировалось из активной в пассивную часть. В демографическом плане автор выделила три типа сельских районов: районы-лидеры, срединные районы и районы-аутсайдеры. При этом преобладающими стали сельские районы с незначительным демографическим потенциалом. В результате значительных миграционных масштабов главной тенденцией изменения динамики сельского населения стала трансформация положительных темпов его развития в отрицательные.

Кроме этих диссертаций, защищенных в специализированных белорусских ученых советах, белорусы защитили диссертации, связанные с миграционистикой, в московских ученых советах. Это Л. Е. Тихонова, защитившая в 2002 г. докторскую диссертацию по экономическим наукам в Институте социально-политических исследований (ИСПИ) РАН на тему «Государственное регулирование демографических процессов в Республике Беларусь», и Е. А. Западнюк, защитивший в 2007 г. кандидатскую диссертацию по экономической теории в Российском государственном гуманитарном университете по теме «Трудовая миграция населения и ее влияние на формирование современного рынка труда».

Докторская диссертация Л. Е. Тихоновой [98] посвящена проблемам переосмысления механизма государственного регулирования демографических процессов в условиях новой рыночной экономической парадигмы. Важное место в ней отводится миграционным процессам при рассмотрении места и роли миграции среди демографических индикаторов в крупных программах по решению актуальных задач социально-экономического, экологического и демографического развития, в которых значимой является миграционная компонента. И в основной работе Л. Е. Тихоновой «Регулирование демографических процессов в Беларуси» [99] анализ миграционных процессов 1990-х гг. осуществлен в контексте проблем обеспечения демографической безопасности в Беларуси, прежде всего в связи с последствиями катастрофы на ЧАЭС, вызвавшей массовое переселение. В работе дана характеристика основных социально-экономических угроз, исходя из анализа сложившейся демографической ситуации. Важной угрозой для демографического развития являются последствия ката-

строфы на ЧАЭС, что обусловлено особенностями социально-экономического развития загрязненных территорий.

Гомельчанин Е. А. Западняк анализирует трудовую миграцию с позиций изменения и роли политического фактора – роли государственного регулирования рынка труда, уязвимости его сегментов [95]. Им рассматриваются проблемы трудовой миграции с позиций ее экономико-правовой сущности, адаптации мигрантов к социально-экономическим условиям страны-реципиента. Е. А. Западняку принадлежат монографии «Трудовая миграция и ее регулирование», «Международная трудовая миграция: вызовы настоящего и стереотипы прошлого», «Международный рынок труда: в поисках работы».

Исследование роли миграции и ее регулирования в социальных процессах является прежде всего прерогативой многих специальностей экономических наук, а миграционной политики – политических наук. В конце 90-х гг. наиболее актуальными проблемами были постчернобыльские проблемы.

В определенной степени постчернобыльские миграционные аспекты анализировались в диссертациях исследователей из НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь Н. Н. Приваловой «Демографическая политика Беларуси в условиях реформирования экономики» (2002) и Н. И. Богино «Государственное регулирование демографических процессов в районах радиоактивного загрязнения Беларуси» (2004). В диссертации Н. Н. Приваловой по проблемам демографической политики важная роль отведена проблемам отселения и переселения жителей с загрязненных территорий, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС [100]. Ею обоснована необходимость проведения государственной миграционной политики, солидарной с политикой других стран, ибо последствия глобальной экологической катастрофы касаются всего мирового сообщества. Исследование Н. И. Богино (диссертация защищена повторно) в первый раз ВАКом не было утверждено, ибо тогда в названии «Реабилитация населения районов радиоактивного загрязнения в Беларуси» употреблялся термин «реабилитация». Это вызвало неприятие употребления понятия «реабилитация» к территориям членом ВАК – медиком, считавшим неправомерным его употребление в научных исследованиях не медицинского характера. Н. И. Богино рассматривала миграционные процессы в контексте реабилитации территорий, пострадавших в результате их радиоактивного загрязнения [101].

Главными направлениями диссертационных исследований, как видно из перечня тем соискателей научных степеней, являются проблемы государственного воздействия – регулирования миграционных

процессов (Л. Е. Тихонова, Н. И. Богоино, М. А. Бондарь, Е. А. Западнюк, Е. В. Масленкова, А. А. Нестерова, М. В. Тимошенко) и реализации миграционной политики (С. В. Зенченко, Т. И. Шупенько).

В исследовании гомельчанки М. В. Тимошенко «Совершенствование системы регулирования миграции трудовых ресурсов в Республике Беларусь» (2011) предпринята попытка осуществления комплексного анализа миграционных процессов в деле их регулирования [102]. Регулирование миграции трудовых ресурсов автор трактует как «сложную систему координации действий и интересов экономических агентов (индивидов, хозяйственных единиц, государства), основанную как на независимых процессах самоорганизации, так и целенаправленной организации упорядочения сопровождающихся вступлением в отношения занятости территориальных перемещений трудовых ресурсов, их обустройства и адаптации к новым условиям».

В отношении проблемы регулирования потоков миграции трудовых ресурсов диссертационное исследование М. В. Тимошенко исходит из конкретных возможностей и потенциальных угроз для национальной экономики. Ею также выделена роль международных организаций (в частности прежде всего УВКБ ООН и МОМ) в создании защиты и регулировании вынужденных и нелегальных мигрантов в Республике Беларусь, противодействия торговле людьми.

В этой характеристике сложной является проблема координации. Более правильным было бы определение ее как системы взаимосвязей и взаимодействий. Тем более, что проблемы регулирования миграции трудовых ресурсов в диссертации рассматриваются с позиций удовлетворения потребностей в них национальной экономики в целях обеспечения устойчивого социально-экономического и демографического развития страны и ее отдельных регионов. Интересным является введение ею в теорию миграционистики понятия «миграционный климат», отражающего множественность составляющих элементов миграции: уровня и качества жизни населения, состояние рынка труда, деятельность субъектов хозяйствования, позиции государств в отношении миграции, включенности в международные экономические отношения как стран-доноров, так и стран-реципиентов. В этой связи акцент сделан на негативных процессах в социально-экономической сфере Беларуси и административных проблемах регулирования миграции. В социально-экономической сфере это низкий уровень оплаты труда в экономике Беларуси по сравнению со странами-реципиентами, различия в развитии социальной инфраструктуры городской и сельской местности. В деле регулирования внутренней и внешней миграции наблюдается их обособленность: внутренняя миграция (кроме

переселения населения с территорий, пострадавших от катастрофы на ЧЭАС) пущена на самотек, а внешняя определяется централизацией основных функций в подразделениях силовых структур, занимающихся только соблюдением визового режима, регистрацией и учетом.

Проблемам государственного регулирования также посвящена и кандидатская диссертация по специализации «экономика народонаселения и демография» Е. В. Масленковой «Совершенствование государственного регулирования внешней трудовой миграции в Республики Беларусь» (2018) [103]. Предметом ее исследования является организационно-экономический механизм регулирования процессов внешней миграции в Республике Беларусь. Под государственным регулированием внешней трудовой миграции ею понимается целенаправленное воздействие государства на миграционное поведение трудящихся-мигрантов для достижения необходимых количественных и качественных характеристик выезда и въезда рабочей силы в целях удовлетворения потребностей социально-экономического и демографического развития страны. Е. В. Масленковой на основе идеи Л. Л. Рыбаковского о стадийном характере миграции внешняя трудовая миграция рассматривается с позиций трехстадийной концепции миграции (принятие решения о трудовой миграции – осуществление трудовой деятельности – возвращение в страну происхождения). Она рассматривает этот вид миграции с позиций выгод и потерь национальной экономики на каждой стадии импорта рабочей силы.

Хотя Е. В. Масленкова в качестве объекта исследования считает всю внешнюю трудовую миграцию в Республике Беларусь, ею фактически исследуется только ее часть – официально регистрируемые МВД объемы экспорта и импорта рабочей силы по договорам и контрактам, что впрочем отвечает основной идее диссертации – ее государственному регулированию. При этом автор справедливо исходит из положения, что в миграционной сфере отсутствует достоверная статистическая информация о ее точных объемах. А они по признанию исследовательницы в общей внешней трудовой миграции – невелики, составив по ее данным в экспорте в 2016 г. 7 335 человек, а в импорте – 20 791 человек. При этом наблюдается несопоставимость методологии приведенных ею данных. В экспорте трудовых мигрантов приводятся данные МВД выезда за пределы Республики Беларусь по заключенным договорам и контрактам, а по импорту – данные об общей величине прибывшего населения в страну.

В диссертации А. М. Бондарь «Международная интеллектуальная миграция: формы, тенденции, государственное регулирование» (2008), защищенной по специальности «мировая экономика» дан анализ под-

ходов к международной интеллектуальной миграции и проблематике ее регулирования в Беларуси [104]. Характеризуя состояние интеллектуальной миграции после распада СССР, автор отмечает, что за 1996–2006 гг. из Беларуси эмигрировало и осталось за рубежом 767 научных работников и преподавателей вузов, из которых 52 доктора и 295 кандидатов наук. Ею выявлено, что «на первом месте стоит материальный интерес; основными нематериальными мотивами являются желание повысить квалификацию, увидеть мир, испытать свои интеллектуальные способности и изучить другой язык».

Прежде всего в диссертационном исследовании А. М. Бондарь научный интерес представляет рассмотрение факторов, обуславливающих негативные тенденции в функционировании международной интеллектуальной миграции в Беларуси: выталкивания, удерживания, притяжения (привлечения) и фильтрации. Ею установлено, что существующая государственная миграционная политика направлена на активное регулирование эмиграционных процессов и менее жесткое – иммиграционных. Целями миграционной политики в интеллектуальной сфере Беларуси, по ее мнению, должна быть активизация удерживающих факторов, в то время как доминируют факторы выталкивания (в Беларуси как стране-доноре) и привлечения (в странах-реципиентах). Автор исходит из того, «что важнейшей составляющей превращения односторонне направленного процесса интеллектуальной миграции в двусторонний является усиление воздействия удерживающих и привлекающих факторов при минимизации выталкивающих».

А. М. Бондарь на основе концепции неоклассического синтеза, выступающей в качестве теоретической основы регулирования процесса интеллектуальной миграции, дает обоснование ее переориентации на косвенные методы государственного регулирования. В то же время предлагаемые ею меры по предоставлению более выгодных условий определенным категориям интеллектуальных мигрантов, привилегированных мер для привлечения этнических белорусов, проживающих за границей и имеющих высокий научный статус, во-первых, вряд ли будет способствовать снижению интеллектуальной миграции среди других категорий, и, во-вторых, это противоречит толерантной природе этнических отношений в Беларуси. Кроме того, есть и проблемы в отношении «теневой» интеллектуальной миграции.

В диссертации А. А. Нестеровой «Трудовая мобильность населения в условиях региональной экономической интеграции» (2018), выполненной по специальности «мировая экономика» [105], акцент сделан на миграционной привлекательности стран и роли трудовой мо-

бильности в региональной экономической интеграции. В этой связи анализ барьеров и факторов трудовой мобильности с рамках СНГ выявляет доминирование наряду с экономическими и демографическими факторами наследия бывшего СССР – их культурную и географическую близость, а также ряд специфических явлений. В частности, для высококвалифицированных специалистов более привлекательной является внешняя трудовая миграция в развитые страны, а для низкоквалифицированных характерна внутрирегиональная трудовая мобильность. Ею предложена модель управления трудовой мобильностью в условиях региональной (СНГ) экономической интеграции.

В рамках политических наук, в которых защищены четыре кандидатские диссертации по специальности «политические институты, процессы и технологии», касающиеся в той или иной степени проблем, связанных с миграционными процессами, посвящены исследования А. О. Буюевой, С. В. Зенченко, О. В. Слижевой и Т. И. Шупенько. Среди них значительный интерес для политической миграционистики представляют связанные с проведением миграционной политикой работы С. В. Зенченко «Формирование и реализация государственной внешней миграционной политики Республики Беларусь» (2013) и Т. И. Шупенько «Государственная политика Республики Беларусь в отношении белорусов зарубежья» (2018).

С. В. Зенченко в рамках сложившегося в политических и юридических науках подхода к проблемам анализа тех или иных явлений исследует процесс формирования и реализации государственной внешней миграционной политики Республики Беларусь [106]. В развитии государственной внешней миграционной политики страны им выделены три этапа. Первый (1991–1997) характеризуется первоначальным нормативным и институциональным становлением, направленностью государственных органов на решение проблем вынужденной миграции. Институциональное оформление развития государственной миграционной политики связано с созданием Государственной миграционной службы при Государственном комитете по труду и социальной защите населения Республики Беларусь.

На втором этапе (1998–2003) формирования государственной миграционной политики на основе включения Беларуси в международный рынок труда основным ее направлением стало политико-правовое обеспечение создания единого миграционного пространства Союзного государства Беларуси и России. Позитивным результатом стало решение миграционных проблем прежде всего в сферах вынужденной миграции и ищущих убежища, борьбы с нелегальной миграции и защиты социально-экономических прав трудовых мигрантов.

Вместе с тем исследованием С. В. Зенченко отмечены внутренние проблемы на рынке труда, связанные с ростом экспорта трудовых мигрантов, большая часть которых национальной статистикой не поддается учету.

Особенностью следующего, третьего этапа (2004–2012 гг., диссертация защищалась в 2013 г.) стал период возрастания значимости роли миграционной политики в решении демографических и социально-экономических проблем, что определялось процессом формирования единого рынка труда стран-членов Таможенного союза, ЕЭП, ЕврАзЭС. С. В. Зенченко выявил, что ранее созданная миграционная правовая база носила декларативный характер. Повышение статуса миграционной политики выразилось в преобразовании институционального обеспечения, сосредоточении властных полномочий в Департаменте по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь.

На основе роста в начале нового столетия конкретных исследований другими науками проблем и сущности механизма реализации и управления внешней миграции основными целями этого этапа стала необходимость проведения скоординированных действий по регулированию процессов миграции, создание условий для использования трудового потенциала в интересах стран-участниц, а также обеспечение национальной безопасности на основе межгосударственного взаимодействия региональных организаций в решении проблем беженцев, вынужденных переселенцев, репатриантов, в борьбе с незаконной (нелегальной) миграцией.

Вместе с тем неоднозначным является вывод автора диссертации, что «практическая реализация регулирования миграции находится в компетенции Департамента по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь, который вместе с МИД, КГБ, Министерством труда и социальной защиты, Государственным комитетом пограничных войск, Министерством финансов, Национальным статистическим комитетом, Министерством экономики, Центром мониторинга и миграции научных и научно-педагогических кадров и др. осуществляет миграционную политику». Как видим, проблема регулирования миграции связана с деятельностью многих социальных институтов. А это значит, что проблемы миграции, а значит, и их решение не только и не столько прерогатива и компетенция правовых и силовых структур. И это признает С. В. Зенченко: «Управление миграционными перемещениями требует учета не только социально-экономической и демографической ситуаций, но и этнонациональных, исторических, культурных особенностей развития страны, что, в свою очередь, вызывает необходимость выработки системного подхода к проведению

миграционной политики, созданию новой концепции ее реализации».

Важнейшим направлением миграционной политики является адаптация мигрантов в иной этнической общности. Этим аспектам посвящены диссертационные исследования Т. И. Шупенько, С. Л. Сукумы, А. Н. Рагимова, А. И. Бучи, С. В. Шабельцева, О. А. Алампиева и Пэнг Узндзе. Одни исследования (Т. И. Шупенько, А. И. Бучи, С. В. Шабельцева) связаны с особенностями положения и адаптации белорусов в странах зарубежья, другие (С. Л. Сукумы, А. Н. Рагимова, О. А. Алампиева и Пэнг Узндзе) посвящены этническим диаспорам в Беларуси. В этой связи наряду с указанными исследованиями отметим и 200-страничное пособие по вопросам беженства, выполненное под редакцией А. В. Селиванова – «Миграция, вынужденная миграция и безгражданство» (Минск, 2020).

Диссертация Т. И. Шупенько «Государственная политика Республики Беларусь в отношении белорусов зарубежья» на основании положений Закона Республики Беларусь «О белорусах зарубежья» посвящена роли белорусских диаспор в экономических, политических и социокультурных связях [107]. Выявлена разная степень диаспоральной институционализации в зарубежных странах: устойчивая с странах СНГ, Балтии и Польши; неустойчивая со странами, где численность белорусов малочисленная (Куба, Чехия, Франция), где они включаются в близкородственные российские и украинские диаспоры; с высокой степенью ассимиляции (Бельгия, Германия, Турция).

Т. И. Шупенько выявлены: этнополитические особенности зарубежных белорусов – ассимиляционная адаптация; разобщенности диаспор по политическим причинам. Дана характеристика роли и деятельности диаспор, во-первых, на основе отношения к политике, проводимой в Беларуси, настроенных оппозиционно (Польша); во-вторых, на основе политики самих зарубежных стран в отношении Беларуси, особенно непримиримых в США, Канаде и Великобритании. Это затрудняет выработку единой концепции взаимодействия белорусского государства с зарубежными диаспорами.

В этой связи в рамках сложившейся методологии аналитического подхода в политических и юридических научных исследованиях Т. И. Шупенько описывает процесс развития государственной диаспоральной политики Республики Беларусь. В формировании и реализации государственной политики страны к бывшим ее соотечественникам выделены пять этапов. После обретения суверенитета в 1991–1992 гг. происходит установление контактов и связей на уровне отдельных организаций и личностей. В 1993–1999 гг. – организация системати-

ческой работы с диаспорами, принятие в 1993 г. государственной программы «Белорусы в мире» и создание в 1997 г. Государственного комитета по делам религий и национальностей; 2000–2013 гг. – принятие ряда программ по реализации сотрудничества с мигрантами Беларуси, разработка законопроекта о соотечественниках; с 2004 г. – принятие Закона Республики Беларусь «О белорусах зарубежья».

Диаспоральная политика Республики Беларусь реализуется на трех уровнях – общегосударственном, региональном и общественных объединениях. Общегосударственная политика в деле поддержки белорусов зарубежья, как констатирует Т. И. Шупенько, направлена на реализацию их национально-культурных потребностей, а также использования их потенциала для позитивного имиджа Беларуси. Если в отношении бывших советских государств (в частности, Литвы, Латвии, Украины, Молдовы, Армении) имеются положительные результаты, то в странах Западной Европы, Польше, США, Канаде существуют проблемы как с недостаточно подаваемой информацией о Беларуси, так и получаемой соотечественниками достоверной информации о белорусском государстве.

Также проблемам белорусов-мигрантов в отдельных странах посвящены диссертации А. И. Бучи (в Чехии) и С. В. Шабельцева (в Аргентине). Если диссертация Т. И. Шупенько связана с анализом роли и деятельности белорусских диаспор за рубежом, то большинство диаспоральных исследований по миграционистике относятся к исследованиям особенностей положения этнических общностей. Это исследования С. Л. Сукумы, посвященные особенностям этносоциальной адаптации вьетнамцев, китайцев, корейцев, японцев в Беларуси в 1980–2011 гг.; А. Н. Рагимова по проблемам адаптации этнических групп народов Кавказа в Республике Беларусь в конце XX – начале XXI в.; О. А. Алампиева, связанные с интеграцией мусульманского населения в белорусское общество.

В завершение анализа диссертационных исследований по проблемам миграции отметим одну из последних работ, посвященную проблеме ее регулирования, представленную к защите (11 апреля 2023 г.) на соискание ученой степени кандидата юридических наук Н. О. Рамазановой «Административно-правовое регулирование в сфере миграции» [108]. В ней, по мнению автора, «впервые в белорусской юридической науке проведено системное комплексное исследование административно-правового регулирования в сфере миграции с позиции обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь». Ею сделан «вывод о невозможности сформулировать единое определение миграции, пригодное для решения всех экономических, поли-

тических, юридических и иных научных и практических задач». Отсюда Н. О. Рамазанова в качестве объекта административно-правового регулирования миграции считает «въезд/выезд на территорию (за пределы территории) Республики Беларусь; нахождения на ее территории; транзитный проезд через территорию Республики Беларусь; осуществление трудовой и иной деятельности на территории Республики Беларусь в соответствии с законодательством». Поэтому автор диссертационного исследования механизма регулирования считает, что «приоритетной формой административно-правового регулирования в сфере миграции является разработка и принятие комплексной государственной миграционной программы».

Сущностный анализ основных положений этой диссертации позволяет сделать следующие выводы: если невозможно единое понимание миграции, то, во-первых, есть проблемы с разработкой комплексной миграционной программы, и, во-вторых, тем самым не обоснованы претензии, как и рекомендуемые С. В. Зенченко, на осуществление мероприятий по регулированию миграции в рамках какого-то одного ведомства. Тем более в рамках силового ведомства, на которое в соответствии с существующим законодательством возложены контролирующие, а не регулирующие созидательные функции в сфере миграции.

Среди монографических исследований процессов миграции, наряду с отмеченными в предыдущих разделах монографии, прежде всего следует выделить работу Б. А. Манак «Насельніцтва Беларусі. Рэгіянальныя асаблівасці развіцця і рассялення» [109]. И хотя она была издана в годы становления суверенного периода истории Беларуси (1992), миграционные аспекты основывались на материалах переписи населения 1989 г., т. е. к периоду прежней социальной, политической и экономической реальности.

Монография Р. М. Супрунович «Трудовая миграция в мировой экономике», вышедшая в 2006 г., в определенной степени отражает особенности миграционных процессов суверенной Беларуси [110]. В ней, как и в других работах автора (совместной монографии с В. В. Почекиной «Рынок труда в мировой экономике» (Минск, 2006 г.)), статьях «Оценка доходов от международной трудовой миграции в Республике Беларусь» [111], «Установка на переселение: системная конфигурация социально-экономических факторов международной миграции» [112], значительная роль отведена тенденциям в белорусской эмиграции в мировых процессах на рынке труда, последствиям в связи с разрушением единого демографического пространства.

В 2006 г. вышла и монография А. Г. Злотникова «Демографическое измерение современной Беларуси». В ней миграционной тематике с анализом исторических тенденций и особенностей миграционных процессов современной Беларуси уделено значительное место. Перечислим эти разделы: «Многообразие экономического отражения проблем народонаселения», «К проблеме измерения численности населения Беларуси», «Миграционные процессы на Беларуси в историческом измерении», «Людские и демографические потери Беларуси в Великой Отечественной войне», «Измерение современного миграционного движения Беларуси», «Демографическое измерение занятости», «Демографические изменения и формирование рыночных отношений» [42].

В другой монографии А. Г. Злотникова «Демографические идеи и концепции» (2014) проблемам миграционистики посвящены следующие разделы «Истоки дореволюционной белорусской миграции», «Демография в обосновании индустриализации», «Чернобыль» и демография», «Социально-экономическая обусловленность демографических процессов», «Региональные аспекты демографии», «Экономика как фактор экстранальности демографических процессов», «Экстранальность в глобализации демографических процессов», «Миграция в теории демографического перехода» [7].

Важное место в белорусской миграционистике занимает коллективная монография «Миграция населения Республики Беларусь» Института социологии НАН Беларуси (2008) [113]. В этой работе, подготовленной коллективом авторов под руководством М. И. Артюхина и под общей редакцией Г. М. Евелькина (авторы: Т. А. Антонова, М. И. Артюхин, М. А. Бондарь, П. П. Дмитрук, Г. М. Евелькин, А. В. Зайцев, И. А. Лисовская, Е. В. Масленкова и И. Н. Шарый), дано социологическое осмысление наметившихся в 1990-х гг. изменений в тенденциях основных миграционных потоков. Ими отмечен резкий рост общих объемов внутриреспубликанской миграции и осуществлен анализ основных демографических (половозрастной структуры) и территориальных (межобластных и межрайонных, а также урбанистических) показателей наиболее масштабного вида миграции населения Беларуси – внутриреспубликанской миграции. Внешняя миграция в ней рассматривается не только по индикаторам «эмиграция – иммиграция», но и в отношении трудовой и интеллектуальной миграции с социологическим осмыслением миграционных вызовов, стоящих перед демографическим будущим Беларуси.

В этой связи авторами обоснованы стратегические подходы к формированию внешней и внутренней государственной миграцион-

ной политики. Главными целями миграционной политики страны должны стать селективный отбор и активное привлечение иммигрантов, обеспечение их адаптации в белорусском обществе и сведение к минимуму негативных последствий внешней миграции. Для поддержания стабильной численности населения Беларуси в течение следующих 40 лет требуется, чтобы ежегодный иммиграционный прирост населения составлял не менее 50 тыс. человек или до 2050 г. 2,5 млн человек.

Кроме того, по мнению авторов этой монографии, необходимо создание условий для оптимального перемещения рабочей силы в пределах Беларуси в соответствии с изменяющимися потребностями развития и размещения производительных сил страны. Меры по совершенствованию механизма государственного регулирования самой масштабной внутриреспубликанской миграции населения Республики Беларусь состоят в повышении миграционной привлекательности села и должны носить социально-экономический характер. Сокращение масштабов перемещения населения из сельской местности в города республики, а также формирование обратного потока из города в село возможны лишь при условии резкого повышения уровня и качества жизни сельского населения, максимально приближенным к городским стандартам, создания действенного механизма привлечения и закрепления в сельской местности молодых специалистов.

Такой миграционной политикой, по мнению авторов монографии института социологии, обеспечивается создание социально-экономических предпосылок для уменьшения оттока населения из сельской местности, активизации территориальной мобильности населения для удовлетворения потребностей экономики Беларуси в рабочей силе; улучшение демографической структуры населения сельской местности. Позже авторы разделов монографии М. А. Бондарь и Е. В. Масленкова защитили кандидатские диссертации по экономическим наукам.

Среди исследований процессов миграции значимы публикации супругов Загорец – Ирины Викторовны и Владимира Семеновича в «Журнале международного права и международных отношений». Это их соавторские статьи «Особенности миграционной политики Республики Беларусь на современном этапе» (2010. № 4. С. 81–85), «Методика определения объема и результата внешней миграции населения Республики Беларусь» (2011. № 4. С. 69–77), «Демографическая политика: методы и инструментарий, опыт применения и анализ эффективности» (2014. № 2. С. 71–79), «Стратегия Республики Беларусь в сфере внешней миграции: новые вызовы и возможности» (2016. № 1-2. С. 131–143), а также «Международная миграция как фактор форми-

рования трудовых ресурсов Республики Беларусь» (Проблемы управления. 2011. № 3. С. 76–83 – автор В. С. Загорец). Ими доказывается, что во внешней миграции страна имеет отрицательное сальдо – за период 1990–2010 гг. – 131,5 тыс. человек, и что требует ее учета в демографической политике Беларуси. Ими проанализированы возможные варианты миграционной политики в стратегии социально-экономического развития страны: основной – переход от экстенсивного к интенсивному пути развития с опорой на собственные сокращающиеся трудовые ресурсы, и второй – продолжение экстенсивного пути развития, рост численности населения, увеличения трудовых ресурсов и рабочих мест за счет массового привлечения мигрантов. Но с возможными политическими, социокультурными и конфессиональными проблемами для Беларуси, как в других странах, идущих по этому пути. И. В. Загорец в статье «Миграционная политика стран Единого экономического пространства: сравнительный анализ» (Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 4. С. 76–83) отмечено, что на формирующемся рынке труда участниц ЕЭП трудовой потенциал Беларуси станет объектом конкурентной борьбы за квалифицированные кадры. Эти аспекты отражены и в ее брошюре «Миграция населения и миграционная политика» [114], в основном выполненной на основе ее кандидатской диссертации по географическим наукам [115].

Материалы кандидатских диссертаций по проблемам миграции Беларуси в рамках исторических наук и В. А. Йоцюса, О. М. Мячук, А. Ф. Великого и Н. В. Барабаш представлены в предыдущих разделах монографии, освещающих исторические аспекты миграционных процессов соответственно в послевоенные периоды Первой мировой и Второй мировой войн.

Значимое место анализу современных проблем миграции отводят белорусские журналы «Беларуская думка», «Журнал Белорусского государственного университета. Социология» (ранее «Социология»), «Журнал международного права и международных отношений», «Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь», «Труд. Профсоюзы. Общество», «Вестник Белорусского государственного экономического университета», сборники «Социологический альманах» ИС НАНБ и «Беларусь и мировые экономические процессы» БГУ.

Выполненные диссертационные исследования по проблемам миграционистки белорусскими учеными по экономическим, политическим и социологическим наукам, а также монографические работы и

научные статьи акцентируют внимание на угрозах, вызовах и рисках (Л. П. Шахотько, Л. Е. Тихонова, Е. А. Антипова, К. К. Красовский, А. Г. Злотников, М. И. Артюхин, В. С. Загорец и И. М. Загорец, Е. А. Западнюк, М. В. Тимошенко, Е. В. Масленкова, М. А. Бондарь, Н. И. Богоино, Н. Н. Привалова, С. В. Зенченко, Т. И. Шупенько и др.) обеспечения демографической безопасности, легшие в основу Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [116], принятой в апреле 2024 г. Всебелорусским народным собранием.

Угрозами демографического развития Беларуси являются: депопуляция, демографическое старение, снижение уровня рождаемости, сокращение продолжительности жизни, разложение института традиционной семьи, активизация эмиграционных процессов и нерегулируемая иммиграция в страну. В этой связи в деле нейтрализации и защиты от внешних угроз является: оптимизация миграционных процессов, создание условий для уменьшения миграции, сохранение интеллектуального и трудового потенциала республики, привлечение высококвалифицированных кадров из-за рубежа, а также активное противодействие незаконной миграции. Основным внешним источником угроз национальной безопасности в демографической сфере является проведение иностранными государствами политики, направленной на стимулирование эмиграции населения Республики Беларусь и поддержание его уровня.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, исходя из миграционных угроз сформулированы национальные интересы в демографической сфере в ее социальном развитии, которыми являются: стабилизация численности населения и создание предпосылок для его устойчивого роста на основе последовательного увеличения рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, снижения смертности; повышение общего уровня здоровья населения, охрана здоровья матери и ребенка; укрепление института семьи как социального института, наиболее благоприятного для реализации потребности в детях, их воспитания, развитие системы поддержки семей с детьми и улучшение условий их жизнедеятельности; оптимизация внешних миграционных потоков, обеспечение положительного сальдо миграции.

4.6. Краткие выводы

Среди имен, показавших роль миграционных процессов славян на территории Беларуси от колонизации до индустриализации, первопроходцем является Митрофан Викторович Довнар-Запольский (1867–1934). Прежде всего им раскрыта значимость заселения нынешней территории Беларуси славянскими племенами, основными среди которых были дреговичи, кривичи и радимичи. Результаты процесса их миграции от колонизации до индустриализации Беларуси изложены во второй главе монографии.

Весомый вклад в миграционистику внес лауреат Нобелевской премии по экономике 1971 г., родившийся в Пинске Саймон (Семен) Кузнец (1901–1985). Его вклад в демографию и теорию народонаселения состоит в обосновании 20-летнего периода чередования быстрого и медленного роста темпов технического прогресса, населения и национального дохода, названного «циклом Кузнецца». Он системно анализировал численность, возрастной состав и территориальное распределение населения, отраслевую и профессиональную структуру занятости, структуру дохода, распределение занятий по работе внутри семьи, профессиональный уровень рабочей силы и его международную миграцию. Им сформулировано положение, что в возрастающем населении страны численность талантливых людей превышает соответствующую численность в невозрастающем населении.

Процесс институционализации демографии в Беларуси и СССР связан с научной деятельностью доктора экономических наук, философа по базовому образованию Андрея Андреевича Ракова (1931–2011), признанного классика белорусской демографии. Он был приверженцем широкого (статистического, экономического, философского и социологического) подхода к исследованию демографических проблем Беларуси. Важной вехой в развитии национальной демографии является его объемная и фундаментальная монография «Население БССР» (1969). Она была первой работой по региональной демографии и потому стала настольной книгой для демографов Советского Союза. В 1974 г. была издана его «Белоруссия в демографическом измерении», ставшая знаменательной вехой в отечественной демографической мысли. В теоретическом плане ее ценность состоит в методологии построения непрерывного ряда численности населения Белорусской ССР, включая и военный период, исчисления людских (прямых и косвенных) потерь Беларуси в Великой Отечественной войне. И сегодня эта работа бесценна в борьбе с теми, кто пытается

преуменьшить исторический вклад белорусского народа в схватке с фашизмом.

Им обоснована концепция «демографизации», раскрывающая необходимость демографического прогнозирования как неотъемлемого элемента экономического и социального планирования и ее возрастающая роль в планировании и управлении. Эта концепция вытекает из роли демографического фактора в общественном развитии, ставшая ныне сердцевиной социально-экономических программ страны. Свою роль в этом сыграло принятие в 2002 г. Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь», обозначившего вектор развития демографических проблем, в разработке которого участвовало и научное подразделение, руководимое А. А. Раковым. В концепции демографической безопасности был сделан акцент на роли миграционных процессов и особенно трудовой миграции в социально-экономическом развитии, ее влиянии на состояние рынка труда.

Важную роль в белорусской демографии занимает доктор социологических наук, географ по образованию Людмила Петровна Шахотько (1940–2016) в деле институционализации социологии демографии в Беларуси. Ее научная деятельность связана с исследованием проблем народонаселения, рождаемости, развития семейно-брачных отношений, миграции, социально-демографических аспектов воспроизводства населения Беларуси.

Она на основе текущего миграционного учета выявила, что Беларуси характерно отрицательное сальдо миграции. С конца 1990-х гг. основной областью ее научных исследований стала миграция. В докторской диссертации Л. П. Шахотько значительное место уделено миграционному движению в современных демографических процессах и воспроизводстве населения.

Значимы для современной белорусской миграционистики исследования докторов географических наук Е. А. Антиповой и К. К. Красовского, а также доктора экономических наук Л. Е. Тихоновой, защитившей по проблемам миграции и кандидатскую и докторскую диссертации. Первой диссертацией по миграционистике в истории белорусской науки, защищенной по географическим наукам, стала диссертация А. Н. Пешковой. Исследования миграционистики Беларуси также отразили в кандидатских диссертациях прежде всего историки Н. В. Барабаш, А. И. Буча, А. Ф. Великий, В. А. Йоцюс, А. В. Казаков, Н. В. Кузьмич, С. В. Лапанович, О. В. Марченко, Д. Ч. Матвейчик, О. Н. Мярчук, А. Н. Рагимов, С. Л. Сукума, А. В. Тихомиров, Д. М. Толочко и С. В. Шабельцев; экономисты Н. И. Богино,

М. А. Бондарь, Е. А. Западнюк, Е. В. Масленкова, А. А. Нестерова, Н. Н. Привалова, М. В. Тимошенко; политологи и юристы А. О. Буева, С. В. Зенченко, Н. О. Рамазанова, А. В. Селиванов, О. В. Слижева и Т. И. Шупенько. По социологическим наукам защитили диссертации О. А. Алампиев и В. Д. Жакевич, географическим – И. В. Загорец.

Эти исследования, выполненные по проблемам миграции в рамках исторических, экономических, политологических, юридических, социологических, географических, а также филологических наук, свидетельствуют о выделении их в особое направление социокультурных дисциплин, которое представлено миграционистикой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Миграционистика представляет комплексное направление социально-гуманитарной науки, системно исследующее многообразие социальных проблем миграционных процессов. Исследование процессов и проблем белорусской миграции отражено в национальной исторической, географической, политологической, юридической, философской, социологической, экономической, статистической, демографической, филологической и культурологической науках. Это является отражением того, что среди демографических явлений миграционные процессы – наиболее многочисленные и разнообразные. И они касаются различных сторон социальной жизни. В современной науке в отношении миграционных процессов насчитывается более полусотни их видов, проявляясь в многообразии отражающих их понятий.

Миграционное движение населения как двусторонний процесс (выбытие с одной территории завершается прибытием на другую) отражает не только текущее состояние социальных явлений, но и связь с их историческим прошлым. Выяснение сущности миграционного движения населения лежит в системности миграционистики, понимании того, что социальные процессы, включая и миграционные, разветвляются на большом ряде уровней. На основе «законов или правил миграции» Э. Равенштейна сформулировано положение, что миграционные процессы, функционирование которых связаны с индивидуальным поведением, протекают во взаимосвязи и взаимодействии системы совокупностей социальных – экономических, политических, духовных, повседневно-бытовых и экологических сфер.

В социально-политической истории Беларуси ведущими выступали, постоянно меняясь, различные сферы. Заселение территории Беларуси относится к эпохе Великого переселения народов на европейском пространстве. Оно отражает общеевропейский социально-политический кризис, связанный с крушением рабовладельческих отношений, а также реакцию населения на резкое ухудшение климатических условий в центральной Европе.

Первоначально миграционные потоки заселения Беларуси древними славянами шли, главным образом, по направлениям рек, по которым позже пролег и путь из варягов в греки и к арабам. Через территорию Беларуси проходила в течение многих столетий и насильственная миграция в ходе военных конфликтов ранней, средневековой, новой, новейшей и современной истории Беларуси: с юга – на север и на северо-запад, с севера – на юг, с востока – на запад, с запада – на восток. Топонимика Беларуси отражает миграционные процессы,

представленные названиями многочисленных народов и племенных групп, характеризующих полиэтнический характер формирования белорусского этноса в древний период его становления и развития.

Существенным явлением представляется «миграция» территорий Белой Руси в картографии середины второго тысячелетия – от Онежского озера и границ с Карелией к югу. Подобная «миграция» географии белорусских территорий происходила и в ходе исторических конфликтов XX в. Сущностью и содержанием развития белорусского этноса явилась борьба за общее русское наследие между славянскими народами, оказавшимися в составе различных государственных объединений. С одной стороны, значимость русского следа отражена процессом формирования белорусского этноса, и, с другой стороны, значимость белорусского следа отражена в формировании русского этноса. В историческом плане это свидетельствует об общем русском наследии, зафиксированном в русском названии Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных, а также в титулах российских правителей – «всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи». В нем перечисляются и белорусские территории: с наименованием белорусских территорий: «Самодержец Всероссийский», а также князь «Смоленский», «Литовский», «Белостокский», «Полотский (Полоцкий)», «Витебский» и «Мстиславский».

Особое место в современных демографических процессах Беларуси занимает вынужденная миграция в крупнейших на ее территории военных столкновениях XX в. Прежде всего они нанесли громадные демографические потери, выразившиеся в гибели белорусского населения. Также в результате этих войн стала массовым явлением насильственная миграция, появление на территории Беларуси массы беженцев, а также белорусских беженцев на других территориях СССР. Миграционные процессы на территории современной Беларуси в послереволюционное двадцатилетие протекали на историческом фоне, оказавшем негативное влияние на ее демографические процессы: снижение рождаемости, повышение смертности, сокращение продолжительности жизни, рост заболеваний, ухудшение здоровья населения и т. д.

Великая Отечественная война нанесла самые громадные в истории белорусского народа демографические потери, как прямые, так и косвенные. К прямым демографическим потерям Беларуси относятся прежде всего безвозвратные демографические потери. В них включены полуторамиллионная эвакуация жителей Беларуси из восточных областей; гибель белорусских военнослужащих на фронтах войны, партизан и подпольщиков; гибель мирного населения на оккупиро-

ванной территории как в результате боевых действий, так и фашистского геноцида и зверств Армии Крайовой; снижение уровня рождаемости в 1942–1945 гг. по сравнению с довоенным временем; повышенная смертность среди населения по сравнению с довоенным и послевоенным временем; угон в плен и в рабство белорусской молодежи. Также к демографическим потерям относится послевоенная передача Польше правительством СССР почти миллионной Белостокской области с Белостоком и ряда районов Брестской и Гродненской областей с 200 тысячами этнических белорусов; репатриационные процессы между Польшей и Беларусью в 1945–1948 гг., сказавшиеся прежде всего на демографических процессах в Гродненской области. Всего за годы Великой Отечественной войны демографические потери Беларуси составили более 3,5 млн человек, т. е. каждого третьего из довоенной численности Беларуси. В результате за послевоенную демографическую историю три области Беларуси (Витебская, Гродненская и Могилевская) так и не сумели по численности населения выйти на довоенный уровень. Суммарная разница в меньшей нынешней численности населения этих областей по сравнению с довоенной составляет 1 153,5 тыс. человек.

В этой связи национальная миграционистика представляет как характеристику самих миграционных процессов, так и результаты исследований большинства направлений в белорусской гуманитарной науке, направленных на разработку управленческого механизма регулирования и воздействия на них. Становление белорусской миграционистики относится к концу XIX – началу XX в. и связана с научной деятельностью М. В. Довнар-Запольского (1867–1934). Он показал роль миграционных процессов на территории Беларуси от колонизации до индустриализации. Им выявлена значимость заселения нынешней территории Беларуси основными славянскими племенами, основными среди которых были дреговичи, кривичи и радимичи. Именно они заложили основы формирования белорусского этноса.

Весомый вклад в исследование мировой миграционистики принадлежит одному из первых лауреатов Нобелевской премии по экономике (1971), родившемуся в Пинске, Саймону (Семену) Кузнецу (1901–1985). Его вклад в демографию и теорию народонаселения состоит в обосновании 20-летнего периода чередования быстрого и медленного роста темпов технического прогресса, населения и национального дохода, названного «циклом Кузнецца». Им сформулировано положение, что в возрастающем населении страны численность талантливых людей превышает соответствующую численность в невозрастающем населении.

Процесс институционализации демографии в Беларуси и СССР послевоенного периода связан с научной деятельностью А. А. Ракова (1931–2011), обосновавшего концепцию «демографизации», раскрывающую необходимость учета демографического фактора в общественном развитии и социальном управлении. Как философ по базовому образованию, экономист по научной степени, социолог по призванию и духу, он был сторонником широкого (статистического, экономического, философского и социологического) подхода к исследованию демографических проблем Беларуси.

Важной вехой в развитии концепции демографизации является его монография «Население БССР» (1969), ставшая первой работой в СССР по региональной демографии. Изданная в 1974 г., его книга «Белоруссия в демографическом измерении» явила знаменательную веху в отечественной демографии. Ее ценность состоит в обосновании методологии построения непрерывного ряда изменения численности населения Белорусской ССР. В ней исчислены людские (прямые и косвенные) потери Беларуси в годы Великой Отечественной войны. И сегодня эта работа бесценна в борьбе с теми, кто пытается преуменьшить исторический вклад белорусского народа в схватке с фашизмом. Именно эта работа позволила А. А. Ракову взять на себя лидерство советской демографической делегации на III Всемирной конференции по народонаселению (Бухарест, 1974) в выработке консолидированной позиции сводной советской делегации по принятию позитивных документов конгресса.

Значительный вклад в институционализации социологии демографии в целом и миграционистику в частности принадлежит доктору социологических наук, географу по базовому образованию Л. П. Шахотько (1940–2016). Ее научная деятельность связана с исследованием проблем народонаселения, рождаемости, развития семейно-брачных отношений, миграции, социально-демографических аспектов воспроизводства населения Беларуси. Она на основе текущего миграционного учета выявила, что Беларуси характерно отрицательное сальдо миграции. С конца 1990-х гг. основной областью ее научных исследований стала миграция. В ее докторской диссертации значительное место уделено миграционному движению в современных демографических процессах и воспроизводстве населения.

Значимы для современной белорусской миграционистики исследования докторов географических наук Е. А. Антиповой и К. К. Красовского, а также доктора экономических наук Л. Е. Тихоновой, защитившей по проблемам миграции и кандидатскую и докторскую диссертации.

К. К. Красовский в диссертации, а также в монографиях «Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ» и «Урбанистическая эволюция Беларуси» выявляет, что сложный и многоаспектный характер процесса урбанизации определяется конкретными социально-экономическими, политическими и управленческими условиями. На протяжении второй половины XX в. урбанизация на территории Беларуси шла экстенсивным путем (прежде всего за счет миграции) на основе индустриализации.

Е. А. Антипова констатирует, что Беларусь в результате значительных миграционных масштабов «село – город» из типично аграрной страны превратилась в урбанизированную страну. И в экономическом и демографическом аспектах сельское население страны трансформировалось из активной в пассивную часть. В демографическом плане автор выделила три типа сельских районов: районы-лидеры, срединные районы и районы-аутсайдеры. При этом преобладающими стали сельские районы с незначительным демографическим потенциалом. В результате значительных миграционных масштабов главной тенденцией изменения динамики сельского населения стала трансформация положительных темпов его развития в отрицательные.

Диссертация Л. Е. Тихоновой посвящена проблемам переосмысления механизма государственного регулирования демографических процессов в условиях новой рыночной экономической парадигмы. Важное место в ней отводится миграционным процессам при рассмотрении места и роли миграции среди демографических индикаторов в крупных программах по решению актуальных задач социально-экономического, экологического и демографического развития, в которых значимой является миграционная компонента. И в основной работе Л. Е. Тихоновой «Регулирование демографических процессов в Беларуси» анализ миграционных процессов 1990-х гг. осуществлен в контексте проблем обеспечения демографической безопасности в Беларуси прежде всего в связи с последствиями катастрофы на ЧАЭС, вызвавшей массовое переселение. Ею дана характеристика социально-экономических угроз, исходя из анализа сложившейся демографической ситуации. Важной угрозой для демографического развития являются последствия катастрофы на ЧАЭС, что обусловлено особенностями социально-экономического развития загрязненных территорий.

Первой диссертацией по миграционистике в истории белорусской науки, защищенной по географическим наукам с графом ДСП, стала диссертация А. Н. Пешковой. В ней рассмотрены особенности миграционных процессов в республике, характеризующиеся стабильно растущим отрицательным миграционным сальдо.

Исследования различных аспектов проблем миграции на территории Беларуси отражены в диссертациях по историческим наукам. Они охватывают столетний период белорусского средневековья – 1440–1530 гг. (А. В. Казаков), XIX в. (Д. Ч. Матвейчик, А. В. Тихомиров), межвоенный период – 1921–1941 гг. (А. И. Буча, В. А. Йоцус, Н. В. Кузьмич, С. В. Лапанович, О. В. Марченко, О. Н. Мярчук, Д. М. Толочко), послевоенный (Н. В. Барабаш, А. Ф. Великий, С. В. Шабельцев), конец XX – начало XXI в. (А. Н. Рагимов, С. Л. Сукума).

Значительный интерес среди этих работ для понимания современных проблем миграционных процессов Беларуси представляют исследования последнего десятилетия XX – начала XXI в., выполненные в диссертациях по экономическим наукам. Прежде всего это постчернобыльские миграционные аспекты, которые анализировались в диссертациях исследователей из НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь Н. Н. Приваловой и Н. И. Богино. В исследовании Н. Н. Приваловой по проблемам демографической политики важная роль отведена проблемам отселения и переселения жителей с загрязненных территорий, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС. Ею обоснована необходимость проведения государственной миграционной политики, солидарной с политикой других стран, ибо последствия глобальной экологической катастрофы касаются всего мирового сообщества. Исследование Н. И. Богино миграционные процессы рассматриваются в контексте реабилитации территорий, пострадавших в результате их радиоактивного загрязнения.

Главными направлениями исследований, исходя из перечня тем соискателей научных степеней, являются проблемы государственного воздействия – регулирования миграционных процессов (Л. Е. Тихонова, Н. И. Богино, М. А. Бондарь, Е. А. Западнюк, Е. В. Масленкова, А. А. Нестерова, М. В. Тимошенко) и реализации миграционной политики (С. В. Зенченко, Т. И. Шупенько). Важнейшим направлением миграционной политики является адаптация мигрантов в иной этнической общности. Этим аспектам посвящены диссертационные исследования Т. И. Шупенько, С. Л. Сукумы, А. Н. Рагимова, А. И. Бучи, С. В. Шабельцева, О. А. Аламбиева и Пэнг Узндзе. Одни исследования (Т. И. Шупенько, А. И. Бучи, С. В. Шабельцева) связаны с особенностями положения и адаптации белорусов в странах зарубежья, другие (С. Л. Сукумы, А. Н. Рагимова, О. А. Аламбиева и Пэнг Узндзе) посвящены этническим диаспорам в Беларуси.

Так, проблемам белорусов-мигрантов в отдельных странах посвящены диссертации А. И. Бучи (в Чехии) и С. В. Шабельцева (в Аргентине). Если диссертация Т. И. Шупенько связана с анализом роли и

деятельности белорусских диаспор за рубежом, то большинство диаспоральных исследований по миграционистике относятся к исследованиям особенностей положения этнических общностей. Это исследование С. Л. Сукумы, посвященное особенностям этносоциальной адаптации вьетнамцев, китайцев, корейцев, японцев в Беларуси в 1980–2011 гг.; А. Н. Рагимова по проблемам адаптации этнических групп народов Кавказа в Республике Беларусь в конце XX – начале XXI в. и О. А. Алампиева, связанного с интеграцией мусульманского населения в белорусское общество.

Эти исследования, выполненные по проблемам миграции в рамках исторических, экономических, политологических, юридических, социологических, географических, а также филологических наук, свидетельствуют о целесообразности выделения их в особое направление социокультурных дисциплин, которое представлено миграционистикой. Миграционистика по ее обширному охвату объекта и предмета исследования представляет собой в какой-то мере существенную часть мировой глобалистики.

Демографическое развитие Беларуси с начала текущего десятилетия характеризуется беспрецедентным сокращением численности населения. Если за период между национальными переписями (2009–2019) численность населения Республики Беларусь сократилась на 90,4 тыс. человек, то только за один 2021 г. это сокращение оказалось более значительным – 94,1 тыс. человек. А за годы после последней переписи численность населения страны уменьшилась на 257,4 тыс. человек, что связано как с миграционными потерями, так и с отрицательным сальдо естественного движения населения. Такого (более чем на четверть миллиона за столь короткий срок) уменьшения численности населения не было за всю демографическую историю суверенного развития Республики Беларусь. И это представляет угрозу национальной безопасности страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Держинский, В.** Мифы о Беларуси / В. Держинский. – Минск : Харвест, 2016. – 336 с.
2. **Ігнатоўскі, У. М.** Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі ; уступ арт. А. П. Грыцкевіча ; камент. і заўвагі Э. Н. Гнеўкі. – 5-е выд. – Мінск : Беларусь, 1991. – 190 с.
3. **Рыбаковский, Л. Л.** История и теория миграции : в 3 кн. / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Экон-информ, 2019. – Кн. 3 : Теория трех стадий миграционного процесса. – 218 с.
4. **Ключевский, В. О.** Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; под ред. В. Л. Янина. – М. : Мысль, 1987–1990. – Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1 / предисл. В. Л. Янина, В. А. Александрова ; послесл. и коммент. составили В. А. Александров, В. Г. Зими́на. – 430 с.
5. **Сідар, С. І.** Геаграфія ў пытаннях і адказах / С. І. Сідар. – Мінск : Народ. асвета, 1998. – 111 с.
6. **Багдановіч, М.** Збор твораў : у 2 т. / М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1968. – Т. 2. – 576 с.
7. **Злотников, А. Г.** Демографические идеи и концепции / А. Г. Злотников. – Минск : Право и экономика, 2014. – 388 с. – (Серия «Гуманитарные науки»).
8. **Пилипенко, М. Ф.** Возникновение Беларуси. Новая концепция / М. Ф. Пилипенко. – Минск : Беларусь, 1991. – 143 с.
9. **Энцыклапедыя гісторыі Беларусі** : у 6 т. / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1994. – Т. 2 : Беліцк – Гімн. – 537 с.
10. **Жучкевич, В. А.** Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : БГУ, 1974. – 448 с.
11. **Понятийный** демографический словарь / под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М. : ЦСП, 2003. – 352 с.
12. **Леонтьев, В. В.** Экономические эссе. Теория, исследования, факты и политика : [пер. с англ.] / В. В. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1990. – 415 с.
13. **Мюрдаль, Г.** Современные проблемы «третьего мира» / Г. Мюрдаль. – М. : Прогресс, 1972. – 768 с.
14. **Маршалл, А.** Принципы политической экономии : в 3 т. : [пер. с англ.] / А. Маршалл. – М. : Прогресс, 1993. – Т. 1. – 414 с.
15. **Мертон, Р.** Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ : АСТ Москва : Хранитель, 2006. – 873 с.
16. **Ионцев, В. А.** Международная миграция населения: теория и история изучения / В. А. Ионцев. – М. : Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.
17. **Миграция** населения: теория, политика : учеб. пособие / О. Д. Воробьева, А. В. Топилина, В. И. Мукомель [и др.]. – М. : Экон. образование, 2012. – 364 с.

18. **Юдина, Т. Н.** Социология миграции: к формированию нового научного направления / Т. Н. Юдина. – М. : Дашков и К°, 2004. – 397 с.
19. **Блинова, М. С.** Социология миграции: история становления и перспективы развития : учеб. пособие / М. С. Блинова. – М. : КДУ, 2009. – 190 с.
20. **Лисицын, П. П.** Новые законы миграции Э. Равенстейна / П. П. Лисицын, А. М. Степанов // СОЦИС. Социологические исследования. – 2022. – № 8. – С. 16–26.
21. **Статистический** ежегодник Республики Беларусь, 2023 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2023. – 322 с.
22. **Злотников, А. Г.** Депопуляция и ограничения статистической информации в Республике Беларусь / А. Г. Злотников // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2024. – Т. 4, № 3. – С. 167–182.
23. **История** белорусской государственности : в 5 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Бел. навука, 2018–2020. – Т. 1 : Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя, М. П. Костюк, В. В. Данилович [и др.] ; отв. ред.: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев. – 2018. – 598 с.
24. **Седов, В. В.** Славяне в древности / В. В. Седов. – М. : Акад. проект, 2019. – 378 с.
25. **Слово** о полку Игореве / вступ. статья и подгот. древнерус. текста Д. Лихачева. – М. : Худ. лит., 1987. – 222 с.
26. **Всемирная** история : в 24 т. / О. Воротникова, А. Глобус, А. Кишкин [и др.]. – Минск : Лит-ра, 1997. – Т. 4 : Эллинистический период. – 608 с.
27. **Лукашенко, А. Г.** Единство – главное условие сохранения и жизни нашего государства : выступление на патриотическом форуме «Мы – белорусы», посвящ. Дню народного единства / А. Г. Лукашенко // СБ. Беларусь сегодня. – 2023. – 19 сент.
28. **Всемирная** история : в 24 т. / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек [и др.]. – Минск : Лит-ра, 1998. – Т. 6 : Римский период. – 512 с.
29. **Ситько, З.** По следам Литвы / З. Ситько. – Минск : Харвест, 2013. – 224 с.
30. **Почему** русские называются русскими // Как Просто! – URL: <https://www.kakprosto.ru/kak-90720-pochemu-russkie-nazyvayutsya-russkimi#ixzz5evvabKL0>. – Дата публ.: 27.11.2011.
31. **Беларусь** на авансцэне Еўразіі: паміж Масквой і Кіевам / пад рэд. К. Колб. – Варшава, 2014. – 139 с.
32. **Соловьев, С. М.** Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М. : Голос, 1993. – Кн. 1 : История России с древнейших времен. Т. 1–2. – 768 с.
33. **Белы, А.** Хроніка «Белай Русі». Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы / А. Белы. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2000. – 328 с.
34. **Раков, А. А.** Белоруссия в демографическом измерении / А. А. Раков. – Минск : [б. и.], 1974. – 127 с. – (Б-чка газеты «Голас Радзімы»).
35. **Ломоносов, М. В.** Избранные философские произведения / М. В. Ломоносов. – М. : Госполитиздат, 1950. – 757 с.

36. **Снайдер, Т.** Реконструкция наций : [пер. с англ.] / Т. Снайдер. – М. : Вроцлав : Летний сад ; Коллегия Вост. Европы, 2013. – 409 с.

37. **Казаков, А. В.** Эмиграция знати с русских княжеств в Великое княжество Литовское (40-е гг. XV – 30-е гг. XVI в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Казаков Александр Владимирович ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2011. – 21 с.

38. **Калубовіч, А.** Крокі гісторыі : даследаванні, артыкулы, успаміны / А. Калубовіч. – Беласток : Вільня : Менск : ГаМакс ; Наша ніва ; Маст. літ., 1993. – 283 с.

39. **Осинский, В. В.** Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР / В. В. Оболенский (Осинский). – М. : Издание ЦСУ СССР, 1928. – 138 с.

40. **Довнар-Запольский, М. В.** История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – 2-е изд. – Минск : Беларусь, 2005. – 630 с.

41. **Марзалюк, И. А.** 100 лет БССР. Реалии и мифы / И. А. Марзалюк. – Минск : Бел. Энцикл. им. П. Бровки, 2020. – 199 с.

42. **Злотников, А. Г.** Демографическое измерение современной Беларуси / А. Г. Злотников. – Минск : Право и экономика, 2006. – 212 с.

43. **Никитенко, П. Г.** Состояние и тенденции демографического развития Беларуси / П. Г. Никитенко, А. А. Раков. – Минск : Право и экономика, 2003. – 61 с.

44. **Эбэрхардт, П.** Дэмаграфічна сітуацыя на Беларусі: 1898–1989 : [пер. с пол.] / П. Эбэрхардт. – Менск : Бел. Фонд Сораса, 1997. – 275 с. – (Адкрытае грамадства).

45. **Ракаў, А. А.** Колькі нас і што нас чакае? / А. А. Ракаў // Дэмаграфічна сітуацыя на Беларусі: 1898–1989 / П. Эбэрхардт. – Менск, 1997. – С. 266–275.

46. **Утгоф, В. С.** Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Утгоф Валентина Сергеевна, С.-Петерб. ин-т истории РАН. – СПб., 2003. – 23 с.

47. **Гриф секретности снят:** Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, конфликтах, боевых действиях и военных конфликтах : стат. исслед. / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков [и др.] ; под ред. Г. Ф. Кривошеева. – М. : Воениздат, 1993. – 416 с.

48. **Верещагин, П. Д.** Крестьянские переселения из Белоруссии / П. Д. Верещагин. – Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1978. – 142 с.

49. **Беларускае замежжа** = Белорусское зарубежье / склад. Н. А. Голубева. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – 480 с.

50. **Нобелевские** лауреаты XX века. Экономика : энцикл. словарь / авт.-сост. Л. Л. Васина. – М. : РОССПЭН, 2001. – 333 с.

51. **Мярчук, В. М.** Эміграцыя насельніцтва з Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Мярчук Вольга Мікалаеўна ; ІГ НАНБ. – Мінск, 2016. – 21 с.

52. **Буча, А. І.** Беларуская дыяспара ў Чэхаславакіі (1921–1938 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.03 / Буча Андрэй Іванавіч, Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2012. – 24 с.

53. **Каспяровіч, Г. І.** Беларусы ў XX ст.: дынаміка дэмаграфічных працэсаў / Г. І. Каспяровіч // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі : зб. навук. прац / Бел. дзярж. пед. ун-т. – Мінск, 1998. – С. 7–22.
54. **Рыбаковский, Л. Л.** Прикладная демография / Л. Л. Рыбаковский. – М. : АСПИ РАН, 2003. – 206 с.
55. **Йоцюс, В. А.** Государственная политика по переселению трудовых ресурсов из БССР (1921–1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Йоцюс Виталий Альгимантович ; Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2017. – 24 с.
56. **Сямашка, Я.** Армія Краёва на Беларусі / Я. Сямашка. – Мінск : БВТ «Хата», 1994. – 416 с.
57. **Беларусь** у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыкл. – Мінск : Бел. Савец. энцыкл., 1990. – 679 с.
58. **Белорусская Советская Социалистическая Республика** / редкол. П. У. Бровка (гл. ред.) [и др.]. – Минск : [б. и.], 1978. – 613 с.
59. **Рыбаковский, Л. Л.** Людские потери СССР в Великой Отечественной войне / Л. Л. Рыбаковский. – М., 2001. – 140 с.
60. **Вялікі, А. Ф.** Ажыццяўленне абмена насельніцтвам паміж БССР і Польшчай. 1944–1946 гг. : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Вялікі Анатоль Фёдаравіч ; БДПУ імя М. Танка. – Мінск, 2002. – 21 с.
61. **Барабаш, Н. В.** Государственная переселенческая политика в БССР (1946–1965 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Барабаш Наталья Викторовна ; ГНУ «Институт истории» НАН Беларуси. – Минск, 2011. – 24 с.
62. **Морозов, В.** Как в 1940-х годах немцы восстанавливали разрушенный ими Гомель / В. Морозов // Гомельская праўда. – 2023. – 29 крас.
63. **Рыбаковский, Л. Л.** Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы победы / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Экон-Информ, 2020. – 251 с.
64. **Население** Республики Беларусь : стат. сб. – Минск : М-во статистики и анализа Респ. Беларусь, 1998. – 87 с.
65. **Численность** населения на 1 января 2024 г. и среднегодовая численность населения за 2023 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, поселков городского типа : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2024. – 30 с.
66. **Регионы** Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2020 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Т. 1. – 776 с.
67. **Красовская, Н. И.** Современная демографическая политика Республики Беларусь: тенденции и приоритеты / Н. И. Красовская // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2015. – № 9. – С. 4–13.
68. **Злотников, А. Г.** Миграция в Беларуси: тенденции и проблемы оценки / А. Г. Злотников // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2016. – № 9. – С. 33–37.

69. **Демографический** ежегодник России, 2015 : стат. сб. / Госкомстат России. – М. : Росстат, 2015. – 380 с.

70. **Итоги** ВПН-2020. Т. 5: Национальный состав // Росстат – Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 05.01.2025).

71. **Оценка** достоверности результатов переписи населения 2019 года в Белоруссии на основе анализа изменений в этнолингвистическом составе населения // Демографическое обозрение. – 2022. – 9 (4). – С. 61–103.

72. **Итоги** переписи населения Республики Беларусь 2019 г. : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Альтиора Форте, 2021. – Т. 2. – 487 с.

73. **Демографический** ежегодник Республики Беларусь, 2012 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2012. – 499 с.

74. **Демографический** ежегодник Республики Беларусь, 2016 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2016. – 442 с.

75. **Демографический** ежегодник Республики Беларусь, 2019 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2019. – 429 с.

76. **Довнар-Запольский, М. В.** Исторические судьбы Верхнего Поднепровья и Белоруссии и культурные их успехи. Распределение населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии по территории, его этнографический состав, быт и культура / М. В. Довнар-Запольский, Д. З. Шендрик // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества : настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семенова ; под общ. рук. В. П. Семенова и В. И. Ламанского. – СПб., 1899–1914. – Т. IX : Верхнее Поднепровье и Белоруссия / сост.: В. П. Семенов, М. В. Довнар-Запольский, Д. З. Шендрик [и др.]. – 1905. – С. 55–227.

77. **Довнар-Запольский, М. В.** Основы государственности Беларуси / М. В. Довнар-Запольский ; М-во белор. дел. – Гродна : Т-во «С. Лапин», 1919. – 14 с.

78. **Довнар-Запольский, М. В.** Народное хозяйство Белоруссии, 1861–1914 гг. / М. В. Довнар-Запольский. – Минск : Госплан БССР, 1926. – 238 с.

79. **Кузнец, С.** Экономический рост наций. Совокупный продукт и структура производства / С. Кузнец // Новые книги за рубежом по общественным наукам. – 1972. – № 7.

80. **Кузнец, С.** Доля лиц с высоким доходом в национальном доходе и сбережениях / С. Кузнец // Новые книги за рубежом по общественным наукам. – 1954. – № 2 (142).

81. **Кузнец, С.** Экономическое развитие Бразилии, Индии, Японии / С. Кузнец, В. Мур, Дж. Спенглер // Новые книги за рубежом по общественным наукам. – 1956. – № 13 (201).

82. **Кузнец, С.** Демографические аспекты современного экономического роста / С. Кузнец // Население и экономика / под ред. А. Г. Волкова и А. Я. Кваши. – М. : Статистика, 1970. – С. 103–166.

83. **Рубин, Я. И.** Оптимум населения: что за этим понятием? / Я. И. Рубин. – Минск : Наука и техника, 1979. – 135 с.
84. **Смулевич, Б. Я.** О двух забытых областях марксистской социологии / Б. Я. Смулевич // Коммунист. – 1963. – № 17. – С. 82–86.
85. **Раков, А. А.** Население БССР / А. А. Раков. – Минск : Наука и техника, 1969. – 224 с.
86. **Рубин, Я. И.** Критика буржуазных трактовок социальных проблем развития народонаселения : историко-демографическое исследование : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.18 / Рубин Яков Израилевич ; Ленин. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – М., 1980. – 39 с.
87. **Шахотько, Л. П.** Население Беларуси: некоторые результаты переписи 1999 г. / Л. П. Шахотько // Белорусский экономический журнал. – 2000. – № 4. – С. 33.
88. **Шахотько, Л. П.** Миграционные процессы в Республике Беларусь / Л. П. Шахотько // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 5. – С. 16–28.
89. **Шахотько, Л. П.** Социально-демографические процессы на территории Беларуси в период трансформации экономической системы : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04 / Шахотько Людмила Петровна ; АН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск, 1997. – 36 с.
90. **Шахотько, Л. П.** Модель демографического развития Республики Беларусь / Л. П. Шахотько ; НАН Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Беларус. навука, 2009. – 439 с.
91. **Шахотько, Л. П.** Воспроизводство населения Белорусской ССР / Л. П. Шахотько ; под ред. А. А. Ракова. – Минск : Наука и техника, 1985. – 128 с.
92. **Шахотько, Л. П.** Население Республики Беларусь в конце XX века / Л. П. Шахотько ; НИИ статистики при Минстате Респ. Беларусь. – Минск : НИИС, 1996. – 251 с.
93. **Пешкова, А. Н.** Миграция населения Белоруссии / А. Н. Пешкова. – Минск : НИИЭМП при Госплане БССР, 1973. – 140 с. – (Для служебного пользования).
94. **Селиванов, А. В.** Белорусские диссертационные исследования по вопросам миграции / А. В. Селиванов // Журнал международного права и международных отношений. – 2021. – № 4 (99). – С. 58–66.
95. **Западнюк, Е. А.** Трудовая миграция населения и ее влияние на формирование современного рынка труда : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Западнюк Евгений Александрович ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2007. – 28 с.
96. **Красовский, К. К.** Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ и прогноз : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук / Красовский Константин Константинович ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2006. – 44 с.
97. **Антипова, Е. А.** Сельское расселение Беларуси: территориальная структура и геодемографическое развитие : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук / Антипова Екатерина Анатольевна ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2008. – 44 с.

98. **Тихонова, Л. Е.** Государственное регулирование демографических процессов в Республике Беларусь : автореф. дис... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Тихонова Людмила Ефимовна ; Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. – М., 2002. – 42 с.
99. **Тихонова, Л. Е.** Регулирование демографических процессов в Беларуси / Л. Е. Тихонова. – Минск : БГУ, 2002. – 264 с.
100. **Привалова, Н. Н.** Демографическая политика Беларуси в условиях реформирования экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Привалова Наталья Николаевна ; НИЭИ Минэкономики Респ. Беларусь. – Минск, 2002. – 20 с.
101. **Богино, Н. И.** Государственное регулирование демографических процессов в районах радиоактивного загрязнения Беларуси : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Богино Наталья Ивановна ; НИЭИ Минэкономики Респ. Беларусь. – Минск, 2005. – 20 с.
102. **Тимошенко, М. В.** Совершенствование системы регулирования миграции трудовых ресурсов в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Тимошенко Мария Владимировна ; Бел. гос. экон. ун-т. – Минск, 2011. – 26 с.
103. **Масленкова, Е. В.** Совершенствование государственного регулирования внешней трудовой миграции в Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Масленкова Елена Владимировна ; Ин-т экономики НАНБ. – Минск, 2018. – 27 с.
104. **Бондарь, М. А.** Международная интеллектуальная миграция: формы, тенденции, государственное регулирование : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Бондарь Маргарита Александровна ; Бел. гос. экон. ун-т. – Минск, 2008. – 25 с.
105. **Нестерова, А. А.** Трудовая мобильность населения в условиях региональной экономической интеграции : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Нестерова Анастасия Александровна ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2018. – 29 с.
106. **Зенченко, С. В.** Формирование и реализация государственной внешней миграционной политики Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Зенченко Сергей Валентинович ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2013. – 24 с.
107. **Шупенько, Т. И.** Государственная политика Республики Беларусь в отношении белорусов зарубежья : автореф. дис... канд. полит. наук : 23.00.02 / Шупенько Татьяна Игоревна ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – 25 с.
108. **Рамазанова, Н. О.** Административно-правовое регулирование в сфере миграции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Рамазанова Наталья Олеговна ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2023. – 28 с.
109. **Манак, Б. А.** Насельніцтва Беларусі. Рэгіянальныя асаблівасці развіцця і рассялення / Б. А. Манак. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 176 с.

110. **Супрунович, Р. М.** Трудовая миграция в мировой экономике / Р. М. Супрунович ; под науч. ред. В. Ф. Медведева ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2006. – 198 с. – (Серия «Мировая экономика»).

111. **Супрунович, Р. М.** Оценка доходов от международной трудовой миграции в Республике Беларусь / Р. М. Супрунович // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2008. – № 1. – С. 19–26.

112. **Супрунович, Р. М.** Установка на переселение: системная конфигурация социально-экономических факторов международной миграции / Р. М. Супрунович // Белорусская думка. – 2013. – № 9. – С. 77–83.

113. **Миграция** населения Республики Беларусь / М. И. Артюхин, П. П. Димитрук, Г. М. Евелькин [и др.] ; под. общ. ред. Г. М. Евелькина ; НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Бел. наука, 2008. – 182 с.

114. **Загорец, И. В.** Миграция населения и миграционная политика / И. В. Загорец. – Минск : Лучи Софии, 2000. – 85 с.

115. **Загорец, И. В.** Формирование системы расселения с центром в малых городских поселениях Белорусской ССР : автореф. дис. ... канд. геогр. наук : 11.00.02 / Загорец Ирина Викторовна ; Бел. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск, 1990. – 13 с.

116. **Концепция** национальной безопасности Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (дата обращения: 28.04.2024).

Научное издание

Злотников Анатолий Геннадьевич

МИГРАЦИОНИСТИКА БЕЛАРУСИ

Монография

В двух частях

Часть 1

ТЕОРИЯ МИГРАЦИИ И ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОЙ МИГРАЦИОНИСТИКИ

Редактор М. П. Любошенко
Компьютерная верстка Л. Г. Макарова

Подписано в печать 30.06.25. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография.
Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 17,70. Тираж 50 экз.
Заказ № 10-06-25.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/138 от 06.08.2024.
Просп. Октября, 50, 246029, Гомель.
<http://bteu.by>